Сочиненія Густава Эмара.

Перстъ Божій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

 Изданіе П. П. Сойкина

12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Марта 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12.

I. Какъ донъ Бальтазаръ Турпидъ понималъ дѣла.

Донъ Бальтазаръ Турпидъ медленно смаковалъ стаканъ прекраснаго французскаго коньяку, настоящаго стараго fine champagne, и ногтемъ мизинца смахивалъ пепелъ со своей сигары.

— Вы говорили о вторичной неудачѣ, которую намъ пришлось претерпѣть?—сказалъ донъ Мануэль послѣ минутнаго молчанія.

— Гмъ! дѣйствительно,—небрежно отвѣтилъ донъ Бальтазаръ,—и даже очень важной неудачѣ: донъ Фабіанъ-де-Торе-Асуль назначенъ министромъ юстиціи.

— Другъ дона Порфиріо Сандоса?

— Онъ самый.

— Vota Brios! —воскликнулъ донъ Вольдомеро, — только этого не доставало, чтобы совсѣмъ доканать насъ! И эта идея....

— Какая?

— Да эта ссуда денегъ! Вы просто сумасшедшій!

— Я? ничуть не бывало!

— Но это вѣроятно была шутка, мой другъ?

— Я не имѣю обыкновенія шутить въ дѣлахъ, —отвѣтилъ онъ серьезно, — но разъ мнѣ представляется возможность устроить выгодную сдѣлку, на то я и банкиръ, чтобы не упустить ее.

Началомъ этого романа служитъ романъ „Искатель Слѣдовъ“.
Пер.

— Это правда; но снабжать деньгами нашего смертельнаго врага!...

Донъ Бальтазаръ пожалъ плечами и сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Вы ничего не понимаете въ этихъ спекуляціяхъ; я же въ этомъ дѣлѣ выигрываю двѣсти, а можетъ быть и триста процентовъ; надо быть дуракомъ, чтобы не воспользоваться имъ!

— Но какимъ образонъ донъ Порфиріо, этотъ старый плутъ, обратился именно къ вамъ?

— Развѣ вы забыли, что всѣ, не исключая и дона Порфиріо, считаютъ меня вашимъ врагомъ?

— А теперь онъ, навѣрное, окончательно убѣдился въ этомъ мнѣніи, найдя въ васъ такую готовность къ его услугамъ!

— Я именно этого-то и добивался; и теперь торжествую: у насъ установились съ нимъ интимныя отношенія.

— Однако, мой другъ, вы насъ всѣхъ морочите. Право, вы очень милы!—сказалъ донъ Мануэль, нахмуривъ брови.

— Какъ вы любезны, — отвѣтилъ донъ Бальтазаръ, наклоняя голову съ комической гримасой; — дамы до сихъ поръ повторяютъ мнѣ иногда тотъ же комплиментъ!

— И что это за человѣкъ, чортъ побери! На него и разсердиться-то невозможно!—воскликнулъ донъ Мануэль, стукнувъ кулакомъ по столу.

Всѣ разсмѣялись.

— Но, несчастный, — началъ опять донъ Мануэль,—вы вообразите, что, вѣдь, мы теперь все ставимъ на карту; вся наша сила—въ нашемъ богатствѣ и нищетѣ этихъ прощалыгъ; имъ негдѣ достать какую-нибудь тысячу піастровъ *), а вы настолько глупы, что даете имъ цѣлыхъ двѣсти тысячъ!

— Да я далъ бы имъ вдвое больше, если бы они попросили меня!

---

*) Піастръ=1 р. 35 к.

— Но, вѣдь, это безуміе!—вскричалъ онъ въ ярости.

— Не волнуйтесь такъ, донъ Мануэль,—вмѣшался въ разговоръ донъ Вальдомеро;—я начинаю понимать комбинацію дона Бальтазаро и вполнѣ раздѣляю его мнѣніе.

— Какъ, вы согласны съ.....

— Съ донъ Вальтасаромъ?—безусловно!

— Пусть онъ объяснится!—рѣзко произнесъ донъ Корнеліо Кебрантадаръ.

Донъ Мануэль изъ осторожности вынужденъ былъ уступить своимъ сообщникамъ; затаивъ гнѣвъ, онъ, повидимому, совсѣмъ успокоился.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ, — пусть объясняется; я просто теряю голову среди тѣхъ несообразностей, о которыхъ этотъ чортъ говоритъ вотъ уже цѣлый часъ, точно насмѣхаясь надъ нами.

— Я еще никогда не говорилъ болѣе серьезно, чѣмъ въ настоящую минуту, милый сеньоръ, — отвѣтилъ донъ Бальтазаръ,—если бы вы не перебивали меня, то уже давно вамъ все было бы ясно.

— Такъ говорите же, я не произнесу больше ни слова!

— Давно бы такъ; прошу у васъ только пять минутъ вниманія. Надѣюсь, что ваше терпѣніе не истощится.

— Скорѣй, скорѣй, безъ предисловій!

— Слушаю, но прошу васъ, милый сеньоръ, быть на будущее время немного потерпѣливѣе. Наше положеніе извѣстно вамъ лучше, чѣмъ кому-бы то ни было? Слѣдовательно, мы оба съ вами прекрасно сознаемъ, что, не взирая на обширный кругъ нашихъ связей, на большую численность нашихъ единоплеменниковъ и тотъ высокій постъ, который многіе изъ нихъ занимаютъ въ общественномъ положеніи, въ арміи или торговлѣ, наше господство не продлилось бы и полъ года во всякой другой странѣ, менѣе экцентричной, чѣмъ наша: довольно какой-нибудь случайности,—все пойдетъ прахомъ, и мы погибли!

— Однако, вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, какъ положеніе дѣлъ остается то же, и наше могущество лишь воз-

ростаетъ съ каждымъ днемъ!—съ ироніей сказалъ донъ Мануэль.

— Потому, что мы въ Мексикѣ, гдѣ все идетъ въ разрѣзъ съ логикой; явная безсмыслица здѣсь будетъ имѣть успѣхъ; къ тому же, до сихъ поръ на насъ никогда не дѣлали серьезныхъ нападеній.

— Именно вслѣдствіе нашихъ связей и массы нашихъ сообщниковъ, разсѣянныхъ не только по городамъ, но даже и по деревушкамъ.

Донъ Бальтазаръ пожалъ плечами и заволновался, гримасничая невозможнымъ образомъ:

— Но вы просто дуракъ!— сказалъ онъ грубо.

— Что!—выпрямился донъ Мануэль,—обидѣвшись на подобное воззваніе.

— Да, вы дуракъ, и я сейчасъ докажу вамъ, что я правъ, Какъ, вы воображаете, что наши связи, установленныя нами такой дорогой цѣною, и наши союзники выгородятъ насъ въ минуту опасности?!

— А какъ же иначе! для чего же мы и принимали ихъ въ свое товарищество?

— Это *вы* ихъ принимали, но не *мы*. Возстановимъ факты пожалуйста!

— Чего ради, не понимаю!

— Это важнѣе, чѣмъ вы полагаете, милый сеньоръ! повторяю вамъ, только вы одинъ устроили этотъ союзъ, но не мы; большинство изъ насъ, и я первый, противились вашему образу дѣйствій. Но вы поставили на своемъ, — и глупость была сдѣлана. По справедливости, слѣдовало бы одного васъ предоставить на произволъ судьбы; да еслибы шла рѣчь только о васъ, я и не подумалъ бы изыскивать средства, чтобы выгораживать васъ изъ того непріятнаго положенія, въ которомъ вы очутились. Но, къ несчастью, вина одного изъ насъ падаетъ на всѣхъ остальныхъ, и ваша погибель губитъ въ то же время и всѣхъ насъ; вотъ почему я и стараюсь, не для васъ, а для всего товарищества.

— Однако, пока вы ничего не объясняете, а только из-

водите насъ; одними ругательствами вы ничего не докажете!

— Потерпите! я начинаю; во первыхъ, да будетъ вамъ извѣстно, что всѣ эти единомышленники сдѣлаются нашими лютыми врагами, лишь только узнаютъ о нашемъ паденіи; болѣе того, они сами же донесутъ на насъ, куда слѣдуетъ, чтобы во время оправдать самихъ себя.

— О! вы слишкомъ преувеличиваете, сеньоръ!

— Вы такъ думаете? ну, такъ знайте же, что они не дремлютъ, и доносы на насъ въ полномъ ходу, въ самой Мексикѣ.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Я вамъ говорю сущую правду!

— Значитъ, все кончено, мы погибли!

— Не совсѣмъ еще; но это можетъ случиться, если мы тотчасъ же не примемъ надлежащихъ мѣръ.

— Что же намъ дѣлать! Valga me Dios! — что дѣлать?

— А! вы, наконецъ, поняли: много же времени вамъ понадобилось для этого!

— Обвиненія ваши теперь не у мѣста; намъ некогда терять ни минуты; разъ вы явились сюда, значитъ у васъ есть средства спасти насъ.

— Очень можетъ быть!—сказалъ банкиръ съ зловѣщей усмѣшкой.

— Какое же это средство?

— Вы скоро узнаете; но сначала позвольте изложить вамъ планъ дѣйствія нашихъ враговъ, планъ въ высшей степени геніальный, а потому и опасный для насъ.

— Я не понимаю васъ; нашему союзу грозитъ опасность; моя обязанность защитить его.

— Вотъ вы и ошибаетесь. Нападаютъ не на союзъ, а лично на васъ.

— На меня? по какому поводу?

— Это удивительно, милый донъ Мануэль, какъ ваша память слабѣетъ съ каждымъ днемъ! Неужели вы забыли о

своихъ старыхъ грѣшкахъ, какъ, напримѣръ, о дѣтяхъ, ввѣренныхъ вашей опекѣ, о наслѣдствѣ, данномъ вамъ на храненіе, и о нѣкоторыхъ статьяхъ извѣстнаго вамъ завѣщанія? да мало ли еще чего!

— Чтожъ, я сумѣю вывернуться, не безпокойтесь.

— Вѣрю вамъ, ну, а потомъ?

— Какъ, потомъ?

— Да разъ выплыветъ это дѣло, то ваши враги употребятъ всѣ средства, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. А развѣ вы не боитесь, что вашъ знаменитый союзъ Платеадосъ, представителемъ котораго вы состоите, дастъ вашимъ противникамъ немаловажные аргументы для уликъ противъ васъ? Но наши враги не рѣшились рисковать громадной суммой денегъ, необходимой для возбужденія процесса въ Мексикѣ, зная притомъ, что у насъ имѣются приверженцы не только въ министерствахъ, но даже среди приближенныхъ самого президента республики? Таково было положеніе дѣлъ, когда pronunciamiento *) все измѣнило, низвергнувъ нашихъ друзей и замѣнивъ ихъ врагами.

— Pronunciamiento, которому они конечно содѣйствовали.

— Изо всѣхъ силъ; это былъ ихъ единственный шансъ на успѣхъ.

— Дѣйствительно!

— Очень радъ, что вы соглашаетесь со мной. И лишь только новый образъ правленія вошелъ въ силу, донъ Порфиріо Сандосъ, который, надо ему отдать справедливость, по своему недюжинному уму и неутомимой энергіи является для насъ опаснѣйшимъ врагомъ, началъ съ того, что провозгласилъ себя правителемъ Соноры, вы понимаете для какой цѣли?

— Vive Dios! ради того, конечно, чтобы взять силой то, чего онъ не могъ добиться по праву.

— Не будемъ говорить о правѣ, разъ мы сами не приз-

*) Объявленіе возстанія въ Южной Америкѣ и Испаніи. *Перев.*

наемъ его, хотя въ вашихъ словахъ есть доля правды: владѣніе стоитъ титула въ Штатѣ, столь отдаленномъ отъ центра.

— Въ особенности, когда имѣешь власть губернатора этого Штата,—замѣтилъ донъ Вальдомеро,—и можешь распоряжаться войскомъ и судами.

— Совершенно вѣрно, — возразилъ донъ Бальтазаръ, гримасничая,—но чтобы достигнуть столь блестящаго результата, т. е. чтобы отмстить сеньору дону Мануэлю и уничтожить грозный союзъ Платеадосовъ, нужно было не мало денегъ.

— А у дона Порфиріо ихъ совсѣмъ не было!—воскликнулъ донъ Мануэль, потирая себѣ руки.

— Никому положительно не извѣстно, что есть у дона Порфиріо и чего у него нѣтъ; это хитрый индѣецъ, который себѣ на умѣ: отъ него ничего не вывѣдаешь. Достовѣрно лишь то, что онъ слыветъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ за раззорившагося въ конецъ человѣка; однимъ словомъ, онъ рѣшился заложить свои мексиканскія помѣстья, единственныя, которыя у него оставались, а также и своею гасіенду дель Пальмаръ. Я не переставая, слѣдилъ за нимъ и подалъ ему мысль обратиться ко мнѣ, чѣмъ онъ и воспользовался; я изъявилъ готовность выручить его и сдѣлалъ видъ, что радъ случаю сыграть съ вами злую штуку, такъ какъ всѣ убѣждены, что я врагъ вамъ. Но вмѣсто шестидесяти тысячъ, которыя ему хотѣлось получить за Пальмару, я предложилъ ему двѣсти, но не въ видѣ займа, а какъ плату за его владѣнія, которыя переходятъ въ мою собственность. Донъ Порфиріо согласился не сразу, но я настоялъ, и онъ уступилъ на слѣдующихъ условіяхъ: гасіенда дель Пальмаръ и мексиканскій дворецъ заложенъ въ мои руки; если черезъ два мѣсяца, считая со дня подписи акта, донъ Порфиріо не заплатитъ мнѣ цѣликомъ всей суммы, а также процентовъ, въ общемъ двухъ сотъ тридцати пяти тысячъ піастровъ, то всѣ его владѣнія перейдутъ окончательно въ мои руки.

— О! но!...

— Я еще не кончилъ; слушайте дальше!

— Посмотримъ! посмотримъ!

— При недостаткѣ же денегъ донъ Порфиріо можетъ расквитаться со мною, возвративъ мнѣ извѣстное вамъ завѣщаніе и обязуясь письменно на будущее время отказаться отъ всякихъ преслѣдованій по этому дѣлу дона Мануэля де-Липаресъ, и вообще отъ всѣхъ нападокъ на него прямымъ или инымъ способомъ, по какой бы то ни было причинѣ.

— Вы мастерски провели это дѣло!—въ восторгѣ воскликнулъ донъ Вальдомеро.

— Дѣло ведено въ совершенствѣ — проговорилъ донъ Венито де Касональ.

— Да, дѣйствительно, вы хорошо придумали! — сказалъ донъ Корнеліо Кебрантадоръ.

— Актъ подписанъ? — спросилъ донъ Кристоваль Паломбо.

— Пять дней тому назадъ!—отвѣчалъ донъ Бальтазаръ съ своей гримасой, на этотъ разъ ужаснѣе обыкновеннаго.

Донъ Мануэль съ неописуемымъ удивленіемъ смотрѣлъ на своихъ друзей.

— Все, что мнѣ ясно изъ этого дѣла,—проговорилъ онъ наконецъ,—это то, что у нашего врага не было ни одного реала *), а теперь....

— Онъ отъ этого рѣшительно ничего не выигралъ! — прервалъ донъ Вальдомеро сердитымъ голосомъ.

— Т. е. какъ же это? что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что случилось именно то, что я предвидѣлъ. Сначала ему пришлось отдѣлаться отъ неотложныхъ долговъ; затѣмъ, чтобы придать своему положенію извѣстный блескъ, ему понадобилось обзавестись экипажами и проч. — Шестьдесятъ тысячъ піастровъ у него исчезли въ одинъ мигъ; затѣмъ необходимо было сдѣлать визиты членамъ правленія, чтобы заручиться отъ нихъ позволеніемъ

---

*) Монета въ Испаніи=5 коп. сер.

дѣйствовать по своему усмотрѣнію, съ полною безопасностью; такимъ образомъ въ данную минуту въ кассѣ сеньора дона Порфиріо Сандосъ, губернатора Соноры, не найдется и сорока тысячъ піастровъ.

— А! а! и никакихъ больше рессурсовъ! — воскликнулъ донъ Мануэль;—въсамомъ дѣлѣ, милый сеньоръ, вы устроили все прекрасно; примите мои извиненія; право, вы оказались очень ловкимъ человѣкомъ.

— Благодарю, сеньоръ, но это еще не все! — сказалъ донъ Бальтазаръ.

— Что же еще-то?

— Вы предоставили мнѣ полную свободу дѣйствій?

— Да?

— Въ такомъ случаѣ, я вполнѣ воспользовался ею.

— Какимъ образомъ?

— Новый министръ финансовъ, зайдя ко мнѣ, сталъ жаловаться на плачевное состояніе казны и крайнюю необходимость для правительства имѣть деньги на текущемъ счету. Тогда я отвѣтилъ ему, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Сонорѣ появился негодяй, который своими происками причиняетъ огромный вредъ жителямъ этой страны, стращая ихъ угрозами, и т. д.; что этотъ субъектъ, прозывающійся донъ Торрибіо де Ніебласъ, вовсе даже не Мексиканецъ, что это мой врагъ, ограбившій мои двѣ гасіенды, что я радъ былъ бы избавиться отъ него какъ можно скорѣе. Потомъ я такъ повелъ дѣло, предложивъ министру восемьдесять тысячъ піастровъ, безъ процентовъ, что тотъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ, что мое заявленіе правильно и что онъ обратитъ на него должное вниманіе. Ну, что вы объ этомъ думаете?

— Я въ восторгѣ отъ вашихъ дѣйствій; вы ловко отразили ударъ, который собирались нанести намъ.

— И въ довершеніе всего у меня въ портфелѣ имѣется бумага, подписанная президентомъ республики и министромъ внутреннихъ дѣлъ, уполномочивающая меня арестовать дона

Торрибіо де Ніебласа и дающая право употребить силу въ случаѣ нападенія.

— Это уполномочіе у васъ?

— Вотъ оно! — сказалъ банкиръ, вынимая бумагу изъ портфеля и передавая ее дону Мануэлю.

Послѣдній поспѣшно схватилъ ее и быстро пробѣжалъ глазами.

— Эге, да вамъ выдали настоящую бланковую подпись!— радостно воскликнулъ онъ.

— Почти что такъ!—отвѣтилъ донъ Бальтазаръ съ видимымъ спокойствіемъ.

— Не почти что, а навѣрное, взгляните сами!

— Ну, положимъ, что навѣрное! я спорить съ вами не буду. Значитъ, вы теперь довольны?

— Восхищенъ, будетъ правильнѣе; не знаю, какъ и благодарить васъ! Не мало-же вамъ пришлось похлопотать!

— Хлопоты-то что, главное намъ успѣхъ!

— Успѣхъ вполнѣ обезпеченъ!

— Вы думаете?

— Да какъ-же, факты на лицо; вамъ эта бумага обошлась, вѣроятно, очень дорого?

— Нѣтъ, не особенно, тысячъ двадцать піастровъ, не болѣе.

— Да, это въ сущности, пустяки!

— И я того-же мнѣнія; но, — прибавилъ онъ съ гримасой, на подобіе обезьяны, проглотившей не спѣлый фруктъ,— въ уголкѣ моего портфеля есть другая бумага, которая стоила мнѣ подороже.

— Какъ, еще бумага, да вы начинены ими?—разсмѣялся донъ Мануэль.

— Эге! знаете, человѣческая природа ненасытна; и я не могъ устоять передъ послѣдней издержкой.

— Какой издержкой?

— За бумагу, о которой я сейчасъ говорилъ.

— Прекрасно, и вы говорите, что она стоила дорого?

— Страшно дорого, сеньоръ, но я не раскаиваюсь.

— Сколько-же вы заплатили за нее?

— Увы! цѣлыхъ девяносто тысячъ піастровъ.

— Caraï! это дѣйствительно дорого.

— Вотъ ужъ вы и осуждаете меня!

— Я? нисколько,—съ живостью воскликнулъ онъ,— если бы вы истратили вчетверо, и то я нашелъ бы, что вы отлично сдѣлали. Развѣ я не убѣжденъ въ вашей преданности къ товариществу и дружбѣ ко мнѣ? Къ тому же, вамъ предоставлена carte blanche, которою вы можете пользоваться, пока вамъ это нравится.

— Въ такомъ случаѣ, сеньоръ, я не хочу болѣе играть съ вами, какъ кошка съ мышью,—сказалъ банкиръ, вытаскивая изъ портфеля бумагу; — вотъ что я вамъ припряталъ напослѣдокъ. Надѣюсь, что, прочитавъ содержаніе этого рескрипта, вы не будете сожалѣть о девятидесяти тысячахъ піастровъ.

Донъ Мануэль развернулъ бумагу дрожащими руками и пробѣжалъ ее.

— Voto a Brios! — вскричалъ онъ съ жаромъ, —это невозможно!

— Что невозможно, дорогой сеньоръ? — спросилъ донъ Бальтазаръ съ гримасой.

— Какъ? я назначенъ алькадъ-маіоромъ Уреса!

— Столицы Штата Соноры, если я не ошибаюсь.

— Ваша правда; но вы просто геній! mil Rayos!

— Вы понимаете, дорогой сеньоръ, что мы не могли спокойно ждать того удара, который намъ готовилъ донъ Порфиріо Сандосъ: онъ губернаторъ Соноры, а вы алькадъ-маіоръ Уреса. Онъ располагаетъ войсками, а вы—судомъ и расправой. Что вы на это скажете?

— Наше дѣло выиграно!

— Я того-же мнѣнія; только если позволите, я вамъ дамъ совѣтъ.

— Говорите, говорите, все, что вы придумаете, превосходно!

— Извольте; затѣмъ поступайте, какъ вамъ заблагораз-

судится; донъ Порфиріо ничего не знаетъ изъ того, что мною сдѣлано и чего я добился для васъ; поддерживайте его въ этомъ невѣдѣніи какъ можно дольше, примите свои мѣры, не теряя времени, но такъ, чтобы все было скрыто. Дону Порфиріо не устроиться раньше восьми, десяти дней; значитъ вы можете дѣйствовать энергично, тѣмъ болѣе, что онъ теперь не можетъ напасть на васъ.

— Я самъ нападу на него.

— Напротивъ, берегитесь этого, вы испортите все дѣло. Ждите его аттаки; а потомъ разомъ откройтесь и прижмите его; вамъ это будетъ легко, такъ какъ всѣ мѣры предосторожности будутъ приняты вами заблаговременно.

— Вы разсуждаете благоразумно.

— Пусть нашъ врагъ первый сбивается съ пути; пусть онъ объявляетъ гражданскую войну, этимъ онъ навлечетъ на себя вину, такъ какъ нарушитъ порядокъ, который вы поддерживаете.

— Этотъ планъ превосходенъ!—воскликнулъ донъ Вальдомеро,—я охотно присоединяюсь къ нему.

— Но, мы должны сохранить все въ тайнѣ и дѣйствовать съ большою осторожностью, — замѣтилъ донъ Бальтазаръ,—только этимъ мы и можемъ обезпечить себѣ успѣхъ.

— Благодарю за совѣтъ, сеньоръ; я въ точности исполню его!—сказалъ донъ Мануэль, отъ души пожимая ему руку.

— Дѣло намъ предстоитъ не легкое, — сказалъ донъ Бальтазаръ; — когда поймаютъ ягуара, онъ защищается до тѣхъ поръ, пока не издохнетъ.

— Ну, мы поступимъ съ ними, какъ тигры съ ягуарами на облавѣ.

— Нашимъ врагамъ нечѣмъ рисковать, они не постоятъ ни передъ чѣмъ, значитъ мы должны всего ждать съ ихъ стороны.

— Да, да, эта послѣдняя схватка будетъ ужасной; но лучше покончить все разъ навсегда.

— Что вы думаете сдѣлать?—спросилъ донъ Вальдомеро.

— Я уже сказалъ вамъ, что намѣренъ послѣдовать совѣту

дона Бальтазара: не терять ни минуты, такъ какъ все наше спасеніе заключается въ этомъ; но для спокойствія намъ необходимо раздѣлить трудъ.

— Я, — сказалъ донъ Бальтазаръ, — тутъ безполезенъ какъ банкиръ; а вотъ въ Мексикѣ мои услуги могутъ пригодиться вамъ; тамъ я буду слѣдить за нашими врагами, предотвращать измѣны и доносы на насъ.

— Совершенно вѣрно; когда вы хотите ѣхать?

— Съ разсвѣтомъ.

— Прекрасно! А вы, донъ Вальдомеро?

— Донъ Корнеліо, донъ Кристоваль и я, мы будемъ подбодрять нашихъ друзей и вербовать всѣхъ пиратовъ и бродягъ.

— Хорошо; теперь донъ Бенито де Касональ и я, мы отправимся послѣ васъ въ Уресъ, гдѣ наше присутствіе необходимо. И такъ, завтра рано утромъ, или вѣрнѣе черезъ нѣсколько часовъ, такъ какъ теперь уже четыре часа утра, каждый изъ насъ поѣдетъ въ свою сторону.

— Э!—вскричалъ донъ Бальтазаръ,—вѣдь, я не лѣсной бродяга, дорогой сеньоръ!

— Не безпокойтесь объ этомъ, милѣйшій донъ Бальтазаръ! Я дамъ вамъ, мой другъ, конвой, который будетъ сопровождать васъ и оставитъ лишь тогда, когда вы будете въ полной безопасности.

— Ну, слава Богу,—надѣюсь, что не попадусь въ какую нибудь западню.

— Вы пріѣдете здравы и невредимы, будьте покойны; въ Мексикѣ знаютъ о вашемъ путешествіи?

— Знаютъ, что меня тамъ нѣтъ и думаютъ, что я въ Вера-Крусѣ, по дѣламъ.

— Отлично; такъ лучше, чтобы не знали, съ какой стороны вы явитесь. Теперь, — добавилъ банкиръ, вставая,— постарайтесь заснуть часика на два на три, желаю вамъ пріятнаго сна!

— Еще одну секунду!—сказалъ донъ Вальдомеро,—мы забываемъ главный вопросъ.

— Какой именно?

— Вы не рѣшили, гдѣ мы всѣ соберемся опять?

— Правда, правда, я совсѣмъ теряю голову. Ну, такъ...

— Позвольте,—прервалъ донъ Вальдомеро,—у меня есть гасіенда въ четырехъ пяти миляхъ отъ Тубака, та самая, которую вы мнѣ продали, донъ Мануэль.

— Монте-Негро?

— Она самая! Мѣсто это очень удобное. Если вы не придумаете ничего лучшаго, то, по моему, тамъ намъ безопаснѣе всего встрѣтиться: во первыхъ, мы будемъ у себя, а во вторыхъ, завладѣемъ всѣми путями, ведущими въ Сонору.

— Да, это мѣсто удачно выбрано и всѣмъ намъ хорошо извѣстно; къ тому-же, въ крайности, намъ оттуда удобнѣе всего защищаться.

— И такъ, значитъ, рѣшено?—спросилъ донъ Вальдомеро.

— Рѣшено! — отвѣтили въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе.

Затѣмъ, распрощавшись другъ съ другомъ, всѣ разошлись по своимъ покоямъ, приготовленнымъ заранѣе.

Не успѣла закрыться дверь за предводителями Платеадоса, какъ послышался слабый трескъ, послѣ котораго открылась часть стѣны, легко перевернулась вокругъ себя, и въ образовавшемся пространствѣ показалась человѣческая фигура.

Этотъ человѣкъ былъ донъ Торрибіо де Ніебласъ.

Онъ обвелъ комнату испытующимъ взглядомъ.

— Прекрасно, — пробормоталъ онъ со странной улыбкой,—я тоже буду присутствовать на этомъ собраніи! До скораго свиданія, господа; вы тутъ не одни держали совѣтъ!

Онъ подался назадъ, исчезъ въ скважинѣ, и стѣна приняла свое обычное положеніе, такъ что самый опытный глазъ не могъ-бы открыть этого секретнаго прохода.

II. Въ которой искатели слѣдовъ принимаются за дѣло.

Мы уже разсказывали, что, разставшись съ двумя охотниками, Матадіесомъ и Редблудомъ, донъ Торрибіо-де-Ніебласъ сѣлъ у громадной лиственницы и, опустивши голову на грудь, глубоко задумался надъ трудной задачей, которую онъ начерталъ себѣ, и о средствахъ къ выполненію ея.

Прошелъ цѣлый часъ, какъ онъ былъ погруженъ въ свои думы. Вдвугъ раздался крикъ орла съ черною головой, повторившійся почти подрядъ два раза; молодой человѣкъ сразу поднялъ голову.

Поднявшись на ноги, онъ осмотрѣлся вокругъ себя и крикнулъ совсѣмъ какъ ястребъ.

Тотчасъ-же послѣ этого послышался шумъ въ кустахъ; вѣтки раздвинулись, и на лужайку прыгнулъ, точно испуганная лань, молодой человѣкъ, и остановился какъ вкопанный, въ двухъ шагахъ.

Это былъ Пепе Ортисъ.

Донъ Торрибіо улыбнулся.

— Вотъ и ты, братъ, наконецъ-то! Я ожидалъ тебя раньше; добро пожаловать!

— Я опоздалъ, твоя правда, братъ; но не жалѣй этого, мое время не пропало даромъ.

— Сомнѣваюсь! Однако, развѣ есть новости?

— Еще-бы; но предупреждаю тебя, я тутъ не причемъ; все одна случайность.

— Объясняйся-же скорѣй, ты знаешь, намъ время дорого!

— Будемъ говорить дорогой; намъ тутъ бояться нечего: вѣдь это мѣсто проклято; даже животныя убѣгаютъ отсюда.

— Ты говоришь правду, я никогда не встрѣчалъ болѣе пустыннаго пейзажа.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами, молодые люди углубились въ чащу въ направленіи, противоположномъ тому, которому слѣдовалъ Матадіесъ и его другъ Редблудъ.

— Говори; я теперь могу слушать тебя!— сказалъ донъ Торрибіо.

— Нѣтъ, говори ты раньше; скажи, что ты видѣлъ?

— Почти что ничего. Мы имѣемъ дѣло съ людьми очень ловкими; они пытались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ водить насъ за носъ, но добились только того, что я понялъ, что съ этой сторонѣ невозможно добраться до гасіенды.

— Что-же ты думаешь?

— Думаю, что настоящія тропинки, ведущія къ гасіендѣ, не на этой стороны, а по всей вѣроятности съ противоположнаго косогора.

— Намъ бы только добраться туда.

— Доберемся, не безпокойся.

— У тебя есть слѣпки?

— Да мнѣ ихъ вовсе не нужно, а у тебя?

— Есть нѣсколько; мы ихъ потомъ сравнимъ.

— Ну, за тобой очередь.

— Ладно. Послѣ того какъ мы съ тобой разстались, я отправился по обыкновенію, на свиданіе. Лука Мендесъ уже давно поджидалъ меня, надѣясь, что ты явишься со мною, такъ какъ ему нужно видѣть тебя.

— Ты объяснилъ ему, почему я не могъ быть?

— Конечно. Но, это удивительно, братъ,—прервалъ онъ самого себя, — до какой степени Лука Мендесъ измѣнился послѣ того какъ мы разстались съ нимъ!

— Ба! Да ты никакъ съ ума сошелъ; по моему, онъ все тотъ-же.

— Ты не обращалъ на него вниманія; иначе и самъ замѣтилъ-бы, это просто бросается въ глаза.

— Что бросается въ глаза?

— Да перемѣна, происшедшая въ немъ! Увѣряю тебя, это совсѣмъ другой человѣкъ; онъ точно помолодѣлъ на десять лѣтъ; лицо его похудѣло и приняло выраженіе непоколебимой энергіи, которой я раньше не замѣчалъ въ немъ; глаза его блестятъ, когда онъ воодушевляется; вся его фигура какъ-то выпрямилась; даже голосъ сдѣлался болѣе

увѣреннымъ; однимъ словомъ, это совсѣмъ другой человѣкъ.

— Да ну, ты начинаешь завираться! — сказалъ донъ Торбіо, пожавъ плечами.

— Вовсе нѣтъ, я тебѣ говорю правду!

— Пусть будетъ по твоему; перемѣнился, такъ перемѣнился, для насъ это теперь не играетъ роли; говори о дѣлѣ.

— Не теряй терпѣнія, я начинаю: донъ Мануэль убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда либо, въ раззореніи дона Порфиріо; онъ еще ничего не знаетъ о pronunciamiento и о назначеніи дона Порфиріо губернаторомъ Соноры и Арисоны; онъ въ полной неизвѣстности относительно нашихъ дѣйствій; но за послѣдніе дни онъ въ большомъ волненіи; онъ ждетъ каждую минуту важныхъ извѣстій; лишь только они будутъ получены, тогда въ гасіендѣ дель Энгано состоится собраніе главныхъ начальниковъ Пладеадосовъ.

— О, о! это драгоцѣнныя свѣдѣнія.

— Не правда-ли?

— И это все?

— Нѣтъ погоди: нѣсколько дней тому назадъ поселился въ гасіендѣ нѣкій донъ Венито де-Касональ; онъ очень друженъ съ дономъ Мануэлемъ и, говорятъ, ухаживаетъ за донной Сантой.

— Что?—воскликнулъ донъ Торрибіо, вздрогнувъ.

— Я говорю то, что слышалъ, братъ!

— Продолжай, говори, я готовъ все выслушать!

— Этотъ Касональ въ большомъ фаворѣ у дона Мануэля, который хотѣлъ-бы выдать за него донну Санту. А она ненавидитъ его, запирается у себя и отказывается отъ свиданій съ нимъ.

— Милая Санта! — проговорилъ молодой человѣкъ съ облегченіемъ.—А каковъ изъ себя, этотъ Касональ?

— Молодъ, лѣтъ двадцати семи, двадцати восьми, красивый малый, фатъ, безпечный, алькадъ Уреса и одинъ изъ главныхъ союзниковъ Платеадоса.

— Намъ такихъ нечего бояться; продолжай!

— Мнѣ остается добавить нѣсколько словъ, которыя для меня непонятны.

— Но все-таки скажи ихъ.

— Изволь: „донъ Торрибіо долженъ всегда держаться востока, остерегаться друидическихъ памятниковъ и помнить, что лѣвая сторона самая благопріятная, такъ какъ она со стороны сердца“. Это для меня загадка.

— Да, и очень темная; но, я надѣюсь, она выяснится, и мы поймемъ.

— Что-же касается меня, я отказываюсь понять!

— Какъ знаешь; Лука Мендесъ ничего больше не сказалъ?

— Нѣтъ, ничего, если не считать того, что, если ты послѣдуешь его указаніямъ, то вы скоро увидитесь.

— Теперь я начинаю нѣсколько понимать.

— Ты думаешь отгадать?

— Можетъ быть; мнѣ кажется, что я предвижу свѣтъ.

— Очень радъ за тебя. Я же становлюсь въ тупикъ.

— Наши изслѣдованія должны начаться съ востока?

— Eh caraï! Это удивительно!

— Что?

— Да твои слова.

— Отчего?

— Потому что это касается моего второго приключенія.

— Кстати, ты вѣдь мнѣ еще ничего не разсказалъ, что дѣлалъ послѣ того, какъ разстался съ Лукою Мендесомъ?

— Я только что собирался начать разсказъ.

— Ну, говори, я слушаю.

— Ночь уже наступила, мнѣ предстоялъ длинный путь, но раньше нужно было найти бродъ въ рѣчкѣ, чтобы перейти ее; я долго шелъ пѣшкомъ и очень усталъ; такъ какъ я не разсчитывалъ встрѣтить тебя раньше сегодняшняго утра, то мнѣ нечего было торопиться! Найдя развѣсистое дерево, я рѣшился расположиться на немъ на ночь, но не зажегъ огня, боясь обратить на себя вниманіе какого-нибудь бродяги, шатающагося по окрестностямъ. Ты

знаешь, въ пампасахъ мы зачастую спимъ на деревьяхъ; это же дерево оказалось вполнѣ удобнымъ для меня; я живо вскарабкался на него и расположился въ густыхъ вѣтвяхъ, потомъ порывшись въ ягташѣ, съ удовольствіемъ поужиналъ при лунномъ свѣтѣ. Единственно, чего мнѣ не доставало, это папироски: точно предчувствіе предостерегало меня курить. Закусивъ, я привязалъ себя кушакомъ къ толстой вѣтви, чтобы не упасть, приготовился ко сну, пожелалъ себѣ спокойной ночи и закрылъ глаза.

Ночь была дивная; надъ пустыней царило торжественное молчаніе, луна просвѣчивала сквозь вѣтви деревьевъ, атмосфера благоухала; я сталъ засыпать и пріятныя грезы уже проносились передо мною. Вдругъ я вздрогнулъ и раскрылъ глаза: мнѣ послышался точно отдаленный громъ, который становился все отчетливѣе; наконецъ, шумъ сдѣлался настолько ясенъ, что я могъ различить, что это было ничто иное, какъ мчавшіяся во всю прыть лошади; я былъ счастливъ, что выбралъ себѣ это мѣстечко, откуда меня не могли видѣть, а я могъ наблюдать на свободѣ. Ждать мнѣ пришлось не долго; вскорѣ показалось отъ десяти до двѣнадцати всадниковъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать свою бѣшеную скачку, они вдругъ остановились какъ разъ тамъ, гдѣ я раньше намѣревался отдохнуть. Сойдя съ лошадей, они привязали ихъ, накормили, затѣмъ зажгли два огня и поужинали съ большимъ аппетитомъ, разговаривая между собою, но не достаточно громко, чтобы я могъ разслышать, что они говорили; до меня только изрѣдка доносились нѣкоторыя слова, которыя, признаться, заставили меня призадуматься.

— Что это были за люди? Краснокожіе, или охотники?

— Ни тѣ, ни другіе, это—ранчеросы, одѣтые очень богато: четверо изъ нихъ сіяли какъ солнце, столько на нихъ было серебра и золота, но это еще что, надо было видѣть ихъ лошадей.

— Что-же въ нихъ было такого особеннаго?

— Ничего, если не считать того, что кожа ихъ сбруи совершенно затмѣвалась золотыми украшеніями.

— Но въ такомъ случаѣ эти господа никто другіе, какъ Платеадосы; они конечно принадлежатъ къ тому опасному обществу, которое я рѣшилъ уничтожить.

— Я самъ сначала подозрѣвалъ то-же; теперь же начинаю думать, что ты правъ: изъ нѣсколькихъ ихъ словъ, которыя я разслышалъ, я понялъ, что рѣчь шла о ложномъ слѣдѣ и о томъ, чтобы ввести въ обманъ шпіоновъ, спрятавшихся, чтобы выслѣдить ихъ.

— Теперь я больше не сомнѣваюсь, это были мои молодцы!

— Какіе молодцы?

— Говори дальше!—сказалъ донъ Торбіо, потирая себѣ радостно руки,—а потомъ? Вѣдь не просидѣлъ же ты на деревѣ всю ночь, какъ ворона?

— Нѣтъ; отдохнувъ до восхода солнца, всадники сѣли на коней и уѣхали всѣ скорой рысью.

— Хмъ! что-жъ ты сдѣлалъ тогда?

— То-же, что и ты сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ: отправился вслѣдъ за ними.

— Прекрасно!

— Но я выигралъ отъ этого не много.

— А что?

— Да какъ-же, ты пойми, я шелъ пѣшкомъ, а они ѣхали верхомъ; къ тому-же они ѣхали галопомъ, такъ что...

— Такъ что ты потерялъ ихъ изъ виду.

— Почти что.

— Промахнулся-же ты!

— Не сердись, я сдѣлалъ невозможное: мнѣ удалось прослѣдить направленіе ихъ.

— И это чего-нибудь да стоитъ!

— Очевидно, они продолжаютъ оставлять послѣ себя ложный слѣдъ, сбивая его всячески, чтобы невозможно было разобрать его; а все-таки я разобралъ, что они вертѣлись въ одномъ кругѣ, приближаясь къ горѣ Воладеро, къ которой, повидимому, подъѣхали съ востока.

— А! а!—произнесъ донъ Торрибіо въ задумчивости, — вотъ это такъ свѣдѣніе.

— Хорошее?

— Еще-бы; теперь мы скоро положительно будемъ знать, какъ намъ быть. Гдѣ лошади?

— Въ двухъ стахъ шагахъ отсюда спрятаны въ чащѣ.

— Онѣ отдохнули?

— Да; онѣ прошли сегодня утромъ не больше двухъ миль.

— Отлично! въ дорогу; нѣтъ, раньше приведи лошадей, а я пока приготовлю завтракъ: не хорошо начинать трудный путь съ голоднымъ желудкомъ. Неизвѣстно, удастся-ли намъ потомъ поѣсть, или даже передохнуть. Иди скорѣй; когда ты вернешься, все будетъ готово.

— Я просто не узнаю тебя, братъ,—сказалъ Пепе, смѣясь;—ты точно помолодѣлъ на десять лѣтъ; ты мнѣ теперь напоминаешь тѣ времена, когда мы съ тобой охотились за пумами, въ нашихъ дорогихъ пампасахъ; помнишь? Какое это было счастливое время!

— Тебѣ жаль его, братъ?

— Нѣтъ, потому, что мы съ тобой все вмѣстѣ и такъ же любимъ другъ друга, какъ и тогда.

— Дорогой и добрый мой Пепе!—проговорилъ тонъ Торрибіо въ волненіи.

Повинуясь невольному движенію, молодые люди очутились въ объятіяхъ другъ друга и пробыли такъ съ минуту.

— Будемъ всегда такъ любить другъ друга, братъ, — сказалъ донъ Торрибіо,—мы вдвоемъ составляемъ всю нашу семью!

— Да, это правда, братъ, — отвѣтилъ Пепе Ортисъ съ волненіемъ, — и помни, что пока мы вмѣстѣ, съ нами никогда не случится несчастія. Къ тому-же, — прибавилъ онъ съ милой улыбкой — скоро насъ будетъ трое и у меня явится сестра.

— Дорогая Санта!—проговорилъ донъ Торрибіо, сдѣлавшись вдругъ грустнымъ,—бѣдняжка, какъ она несчастна!

— Мы спасемъ ее, братъ! Надѣйся и не падай духомъ!

— Увы! когда я думаю объ ея страданіи и о своемъ безсиліи помочь ей, то мужество покидаетъ меня, я дѣлаюсь слабъ, какъ дитя,

— Ну, ну! брось эти мрачныя мысли! Будущее извѣстно одному Богу, а Онъ не оставитъ насъ! Развѣ онъ не помогалъ намъ до сего времени?

— Ты правъ, я ропщу напрасно! Спасибо тебѣ, братъ; ты мнѣ придаешь храбрости.

Они еще разъ крѣпко обнялись и Пепе Ортисъ удалился почти бѣгомъ.

— Да, я неблагодарный, пробормоталъ донъ Торрибіо,— провожая нѣжнымъ взглядомъ своего брата; — развѣ меня не любили и развѣ я не былъ счастливъ, я, бѣдный ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы почти съ самаго рожденія? Надо мужаться и надѣяться, какъ говоритъ братъ! И такъ поборемся; дѣло мое правое: или я его выиграю, или мои кости побѣлѣютъ въ саваннѣ.

И, проведя нервнымъ движеніемъ рукою по лбу, какъ-бы желая стереть остатокъ слабости, онъ съ бодрымъ духомъ принялся готовить скромный утренній завтракъ,

Спустя часъ времени молодые люди, закусывая, рѣшили планъ своего смѣлаго предпріятія, затѣмъ сѣли на лошадей.

На лужайкѣ они пріостановились, чтобы возстановить нѣкоторые слѣды; Пепе Ортисъ показалъ, смѣясь, своему брату то дерево, подъ густою сѣнью котораго онъ такъ хорошо укрывался.

Послѣ краткаго разслѣдованія, на которое они употребили не болѣе десяти минутъ, они отправились дальше; но на этотъ разъ, не смотря на скорую ѣзду, внимательно присматривались къ слѣдамъ, обозначившимся довольно ясно послѣ непріятеля, и не пропускали ни малѣйшаго изгибе.

Пріѣхавъ къ тому мѣсту лѣса, отъ котораго было всего нѣсколько шаговъ до окраины его, донъ Торрибіо вдругъ остановился, посмотрѣлъ вокругъ себя съ любопытствомъ и соскочилъ на землю.

— Они здѣсь останавливались не на долго, — сказалъ онъ брату, передавая ему поводъ своей лошади; — подожди меня у этого ручейка.

Онъ нагнулся къ водѣ, спокойной какъ зеркало, и посмотрѣлъ въ нее съ минуту; затѣмъ, разувшись и засучивъ кальсоны выше колѣнъ, рѣшительно вступилъ въ потокъ и быстро пошелъ противъ теченія; вскорѣ онъ исчезъ изъ виду.

На днѣ ручья былъ мелкій песокъ; въ ширину ручей имѣлъ пятнадцать футовъ и отъ восемнадцати до двадцати футовъ глубины; онъ дѣлалъ всевозможные изгибы подъ густыми вѣтвями; перемѣшавшись другъ съ другомъ, онѣ образовали сводъ зелени, съ верху которой свѣшивались ліаны, до самой поверхности воды.

Пепе Ортисъ не двигался съ того мѣста, гдѣ оставилъ его братъ; онъ ждалъ, подавшись немного впередъ и приготовившись стрѣлять при первой надобности; превратившись весь въ слухъ, онъ, казалось, пронизывалъ взглядомъ густую зелень кустарниковъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Такъ прошло съ полчаса, потомъ ліаны раздвинулись и среди нихъ показался донъ Торрибіо, идущій все по руслу ручья; дойдя до брата, онъ опять обулся и сѣлъ на лошадь.

— Ну, что?—спросилъ Пепе, какъ только они пустились въ галопъ.

— Да что, отвѣтилъ донъ Торрибіо, я не ошибся: они тутъ останавливались, одинъ изъ нихъ слѣдовалъ по теченію, другой шелъ противъ теченія, наломалъ охапку вѣтвей въ двухъ стахъ шагахъ отсюда, затѣмъ снесъ ихъ обратно, послѣ чего они поѣхали дальше.

— Однако,—сказалъ, смѣясь, Пепе,—положительно, эти господа сплоховали; зная, что ихъ будутъ розыскивать двое самыхъ искусныхъ искателей слѣдовъ буэносъ - айрескихъ пампасовъ, они поступаютъ, точно имѣютъ дѣло съ простыми бродягами — янки или канадцами, и разсчитываютъ еще ускользнуть отъ насъ!

Право, они сумасшедшіе!

— Но все же ихъ разсчетъ былъ вѣренъ, отдаю имъ должную справедливость. Всадникъ, котораго они послали наломать вѣтвей, сдѣлалъ это очень ловко, онъ нигдѣ не оставилъ слѣдовъ послѣ себя остановилъ лошадь среди теченія, а потомъ уже вошелъ въ воду. Кого угодно это могло бы ввести въ обманъ.

— Ба! да ты расточаешь имъ комплименты! Ихъ разсчетъ былъ вѣренъ; теперь я спокоенъ! — сказалъ Пепе, смѣясь.

Разговаривая такимъ образомъ, искатели слѣдовъ выѣхали изъ лѣса и направились галопомъ черезъ саванну. Ихъ ѣзда продолжалась безъ приключеній до заката солнца; къ семи часамъ вечера они были у густого лѣса, куда и выѣхали.

— Стой!—сказалъ донъ Торрибіо, — я чувствую непріятелей сзади насъ, пусть они опередятъ насъ.

— Хмъ! ты увѣренъ, что мы близко отъ нихъ?

— Они не дальше, какъ на три выстрѣла ружья отъ насъ, я въ этомъ убѣжденъ.

— А, это дѣло другое, что же намъ дѣлать?

— Поужинаемъ, покормимъ лошадей, затѣмъ поспимъ часа два, по очереди, конечно.

— Значитъ мы тронемся отсюда не ранѣе десяти часовъ?

— Не раньше, пусть они считаютъ себя въ полной безопасности, пусть думаютъ, что провели насъ; а то, если они догадаются, что мы слѣдимъ за ними, кто знаетъ, куда они насъ могутъ завлечь!? Лучше потерпѣть и выждать.

— Хорошо, какъ хочешь!

Разсѣдлавши и вычистивъ лошадей, Пепе Ортисъ далъ имъ корму, за который благородныя животныя принялись съ удовольствіемъ.

Покончивъ съ этимъ, оба охотника усѣлись на землю, поставили передъ собой остатки провизіи и поужинали. Огня не зажгли, изъ опасенія, чтобы дымъ не выдалъ ихъ при-

сутствія; даже не закурили сигаръ, этого любимаго лакомства каждаго охотника.

Утоливъ голодъ, Пепе Ортисъ закутался въ плащъ, легъ подъ деревомъ и тотчасъ же заснулъ, съ безпечностью человѣка, привыкшаго къ жизни въ пустынѣ.

Донъ Торрибіо, съ ружьемъ въ рукѣ, растянулся подлѣ кустарника и сталъ мечтать. Онъ пролежалъ въ такомъ положеніи два часа, безъ всякаго движенія, но прислушиваясь къ малѣйшему шуму, нарушающему лѣсную тишину. Наконецъ, онъ всталъ, подошелъ къ Пепе, положилъ руку ему на плечо и нагнулся къ его уху:

— Восемь часовъ!—сказалъ онъ ему чуть слышно.

Пепе сразу вскочилъ на ноги.

— Что новаго?—спросилъ онъ.

— Повидимому ничего, — отвѣтилъ его братъ, — слѣди внимательно!

— Будь покоенъ.

Минуты двѣ спустя, Пепе Ортисъ занялъ мѣсто дона Торрибіо, а послѣдній заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ десять часовъ донъ Торрибіо проснулся; но, посмотрѣвъ вокругъ себя, увидѣлъ, что былъ одинъ.

— Такъ!—проговорилъ онъ,—Пепе на развѣдкахъ; тутъ что-нибудь да есть!

Затѣмъ онъ всталъ, и, въ ожиданіи брата, осѣдлалъ лошадь, чтобы ничто не задержало ихъ отъѣзда.

Но Пепе все не возвращался. Прошло цѣлыхъ полчаса, какъ донъ Торрибіо проснулся, но ничто не возвѣщало возвращенія его брата; молодой человѣкъ началъ серьезно безпокоиться, не зная, чему приписать такое долгое отсутствіе, и уже собрался идти на поиски, какъ вдругъ вѣтви сосѣдняго кустарника тихо распахнулись,—и передъ нимъ показался Пепе Ортисъ.

— Гдѣ ты пропадалъ столько времени? я ужъ хотѣлъ идти искать тебя!

— Ты правъ, — сказалъ Пепе, не отвѣчая на вопросъ брата,—было нѣчто интересное!

— А!—проговорилъ донъ Торрибіо, забывая свое безпокойство,—я, значитъ не ошибся?

— Скажу въ двухъ словахъ; выводи самъ заключеніе.

— Посмотримъ, что такое!

— Я сейчасъ около трехъ четвертей часа преслѣдовалъ группу всадниковъ, которые, переплывъ рѣчку, направились во всю прыть къ саваннамъ Тексаса.

— А! а! и ты узналъ ихъ?

— Къ счастію, да. А то Богъ знаетъ, сколько времени еще мнѣ пришлось бы преслѣдовать ихъ. Между ними было восемь индѣйскихъ пеоновъ и пятнадцать лошадей; издали казалось, что на всѣхъ лошадяхъ сидятъ всадники; но благодаря лунному свѣту, я увидѣлъ, что ошибся. Представь себѣ: эти негодяи индѣйцы насадили на лошадей что-то вродѣ манекеновъ, которыми правили такъ, что въ ста шагахъ получалась полная иллюзія. Но я не такъ глупъ, чтобы попасться на эту удочку; я приблизился къ нимъ настолько, что они чуть не задѣли меня, проѣзжая мимо. Тогда мнѣ все стало ясно. Пожелавъ имъ благополучнаго путешествія, я поспѣшилъ къ тебѣ. Что ты объ этомъ думаешь, братъ?

— Думаю то же, что и ты, вѣроятно. Платеадосы, переправившись черезъ рѣчку, перемѣнили лошадей, приготовленныхъ конечно заранѣе, а усталыхъ лошадей отослали съ пеонами, съ приказаніемъ углубиться въ пустыню и надѣлать ложныхъ слѣдовъ.

— Да, именно, такъ! ты на меня не сердишься за произвольную отлучку?

— Vive Dios! напротивъ, я благодаренъ тебѣ: если бы ты не оказался такъ догадливъ, неизвѣстно еще, сколько драгоцѣннаго времени мы потеряли бы на преслѣдованіе этихъ дураковъ.

— Значитъ, я хорошо сдѣлалъ?

— Даже очень хорошо! Тѣмъ хуже для нихъ, что имъ не удалось надуть насъ!

— Ну, чтожъ мы теперь будемъ дѣлать?

— Что! пойдемъ опять по настоящему слѣду, а такъ какъ лошади уже готовы, то мы сейчасъ отправимся за этими бандитами. Право, я ими очень доволенъ и не думалъ, что они окажутся такъ хитры.

Они не медля вскочили на коней и тронулись.

Ночь была свѣтлая, хотя луна слегка заволакивалась облаками; широкая серебристая полоса пересѣкала саванну по рѣчкѣ Салинасъ, на берегахъ которой росли дикіе хлопчатники и кусты; горизонтъ терялся за густою, темною массою дѣвственнаго лѣса, надъ которымъ подымались до самаго неба остроконечныя верхушки горы; крутые склоны ея представляли самые затѣйливые рисунки; правый берегъ рѣчки обрывался утесомъ, отъ котораго шли холмы къ подножію сіерры А де Пахаросъ.

На спускѣ праваго берега рѣчки виднѣлись развалины довольно сохранившагося жилища, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должно было представлять изъ себя значительное ранчо.

Этотъ мрачный пейзажъ, при слабомъ лунномъ свѣтѣ и блѣдномъ сіяніи звѣздъ, казался дикимъ и въ то-же время величественнымъ; это была первобытная и грандіозная природа, вышедшая именно такой изъ рукъ всемогущаго Создателя.

Въ саваннѣ царила мертвая тишина, нарушаемая лишь изрѣдка хищными звѣрями, прыгающими тамъ и сямъ.

Когда наши искатели слѣдовъ подошли къ берегу рѣчки Салинасъ, донъ Торрибіо остановился и, протянувъ руки по направленію къ развалинамъ на противоположномъ берегу, сказалъ:

— Посмотри братъ, вотъ ранчо, въ которомъ навѣрное были спрятаны лошади для тѣхъ, кого мы преслѣдуемъ теперь!

— Это очень возможно,—отвѣтилъ Пепе,—я думаю, что мы приближаемся къ цѣли.

— Я тоже такъ полагаю; но теперь начнется самое трудное для насъ: пространство вокругъ насъ все убавляется;

передъ нами остается совсѣмъ маленькое мѣсто для работы; это можетъ быть хорошо для насъ и можетъ оказаться сквернымъ, смотря по тому, какѣ мы примемся за дѣло.

— Да, да,—сказалъ Пепе съ увѣренностью,—здѣсь кончаются охотничьи ухищренія и ловушки, употребляемыя краснокожими и въ то-же время начинается работа Искателей слѣдовъ.

— Ты разсуждаешь правильно, братъ; теперь начинается настоящая борьба. Все, что было до сихъ поръ, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ предстоитъ. Несмотря на всю хитрость этихъ дьяволовъ, я надѣюсь, до восхода солнца, перерыть всѣ закоулки ихъ таинственной берлоги, которую мы изучимъ лучше, чѣмъ они сами.

— Amen, отъ всего сердца, братъ! Гдѣ мы перейдемъ рѣчку?

— Вотъ здѣсь, по этимъ слѣдамъ, предоставимъ чутью лошадей отыскать бродъ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодой человѣкъ толкнулъ свою лошадь въ воду, и, опустивъ поводья, предоставилъ ее инстинкту; Пепе Ортисъ слѣдовалъ за нимъ, не отставая. Лошади, понюхавъ съ минуту воду, вступили въ нее и пошли впередъ, не колеблясь; черезъ десять минутъ они уже были на другомъ берегу.

Оба брата соскочили на землю, ввели своихъ лошадей въ ранчо, и, привязавъ ихъ, вышли оттуда.

— Не оставить-ли ихъ здѣсь? спросилъ Пепе.

— Я самъ подумалъ объ этомъ, но боюсь, что ихъ украдутъ и вдобавокъ еще откроютъ наше присутствіе. Пока я начну разслѣдованія, пойди, поищи подходящее мѣсто, гдѣ бы мы могли оставить животныхъ на день, на два; раньше намъ наврядъ-ли удастся вернуться; иди-же скорѣй.

Они пока разстались.

Пепе Ортисъ вошелъ въ лѣсъ и принялся за розыски съ увлеченіемъ, присущимъ ему во всемъ, что касалось исполненія приказаній его брата.

Очень долго онъ не могъ ничего найти; деревья, расту-

щія близко другъ отъ друга и густо переплетенныя свѣшивающимися ліанами, со всѣхъ сторонъ заграждали дорогу; это былъ настоящій дѣвственный лѣсъ, гдѣ ни люди, ни звѣри не находили еще пріюта; ни одной тропинки не было пробито. Всюду валялись деревья отъ дряхлости, образуя цѣлыя груды; стоячія воды, непроходимые кустарники, — вотъ все, что нашелъ молодой человѣкъ. Разбитый усталостью отъ безполезныхъ поисковъ, онъ уже рѣшился вернуться къ брату, чтобы посовѣтоваться съ нимъ.

Но не прошелъ онъ и пяти минутъ, совсѣмъ разстроившись отъ неудачи, какъ вдругъ его по груди ударило ліаной и онъ споткнулся; онъ попробовалъ удержаться, но поскользнулся о камень, покрытый мохомъ, и упалъ назадъ во весь ростъ, къ счастью, не причинивши себѣ особеннаго вреда, такъ какъ опрокинулся на ліаны и кусты. Пепе Ортисъ поднялся ругаясь и, машинально, какъ это обыковенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, осмотрѣлся вокругъ себя, чтобы уяснить себѣ причину паденія.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и вскрикнулъ отъ радости: падая онъ сдвинулъ массу ліанъ и примялъ кустъ позади себя, который заслонялъ собою красное дерево гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ великанѣ, съ виду совсѣмъ крѣпкомъ, было громадное дупло; отъ земли, на двѣнадцать футовъ въ вышину, вся внутренность дерева сгнила, оставалась только одна кора. Ему, повидимому, насчитывалось двѣсти, триста лѣтъ, да по всей вѣроятности оно могло простоять еще столько-же, прежде чѣмъ превратиться въ прахъ.

Пепе Ортисъ, добравшись до него, проникъ въ отверстіе, которое и осмотрѣлъ самымъ тщательнымъ образомъ; затѣмъ удалился, весьма обрадованный: шесть лошадей могли легко помѣститься въ этой своеобразной конюшнѣ. Молодой человѣкъ скоро нагналъ брата, которому смѣясь, и сообщилъ обо всемъ.

Въ ранчо нашелся горохъ, кукуруза и прочіе припасы, оставленные Платадеосами въ разсчетѣ на скорое возвращеніе, чѣмъ молодые люди и воспользовались; для лошадей

хватило-бы этого корму дня на четыре. Затѣмъ, найдя подъ портикомъ замка нѣсколько ведеръ, они наполнили ихъ водою и, взваливъ все на двухъ животныхъ, повели ихъ въ конюшню, найденную такимъ страннымъ образомъ Пепе Ортисъ, и прекрасно устроили ихъ тамъ; затѣмъ, уложивши въ уголокъ провизію и сбруи, вышли изъ дупла, завалили входъ и прикрыли его ліанами, такъ что кромѣ ихъ никто не могъ замѣтить слѣдовъ этого потайнаго убѣжища.

Покончивъ съ лошадьми, они начали совѣщаться.

— Во время твоего отсутствія,—сказалъ донъ Торрибіо брату,—я разсмотрѣлъ всѣ окрестности ранчо снаружи, на разстояніи около двухъ сотъ квадратныхъ метровъ; но не нашелъ никакихъ слѣдовъ. Только и есть одна, едва замѣтная тропинка съ востока; со всѣхъ другихъ сторонъ дорога совсѣмъ непроходимая; прочистить ее можно лишь топоромъ; а наши противники были на лошадяхъ; значитъ они пробирались по тропинкѣ, а потому я и приступилъ къ тщательному изслѣдованію послѣдней, разсмотрѣвъ ее дюймъ за дюймомъ, но безъ всякихъ результатовъ на первый разъ. Еслибы дѣло было днемъ, я конечно различилъ бы малѣйшій слѣдъ; но при свѣтѣ луны, заволакиваемой облаками, это было невозможно. Тогда я бросилъ тропинку и принялся за окраины. Вскорѣ я замѣтилъ по обѣимъ сторонамъ дороги чуть замѣтные песчаные валики, прикрытые частью травою, частью листьями; тогда я вспомнилъ о наломанныхъ вѣтвяхъ, на которыя набрелъ въ ту ночь въ лѣсу, гдѣ останавливались Платеадосы,— и дѣло выяснилось для меня. Оставивъ ранчо, они привязали вѣтви къ хвостамъ лошадей, чтобы замести за собой слѣдъ; но имъ не удалось уничтожить валикъ, образовавшійся отъ лошадинаго галопа.

— Что хочешь, братъ, — сказалъ Пепе Ортисъ насмѣшливо,—нельзя же не упустить ничего изъ виду? Несмотря на всѣ ихъ хитрости, они совсѣмъ забыли о пыли, образуемой посреди дорожки, которая, весьма естественно, отбрасывалась по сторонамъ. Итакъ теперь ты напалъ на слѣдъ?

— Да, и на этотъ разъ, клянусь тебѣ, не упущу его!

Ну, теперь, братъ, въ дорогу, мы и то потеряли не мало времени!

— Въ дорогу!—весело сказалъ Пепе Ортисъ.

Они рѣшительно вступили въ тропинку, идя особенной, развалистой походкой, свойственной лишь лѣснымъ охотникамъ. Вскорѣ тропинка затерялась, и передъ искателями слѣдовъ выросли отовсюду препятствія. Но ничто не могло заставить ихъ отступить или даже замедлить свои шаги. Они все двигались впередъ, съ глазами, устремленными скорѣе къ небу, чѣмъ къ землѣ; руководимые необыкновеннымъ чутьемъ, они не покидали должнаго направленія; они долго шли рядомъ, не произносяни слова, проходя по тому самому мѣсту, гдѣ часа два тому назадъ пріѣзжали ихъ недруги.

— А!—проговорилъ донъ Торрибіо остановившись,—здѣсь они сдѣлали перерывъ.

— Да,—сказалъ Пепе Ортисъ, — вѣтви были отвязаны, а ноги лошадей окутаны войлокомъ.

Донъ Торрибіо направился прямо къ расщелинѣ, куда брошены были вѣтви.

— Посмотри,—сказалъ онъ брату,—вотъ гдѣ они освободились отъ ненужныхъ болѣе вѣтвей! — и онъ указалъ ему на нѣсколько листьевъ, валявшихся тамъ и сямъ.

— Ну, пойдемъ дальше, — сказалъ Пепе, смѣясь,—скоро найдемъ еще что-нибудь новенькое!

Дѣйствительно, вскорѣ они признали еще одно мѣсто, гдѣ всадники остановились: даже на гладкихъ камняхъ ихъ опытные глаза улавливали слѣды.

Остальное для нихъ было просто игрушкой; они прошли сквозь лабиринтъ скалъ, какъ по знакомой дорогѣ, и очутились у входа въ гротъ.

— Уфъ!—произнесъ Пепе Ортисъ,—наконецъ-то мы добрались до знаменитой гасіенды, дель Энгано, въ которую еще никто не проникалъ.

— Молчи и зажги факелъ,—сказалъ донъ Торрибіо ше-

потомъ,—надо быть осторожнѣе, чтобы съ первыхъ же шаговъ не потерпѣть неудачу.

Пепе притихъ и зажегъ лучинку, которую досталъ изъ своего ягдташа.

Они вступили въ гротъ.

— Что за странный памятникъ, — проговорилъ донъ Торрибіо,—онъ мнѣ напоминаетъ камни Карнака. Онъ попалъ сюда не случайно; его пребываніе должно имѣть какое-то значеніе. Затѣмъ онъ процѣдилъ сквозь зубы „Остерегайтесь дольменовъ“ *). А, это какъ разъ дольменъ, значитъ я долженъ быть настороже; но почему онъ именно здѣсь, совсѣмъ у стѣны, тогда какъ его мѣсто у входа, или же посреди грота?

— Не осмотрѣть ли намъ стѣны?—спросилъ Пепе.

— Сейчасъ начнемъ, дай-ка мнѣ лучину!

— На, бери.

Молодой человѣкъ, подойдя къ стѣнѣ, началъ внимательно разглядывать ее.

— Хмъ! Что бы это значило?—проговорилъ онъ черезъ минуту.

Онъ увидѣлъ двѣ головки гвоздей, почти не замѣтныя, воткнутыя по одной линіи, на разстояніи двухъ футовъ одна отъ другой; придвинувшись лицомъ къ стѣнѣ, почти вплотную, онъ нѣсколько минутъ разсматривалъ ихъ поочередно и вдругъ вздрогнулъ, замѣтивъ на лѣвой головкѣ микроскопическое пятнышко, желтовато-черное.

— Это пружины,—сказалъ онъ, — на лѣвую только что надавливали, судя по этому пятнышку. Вотъ что значитъ курить папиросу, никотинъ остается на пальцахъ; и если при этомъ потными руками дотронуться до пружины, то она и запачкается. Теперь мнѣ все понятно!

— Что же ты понялъ, братъ? — спросилъ Пепе Ортисъ съ любопытствомъ.

---

*) Друидическій памятникъ.

— О! дѣло просто; ты видишь эти двѣ пружины, не правда ли?

— Вижу прекрасно.

— Правая гораздо виднѣе, тогда какъ лѣвая едва замѣтна!

— Правда.

— Эта правая пружина—секретный стражъ невидимаго входа въ подземелья, которыя скрываются за этой стѣной. Но горе тому любопытному или шпіону, который, замѣтивъ ее, пожелаетъ воспользоваться ею; онъ надавливаетъ на нее пальцемъ: трахъ, и вдругъ заиграетъ невидимая пружина, земля подъ нимъ провалится и онъ исчезаетъ навѣки въ ловушкѣ, или же, что еще вѣроятнѣе, камень, помѣщенный какъ бы для равновѣсія на гранитномъ пьедесталѣ, самъ собою отодвигается и убьетъ его на повалъ. Понялъ?

— Отлично; но это просто геніально.

— Очень геніально, дѣйствительно! Но рядомъ съ этой пружиной—вторая съ лѣвой стороны, которую кромѣ насъ никому бы не замѣтить; послѣдняя, если ее немного надавить пальцемъ откроетъ невидимую дверь. Не болѣе какъ часъ тому назадъ ею пользовались, но тотъ, кто ее надавливалъ, забылъ вымыть предварительно руки, а потому и запачкалъ ее никотиномъ, правда немного, но достаточно для того, чтобы я замѣтилъ.

— Все это въ высшей степени логично, а потомъ ты забываешь....

— Что такое?

— Наставленіе Луки Мендеса: лѣвая сторона — хороша, такъ какъ она со стороны сердца.

— Ахъ да! вѣдь ты правъ; онъ все предвидѣлъ, и все пока происходитъ такъ, какъ онъ сказалъ. Слава Тебѣ Господи! я толкаю!

— Что жъ, толкай!

Донъ Торрибіо подавилъ пальцемъ на пружинку; часть стѣны тотчасъ же повернулась и открыла подземелье.

— А! теперь они въ нашихъ рукахъ!—вскричалъ Пепе Ортисъ.

*

— Клянусь честью! и я начинаю убѣждаться въ этомъ, иди за мной.

Они рѣшительно вступили въ подземелье, и стѣна сама закрылась за ними.

III. Въ которой донъ Торрибіо и Пепе Ортисъ продолжаютъ свои розыски.

Лишь только стѣна приняла свое прежнее положеніе, Пепе Ортисъ хотѣлъ податься впередъ; но донъ Торрибіо остановилъ его съ перваго шага и шепотомъ сказалъ ему:

— Берегись!

— Хмъ! чего же беречься?

— Потому что все, что мы сдѣлали, пока — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ сейчасъ предстоитъ.

— Я не понимаю тебя.

— Выслушай и поймешь!

— Да, вѣрно; я дуракъ, такъ какъ вѣчно спѣшу!

— Вотъ именно; посмотри-ка на землю, на ней ясно видны слѣды лошадиныхъ ногъ, наши враги не сходили значитъ съ сѣделъ.

— Да, ты правъ.

— Я сразу замѣтилъ это, а потому и сказалъ тебѣ: „берегись"; это подземелье, послѣ разныхъ изворотовъ, должно имѣть выходъ не во внутрь гасіенды, а снаружи ея,—въ квартиру не въѣзжаютъ на лошадяхъ,—и навѣрное подземелье выходитъ на площадку, шагахъ въ ста отъ гасіенды. Мы имѣемъ дѣло съ людьми осторожными; намъ еще не мало предстоитъ препятствій прежде, чѣмъ доберемся до этого таинственнаго жилища. Для этого, очень можетъ быть, требуется какая-нибудь особенная формальность, или условный знакъ, котораго мы не можемъ знать. Если мы будемъ руководствоваться оставленными намѣренно слѣдами, то можемъ очутиться въ западнѣ, и тогда все потеряно. Ты, братъ, понимаешь меня теперь?

— Думаю, что понимаю; но что-же намъ дѣлать? мы и безъ того въ безвыходномъ положенiи!

— Очень возможно. Для меня очевидно, что въ этомъ подземельѣ нѣсколько секретныхъ ходовъ и выходовъ,—его устройство было-бы нелѣпымъ, въ противномъ случаѣ. Навѣрное отсюда можно попасть и въ самый домъ, и въ потаенныя комнаты. Только надо отыскать эти ходы.

— Да, если допустить, что они существуютъ, хотя послѣ всего, и это возможно!

— Не возможно, а достовѣрно, говорю тебѣ!

— Такъ, но какъ ихъ открыть?

— Это быть можетъ не такъ трудно, какъ ты полагаешь; только надо быть терпѣливымъ и обладать хорошимъ зрѣнiемъ.

— Нав рядъ-ли наши поиски увѣнчаются успѣхомъ!

— Ба! попробуемъ.

— Попробуемъ, съ удовольствiемъ; съ чего начинать? я готовъ.

— Давно-бы такъ, слушай меня внимательно и постарайся воспользоваться тѣмъ, что я тебѣ сейчасъ скажу. Мы изучимъ этотъ слѣдъ дюймъ за дюймомъ, линiя за линiей, если нужно. Мы вѣдь сняли слѣды всадниковъ, которыхъ преслѣдуемъ?

— Да, всѣ до одного!

— Прекрасно; такъ теперь мы должны попробовать найти среди всѣхъ этихъ слѣдовъ и даже подъ ними, такой, котораго мы не знаемъ: если мы найдемъ его, то половина дѣла выиграна, такъ какъ этотъ самый слѣдъ, какъ-бы незначителенъ онъ ни былъ, прямо укажетъ намъ на одинъ изъ секретныхъ ходовъ.

— А вѣдь это правда!— вскричалъ Пепе Ортисъ, хлопнувъ себя по лбу;—такъ вотъ почему ты остановилъ меня!

— А! ты теперь понимаешь! Не въ томъ вся суть, чтобы не терять слѣда, какъ это дѣлаютъ всѣ лѣсные охотники, но надо умѣть уловить его, что доступно только Искателямъ слѣдовъ въ пампасахъ; для насъ это пустячное дѣло,

если мы хорошенько возьмемся за него. Раздѣлимъ этотъ кусокъ земли, и примемся за работу!

— За работу, такъ за работу. Да, братъ, ты всегда будешь моимъ властелиномъ.

— Нѣтъ, ты стоишь не меньше меня; но ты любишь спѣшить, не размышляя. Отсюда твоя кажущаяся несостоятельность. Зажги для меня вторую лучину.

Пепе Ортисъ исполнилъ приказаніе, и затѣмъ оба Искателя слѣдовъ приступили къ работѣ.

Началось что-то непонятное, невообразимое. Молодые люди, перегнувшись почти на двое, разсматривали каждую крупинку песка, изрытаго ногами лошадей и ихъ хозяевами; съ сосредоточеннымъ взглядомъ и сдвинутыми бровями, они внимательно разглядывали каждую неровность земли и различали въ ней такія подробности, какія для постороннихъ глазъ остались-бы незамѣтными, даже если-бы ихъ разсматривали въ сильную лупу.

Это необыкновенно странное разслѣдованіе продолжалось приблизительно минутъ двадцать, двадцать пять. Потомъ вдругъ, точно сговорившись, они оба разомъ выпрямились, и, приложивъ въ одно время руки къ стѣнѣ, проговорили въ одинъ голосъ:

— Здѣсь!—и затѣмъ оба вздохнули съ облегченіемъ.

Они не ошиблись: ихъ розыски, дѣйствительно, не остались безплодными.

Они прошли около двухъ третей всего подземелья и остановились у правой стѣны.

Какъ разъ между ними, на высотѣ четырехъ съ половиною футовъ, виднѣлось на пожелтѣвшей стѣнѣ пятнышко, величиною съ горошину. Его едва можно было различить на мраморѣ среди массы черныхъ точекъ, которыя каменьщики называютъ обыкновенно слизняками.

Но нашихъ Искателей слѣдовъ провести было трудно Благодаря изумительной силѣ своихъ зрачковъ, они замѣтили это пятно, какимъ образомъ? невозможно отвѣтить, но послѣ непрерывныхъ и тщательныхъ изысканій, ихъ взгляды,

какъ по волшебству, остановились на стѣнѣ, и слизнякъ былъ открытъ ими.

Этотъ невѣроятный фактъ только убѣдилъ молодыхъ людей въ томъ, что они идутъ прямо къ цѣли, они даже удивились-бы, еслибы результатъ былъ иной: такъ были увѣрены въ немъ; не могла-же ихъ работа пропасть даромъ.

Первымъ долгомъ они замели свои слѣды, оставленные въ томъ участкѣ земли, который изслѣдовали, затѣмъ возвратились къ прежнему мѣсту.

Донъ Торрибіо сильно надавилъ на пятно; оно углубилось въ стѣну, и кусокъ скалы тотчасъ повернулся вокругъ себя и открылъ входъ въ длинную и узкую галлерею, съ довольно крутымъ спускомъ; молодые люди вошли туда, заперли за собой входъ и смѣло пошли по галлереѣ.

Миновавъ нѣсколько секретныхъ проходовъ, которые они, благодаря свойственной имъ проницательности, открыли безъ всякаго труда, они убѣдились, что находятся въ самой гасіендѣ и проходятъ по ея корридорамъ, которые, такъ сказать, образуютъ цѣлое помѣщеніе и соприкасаются съ настоящими апартаментами.

Они сначала не обращали вниманія на нѣкоторыя галлереи и тайные проходы, заграждавшіе имъ путь, чтобы не отвлекаться отъ тѣхъ слѣдовъ, которые они нашли въ первомъ подземельѣ и которые они не выпускали изъ виду.

Эти слѣды интриговали или вѣрнѣе сильно безпокоили дона Торрибіо. Послѣ кого они остались? Кто былъ этотъ человѣкъ, которому такъ хорошо были извѣстны всѣ ходы и выходы этого таинственнаго жилища? Другъ это, или недругъ? Вотъ что необходимо было выяснить какъ можно скорѣе, какою-бы то ни было цѣною, хотя-бы ради того пришлось проблуждать цѣлую ночь въ этомъ громадномъ подземельѣ.

Для достиженія цѣли, ему нужно было дѣйствовать крайне осторожно и на свободѣ, безъ боязни шпіона или измѣнника, а человѣкъ, котораго онъ преслѣдовалъ, былъ, по всему вѣроятію, или тѣмъ, или другимъ. Вдобавокъ, ему

закрадывалась въ голову мысль, что этотъ незнакомецъ обладалъ могущественнымъ орудіемъ, которымъ онъ еще не воспользовался. И по какой причинѣ такая небрежность? Несомнѣнно, онъ не обитатель замка, даже не временной жилецъ его. Какая же у него цѣль жить такъ скрытно, слѣдить за всѣмъ, что говорится около него и быть невидимымъ свидѣтелемъ общественной и частной жизни владѣльцевъ и гостей гасіенды?

Можетъ быть, это неизвѣстный бандитъ, узнавшій случайно всю тайну и хранящій ее, чтобы въ одинъ прекрасный день воспользоваться ею съ цѣлью завладѣть одному несмѣтными сокровищами, накопленными въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ этомъ таинственномъ жилищѣ?

Но, если это такъ, то какимъ образомъ донъ Мануэль и его сообщники, которые такъ тщательно охраняли свою берлогу, не провѣдали намѣреній этого человѣка?

Каковы-бы ни были его осторожность и ловкость, во всякомъ случаѣ ему не легко было бы остаться незамѣченнымъ среди всѣхъ шпіоновъ, запрятанныхъ въ окрестностяхъ замка и постоянно за всѣмъ слѣдящихъ.

Но всѣ эти предположенія и еще многія другія не удовлетворяли дона Торрибіо. Для него тутъ была какая-то тайна, надъ которой онъ ломалъ голову; и чѣмъ болѣе она казалась ему непроницаемой, тѣмъ больше онъ чувствовалъ необходимость разгадать ее какъ можно скорѣе. Невозможно добиться успѣха, когда не хватаетъ увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ; можно надѣлать массу непоправимыхъ ошибокъ, если чувствуешь, что надъ тобой тяготѣетъ невѣдомая сила, которая ежеминутно можетъ воздвигнуть непредвидѣнныя и непреодолимыя препятствія.

Было два часа утра; а молодые люди все еще колесили по корридорамъ и закаулкамъ подземелья; и конца этому лабиринту не предвидѣлось; они только что повернули за уголъ длиннаго корридора, какъ вдругъ передъ ними показался, въ двадцати шагахъ, довольно яркій свѣтъ, выходя-

щій изъ полуотворенной двери и образующій на землѣ красную полосу.

Они остановились и затушили свои лучины.

— Хмъ!—произнесъ Пепе Ортисъ;—что это значитъ?

— Надо посмотрѣть!—отвѣтилъ донъ Торрибіо въ раздумьи.

— Хорошо! я пойду туда.

И онъ схватился за пистолетъ, висѣвшій у него на кушакѣ.

— Ты съ ума сошелъ!—вскричалъ донъ Торрибіо испугавшись, — вѣдь насъ могутъ придушить, попробуй только выстрѣлить, cuerpo de Cristo!

— Да, правда, шумъ выдастъ насъ.

Пепе медленно вложилъ пистолетъ на прежнее мѣсто, а взамѣнъ его вытащилъ топоръ.

— Такъ-то лучше!—сказалъ онъ дѣлая шагъ впередъ.

Но донъ Торрибіо удержалъ его за руку.

— Ты что?—спросилъ его Пепе.

— Ничего, только хочу попытать счастье!—сказалъ рѣшительно молодой человѣкъ.

— Ты, ты хочешь, братъ...

— Не только хочу, а сейчасъ пойду; а ты жди меня здѣсь.

— А! положимъ, я тебя не пущу!—сказалъ онъ съ жаромъ.

— Я такъ хочу, пусти меня. Можетъ быть тутъ ничего нѣтъ страшнаго; во всякомъ случаѣ, я осторожнѣе и хладнокровнѣе тебя.

— А если тебя убьютъ?

— Что-же! ты отомстишь за меня! — отвѣчалъ донъ Торрибіо весело.

— Ты вѣчно шутишь!

— Потому что ты всего боишься; а я увѣренъ, что и борьбы-то вовсе не будетъ.

— Но...

— Глупый! Да если-бы это была ловушка, то дверь не

оставили-бы открытой, а тѣмъ болѣе свѣта. Подумай только: кто-бы ни былъ тотъ человѣкъ, котораго мы столько времени преслѣдуемъ, онъ навѣрное знаетъ, что мы совсѣмъ близко отъ него; и дверь онъ открылъ нарочно, чтобы предупредить насъ, что онъ насъ ждетъ, вотъ и все.

— Хмъ! все это прекрасно, но...

— А! ты меня, наконецъ, начинаешь бѣсить; цѣлую четверть часа мы тутъ придумываемъ всевозможные ужасы, точно трусы; развѣ мы пришли сюда затѣмъ, чтобы отступать? Пусти меня, говорю тебѣ, все будетъ хорошо; у меня предчувствіе, оно меня рѣдко обманываетъ, ты это самъ знаешь: въ этой комнатѣ насъ ожидаетъ другъ, который и открылъ передъ нами дверь.

— Положимъ, что ты правъ; но я не увѣренъ въ этомъ.

— Я буду остороженъ, не безпокойся, меня не такъ-то легко убить, какъ ты полагаешь; къ тому-же, тебѣ отсюда все будетъ видно; а въ случаѣ надобности, ты тотчасъ-же явишься выручать меня.

— Ну, хорошо, иди, разъ ты этого требуешь такъ рѣшительно!

— Наконечъ—то, давно-бы такъ!

— Но при первомъ-же подозрительномъ звукѣ...

— Ты вбѣгаешь, итакъ рѣшено!

— Боюсь я за тебя.

— Ба!—пожалъ онъ плечами,—рискъ благородное дѣло.

Пожавши руку Пепе Ортисъ, молодой человѣкъ, который при всей своей храбрости, былъ очень остороженъ, сталъ подкрадываться наципочкахъ къ раскрытой комнатѣ, а его молочный братъ остался въ тѣни, съ двумя пистолетами въ рукахъ, готовый ко всему.

Донъ Торрибіо подвигался очень медленно; но не успѣлъ онъ сдѣлать и пятнадцати шаговъ, какъ вдругъ дверь освѣщенной комнаты распахнулась и на порогѣ показалась тѣнь человѣка.

Донъ Торрибіо остановился, машинально схватившись за одинъ изъ пистолетовъ, висѣвшихъ на его кушакѣ.

— Не бойтесь ничего, донъ Торрибіо!—произнесъ голосъ, показавшійся ему знакомымъ.—Идите смѣло впередъ; меня, опасаться вамъ нечего, я другъ вашъ. Врагъ не такъ бы встрѣтилъ васъ!

— Valga me Dios! — воскликнулъ молодой человѣкъ храбро двинувшись впередъ, другъ вы мнѣ или недругъ, но вотъ я передъ вами!

— Я давно ждалъ васъ, а также и вашего слугу, Пепе Ортиса!—возразилъ радостно незнакомецъ.

— А! въ такомъ случаѣ я здѣсь!—отозвался весело Пепе, очутившись двумя прыжками подлѣ своего брата.

— Добро пожаловать, сеньоры! — вѣжливо привѣтствовалъ ихъ странный собесѣдникъ, отодвинувшись на нѣсколько шаговъ, чтобы пропустить ихъ.

Молодые люди довѣрчиво переступили порогъ и вошли въ комнату, освѣщенную фонаремъ, стоявшимъ на столѣ.

Они оба воскликнули отъ изумленія, узнавши человѣка, пригласившаго ихъ войти.

Это былъ никто иной, какъ Лука Мендесъ.

— Тише! сеньоры,—сказалъ онъ, приложивъ палецъ ко рту,—будемъ говорить шепотомъ, а то насъ могутъ услышать; у насъ тутъ сосѣди, за этой стѣной.

— Вы, здѣсь, Лука Мендесъ!—сказалъ донъ Торрибіо, понижая голосъ.

— Какъ видите, ваша милость, и готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Но какимъ образомъ все это случилось?

— Развѣ вы забыли, что я состою на службѣ у дона Мануэля де Линареса?

— Какже! Но это нисколько не объясняетъ мнѣ вашего присутствія въ этой потайной комнатѣ....

— О существованіи которой мой новый хозяинъ ничего не знаетъ; не такъ ли ваша милость?

— Да, дѣйствительно.

— Позвольте мнѣ въ настоящее время ничего не отвѣтить вамъ по этому поводу. Пусть вамъ да будетъ только

извѣстно, что въ теченіе многихъ лѣтъ я обладаю секретомъ тайниковъ этого дома,—сказалъ онъ со странной улыбкой—можетъ быть, вы скоро узнаете все, и тогда поймете мотивы моего молчанія.

— Хорошо, я буду ждать; но по крайней мѣрѣ, надѣюсь, вы объясните мнѣ, какимъ образомъ вы могли здѣсь ожидать меня?

— Послѣдній разъ, когда я видѣлся съ Пепе Ортисомъ, пришедшимъ ко мнѣ вмѣсто васъ, я передалъ вамъ черезъ него всѣ указанія, какія могъ, не нарушая своей клятвы, затѣмъ, я разсчитывалъ на вашъ умъ и ловкость, какъ искателя слѣдовъ, ловкость, о которой разсказываютъ чудеса; и я надѣялся, что указавъ вамъ путь косвеннымъ образомъ, насколько это зависѣло отъ меня, помогу вамъ открыть тайну этихъ подземелій. Какъ видите, моя надежда оправдалась, за что я благословляю небо. Теперь ничто не препятствуетъ мнѣ дополнить ваше открытіе, давъ вамъ всѣ необходимыя для васъ свѣдѣнія для дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Отлично, я съ радостью принимаю ихъ, это мнѣ дастъ возможность сберечь дорогое время, а вы сами знаете, какъ я спѣшу все покончить!

— Не болѣе меня! — проговорилъ старикъ прочувствованнымъ голосомъ.

— Такъ вотъ почему я встрѣтилъ васъ здѣсь?

— Для этого, во первыхъ, ваша милость; а во вторыхъ, потому что ваше присутствіе необходимо въ собраніи главныхъ вождей союза Платеадосовъ, происходящемъ въ настоящую минуту,

— Vive Dios! вотъ прекрасная идея, Лука Мендесъ, другъ мой! гдѣ они собрались, эти мексиканскія свиньи?

— Въ столовой, они тамъ ужинаютъ съ аппетитомъ. Они явились сюда не болѣе, какъ часъ тому назадъ; и такъ какъ они утомились послѣ длиннаго пути, то и поспѣшили сѣсть за столъ. Платеадосы еще не начинали разговора о серьезныхъ вещахъ; вы пришли какъ разъ во время.

— Слава Богу! Не будемъ терять ни минуты! Прошу васъ, проведите меня въ такое мѣсто, откуда я могъ бы все слышать!

— Пойдемте, ваша милость; намъ нужно для этого сдѣлать всего только нѣсколько шаговъ.

Онъ взялъ фонарь и, давъ молодымъ людямъ знакъ слѣдовать за собою, вышелъ изъ комнаты, дверь которой оставилъ открытой.

Пройдя въ нѣсколько минутъ всевозможные проходы, они подошли къ двери. Лука Мендесъ отворилъ ее безъ шуму, поставилъ свой фонарь на землю снаружи и, обратившись къ молодымъ людямъ, проговорилъ.

— Ни слова, ни жеста, которые бы выдали наше присутствіе въ этой комнатѣ, пока мы здѣсь: какъ вамъ все будетъ слышно, такъ же и васъ услышатъ!

— Не бойтесь ничего!

Тогда старикъ провелъ ихъ въ совсѣмъ темную комнату и за руку довелъ до софы, на которую они и сѣли, затѣмъ онъ надавилъ пружину, послѣ чего открылись на верху стѣны свѣтлыя дыры, изъ которыхъ распространились тепло и запахъ кушаній, и въ то же время послышались голоса такъ отчетливо, какъ будто бы собесѣдники находились въ той же комнатѣ, гдѣ были спрятаны они сами.

Моментъ былъ выбранъ удачно: донъ Бальтазаръ Турпидъ, по настоянію дона Мануэля де Линареса, собирался объяснять, по какимъ мотивамъ онъ завязалъ отношенія съ донъ Порфиріо Сандосомъ и почему онъ ссудилъ его 300.000 піастрами. Донъ Торрибіо не могъ попасть болѣе кстати: Платеадосы развивали при немъ весь планъ своихъ дѣйствій.

Съ замираніемъ сердца отъ радости, которая чуть было не выдала его, молодой человѣкъ слушалъ всѣхъ перепетіяхъ, столь интересныхъ для него, о козняхъ, замышляемыхъ Бальтазаромъ и такъ горячо одобряемыхъ его сообщниками. Засѣданіе длилось долго, но это не могло утомить дона Торрибіо; онъ лихорадочно слѣдилъ

за циничною откровенностью этихъ бандитовъ высшаго свѣта, хитрость и мошенничества которыхъ причиняли ему невыразимое отвращеніе, смѣшанное съ инстинктивнымъ и суевѣрнымъ ужасомъ.

Когда всѣ шестеро мужчинъ встали изъ за стола и распрощались другъ съ другомъ, и въ гасіендѣ воцарилась тишина, молодой человѣкъ остался съ минуту недвижимъ, съ головой, опущенной на грудь и въ глубокомъ раздумьи, волнуемый разнообразными чувствами. Неужели онъ дѣйствительно слышалъ этотъ омерзительный разговоръ; не было ли это кошмаромъ?!

Лука Мендесъ конечно понялъ, что происходило въ душѣ юноши; не произнося ни слова, онъ надавилъ пружину; открылась секретная дверь, и передъ ихъ глазами показалась столовая въ безпорядкѣ, оставленномъ послѣ ужина.

Донъ Торрибіо сейчасъ же всталъ, заглянулъ черезъ порогъ, и, проговоривъ нѣсколько словъ, которыя мы привели выше, отскочилъ назадъ съ неизъяснимымъ отвращеніемъ; секретный входъ тотчасъ закрылся за нимъ.

— Теперь, Лука Мендесъ, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, — проведите меня въ такую комнату, гдѣ мы могли бы свободно переговорить, а главное, чтобы насъ не услышали!

— Пойдемте, ваша милость! — отвѣтилъ старикъ, поклонившись.

Нѣсколько минутъ спустя они вошли въ довольно большую комнату, съ скромной обстановкой; на столѣ былъ приготовленъ холодный ужинъ.

— Здѣсь вамъ нечего бояться, ваша милость! — сказалъ Лука Мендесъ.

— Гдѣ мы?

— За спальней стараго графа, въ которой теперь помѣстился донъ Мануэль де Линаресъ.

— Не здѣсь ли останавливался донъ Порфиріо во время своего пребыванія въ гасіендѣ?

— Здѣсь, ваша милость!

— Въ такомъ случаѣ, тутъ долженъ быть скрытый ходъ.

— Этихъ ходовъ имѣется не по одному, а по два въ каждой комнатѣ гасіенды.

— О! о! какое излишество предосторожностей!

— Въ ту эпоху, когда этотъ домъ строился, эти предосторожности были необходимы.

— Мнѣ по этому поводу разсказывали очень любопытную легенду, но я не прочь былъ бы узнать истину!

— Но вамъ не мѣшало бы закусить, ваша милость. А пока вы будете ужинать, я въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь объяснить вамъ кое-что.

— Согласенъ, хотя не чувствую особеннаго аппетита. Разговоръ этотъ, на которомъ я присутствовалъ, совсѣмъ разстроилъ меня; до сихъ поръ я и не воображалъ, что возможно существованіе подобныхъ мерзавцевъ!

— Человѣкъ—самое подлое и въ то же время жестокое созданіе, ваша милость. Онъ злоупотребляетъ способностями, полученными имъ отъ Бога, чтобы тиранить все окружающее его, въ угоду своимъ порокамъ и страстямъ.

— Это сущая правда! Садись тамъ, противъ меня, Пепе, ты навѣрное проголодался.

— Не особенно, другъ мой; но, разъ вы мнѣ разрѣшаете....

— Конечно, садись-же; мы тутъ свои люди!

Всѣ сѣли и принялись за ѣду. Лука Мендесъ прислуживалъ.

— Дорогой мой Лука Мендесъ,—началъ донъ Торрибіо, напуская на себя веселость,—вы для меня ходячая загадка, которую я не могу никакъ разгадать.

— Меня, ваша милость?—проговорилъ старикъ со странной улыбкой.

— Да какъ-же! какъ выражаются мои друзья, французы, вы весь сотканы изъ однихъ тайнъ. Къ счастью, я не слишкомъ любопытенъ, а то бы просто изсохъ изъ-за васъ. Все въ васъ необыкновенно и странно въ высшей степени.

Честное слово, я васъ не понимаю; вы мнѣ говорите о мести; отлично, я съ вами дѣйствую за одно. Годъ спустя случай сталкиваетъ насъ здѣсь. Оказывается, совсѣмъ неожиданно, что мы оба охотимся за той-же дичью. Вы оставляете меня, чтобы служить или вѣрнѣе мстить человѣку, котораго я самъ преслѣдую. Сегодня вечеромъ я нахожу васъ полновластнымъ владѣтелемъ тайны, которая никому недоступна; и къ довершенію всего, не взирая на ваше пламенное желаніе мести, на ваши свѣдѣнія, отъ которыхъ зависитъ мой успѣхъ, вы, ничего не объясняя мнѣ, спокойно предоставляете мнѣ самому выпутываться изъ этого дѣла.

— Развѣ вамъ не лучше обойтись безъ меня, ваша милость?

— До извѣстной степени, пожалуй; но мы изъ за этого потеряли драгоцѣнное время!

— Можетъ быть, ваша милость; но есть еще одинъ владѣтель этой тайны; и онъ заинтересованъ не менѣе моего въ этой исторіи; скажу вамъ болѣе, онъ вашъ другъ, вашъ союзникъ, однако и онъ принужденъ хранить молчаніе.

— О комъ вы говорите?

— Развѣ вы не знаете дона Порфиріо Сандоса?

— А! — засмѣялся онъ, — но ужъ это кажется колдовствомъ. Берегитесь, Лука Мендесъ, я скоро начну думать, что вы діаволъ, и буду заклинать васъ, мой другъ!

— Ваша милость ошиблись-бы: я простой смертный и самый преданный вамъ слуга.

— Это возможно, но! странный-же вы слуга, я такихъ еще не встрѣчалъ. Однако, серьезно, неужели вамъ не надоѣло хранить всѣ эти тайны и вы не находите, что теперь настало наконецъ время все разъяснить?

— Увы! ваша милость, для меня слишкомъ тяжелы всѣ эти тайны. Клянусь вамъ, что онѣ даже свыше силъ моихъ! Но, къ несчастію, разъясненіе ихъ зависитъ не отъ меня; это случится мало-по-малу, само собой, въ силу обстоя-

тельствъ; да вотъ ужъ сейчасъ, развѣ вы не узнали больше, чѣмъ вамъ было извѣстно мѣсяцъ тому назадъ?

— Caraï! еще-бы: мѣсяцъ тому назадъ я ровно ничего не зналъ! Но откуда вы сами знаете, что донъ Порфиріо Сандосъ отказался открыть мнѣ секретъ этой гасіенды?

— Я давно знакомъ съ дономъ Порфиріо!

— Вы? но вѣдь вы сами-же говорили мнѣ, что вотъ уже двадцать лѣтъ...

— И больше еще, какъ я покинулъ Мексику; но еще задолго до этого времени я зналъ дона Порфиріо.

— Въ такомъ случаѣ, отчего-же онъ не узналъ васъ?

— Это весьма естественно, ваша милость! лѣта и пережитыя страданія совсѣмъ измѣнили меня; къ тому-же донъ Порфиріо думалъ, что меня уже давно нѣтъ въ живыхъ.

— Все это возможно,—пробормоталъ донъ Торрибіо въ раздумьи;— но еще одно слово: кто вамъ разсказалъ объ этой гасіендѣ?

— Самъ графъ, ваша милость; я воспитывался съ малыхъ лѣтъ въ его домѣ.

— Вы?

— Да, ваша милость, графъ меня очень любилъ. Что же касается того, что вы желали узнать...

— А! да вы отвлекаетесь отъ сути.

— Нисколько, ваша милость; да развѣ я не получилъ вашего согласія?

Донъ Торрибіо закусилъ губу.

— Да, правда; больше я не стану разспрашивать васъ, разъ вамъ это не нравится. Итакъ возвратимся къ легендѣ.

— Въ ней есть доля правды среди массы лжи. Достовѣрно то, что эта гасіенда была построена тридцать лѣтъ спустя послѣ завоеванія нѣкіемъ Ксолотлемъ, принцемъ Сиболы, съ цѣлью уберечь его неисчислимыя богатства отъ алчности испанскихъ авантюристовъ и въ особенности отъ знаменитаго Альвара Нуннеса Кабеса де-Вака, перваго Европейца, осмѣлившагося вступить въ эти края, до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстные, и гдѣ скрывались послѣдніе мексикан-

скіе патріоты. Въ то время гора эта была не такой, на нее легко можно было подняться съ какой угодно стороны. Принцъ выписалъ извѣстнаго испанскаго архитектора и поручилъ ему постройку замковъ на подобіе тѣхъ, которые создались въ тѣ времена: съ двойными и тройными стѣнами и потайными ходами. Такъ какъ принцъ былъ несмѣтно богатъ и имѣлъ массу вассаловъ, то работа подвигалась съ неимовѣрною быстротою. Въ какихъ-нибудь два года гасіенда была окончена; получилось верхъ искусства, въ чемъ, я думаю, вы сами убѣдились.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, даже въ Европѣ невозможно встрѣтить болѣе законченной и обдуманной постройки!

— Донъ Альваръ Нуннесъ Кабеса де-Вака пришелъ къ тому-же заключенію. Во время его мѣсячнаго пребыванія въ этой гасіендѣ ему не удалось рѣшительно ничего открыть, хотя, одному Богу извѣстно, насколько этотъ человѣкъ былъ пронырливъ, вслѣдствіе своей алчности.

— Но меня удивляетъ, что архитекторъ, авторъ этого чуднаго творенія, не выдалъ секрета его.

— Увы! ваша милость, это случилось, быть можетъ помимо его желанія! - сказалъ Лука Мендесъ, съ насмѣшливой улыбкой.

— Какъ-же такъ?

— Этотъ архитекторъ привезъ съ собою человѣкъ двадцать опытныхъ экспертовъ, работою которыхъ онъ руководилъ при постройкѣ тайныхъ ходовъ, пружинъ и проч. По окончаніи работъ принцъ щедро наградилъ ихъ всѣхъ.

— Такъ и слѣдовало!

— Но, къ несчастію, ему показалась насмѣшливой улыбка на губахъ архитектора, во время клятвы послѣдняго никогда не открывать секретовъ новаго жилища. Принцъ не сказалъ ни слова, сдѣлавъ видъ, что ничего не замѣтилъ. Онъ даже обѣщалъ ему навьючить на десять муловъ цѣлую груду золота.

— О! о! вотъ что называется царскимъ вознагражденіемъ!

— Не правда-ли, ваша милость? Но, повторяю вамъ,

принцъ былъ несмѣтно богатъ и щедръ, къ тому-же онъ остался доволенъ работой: и вмѣсто десяти муловъ, онъ далъ двадцать. Архитекторъ со своими спутниками и съ хорошей охраной отправились въ Мексику. Но дня три спустя послѣ ихъ отъѣзда изъ гасіенды на нихъ ночью напали индѣйцы, позарившіеся, конечно, на ихъ сокровища. Испанцы, какъ разсказывали, защищались отчаянно, но не могли устоять подъ натискомъ многочисленнаго непріятеля и пали всѣ до послѣдняго, послѣ тяжкихъ мученій: вы сами знаете жестокость индѣйцевъ!

— Такимъ образомъ секретъ....

— Былъ унесенъ ими въ кровавыя могилы.

— Ловко сыграно!

— Можетъ быть; но никогда ни у кого не было подозрѣній на принца: въ то время въ этомъ краѣ хозяйничали индѣйцы. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ выстроили гасіенду, какъ вдругъ сдѣлалось страшное землетрясеніе, которое совершенно измѣнило внѣшній видъ края: гора на половину обрушилась и съ той поры сдѣлалась такой неприступной, какъ вы ее видите сейчасъ. Что-же касается гасіенды, она осталась невредимой какимъ-то сверхъестественнымъ образомъ; ни одинъ изъ ея камней даже не тронулся. Только она сдѣлалась какъ будто еще недосягаемѣе. Принцъ былъ въ восторгѣ, что его секретъ оставался навсегда только въ его собственныхъ рукахъ.

Мало по малу воспоминаніе объ этихъ событіяхъ обратилось въ легенду, переходя изъ устъ въ уста индѣйцевъ и охотниковъ. Въ настоящее время мы съ дономъ Порфиріо единственные, которымъ извѣстна эта исторія; гасіенда остается собственностью той-же фамиліи, и, съ Божьей помощью оно такъ будетъ еще на долгое время!

Лука Мендесъ произнесъ послѣднія слова съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго молодой человѣкъ содрогнулся.

— Да услышитъ васъ небо!—сказалъ онъ,—но, по всѣмъ вѣроятіямъ, графъ и его сынъ умерли.

— Quien sabe? (кто знаетъ?)—проговорилъ старикъ мрач-

нымъ голосомъ, — иногда и мертвецы выходятъ изъ могилъ, чтобы отомстить убійцамъ. Но,—перемѣнилъ онъ тонъ, замѣтивъ, что молодой человѣкъ пересталъ ѣсть, — не желаетъ-ли ваша милость отдохнуть теперь?

— Нѣтъ, у меня есть дѣло! Пепе, ты сейчасъ отправишься, вѣдь, ты не слишкомъ усталъ, надѣюсь?

— Чтобы исполнить приказаніе вашей милости, я всегда бодръ.

— Ладно. Лука Мендесъ, мнѣ нужно написать письмо!

— Вотъ все, что вамъ нужно, ваша милость! — сказалъ старикъ, передавая ему бумагу, перья, чернила и проч.

— Благодарю!

Донъ Торрибіо закурилъ сигару, подумалъ минуты двѣ, три, затѣмъ написалъ строкъ двадцать скорымъ и изящнымъ почеркомъ. Перечтя написанное, онъ сложилъ бумагу на подобіе письма, запечаталъ и, повернувшись къ Пепе, стоявшему позади его, сказалъ.

— Это письмо должно быть доставлено какъ можно скорѣе дону Порфиріо. Гони свою лошадь во весь духъ; пусть она потомъ хоть подохнетъ, только догони дона Порфиріо; для насъ очень важно во-время предупредить его. Повтори ему все, что мы тутъ слышали, я предупредилъ его, что ты дашь ему всѣ нужныя свѣдѣнія.

— Гдѣ я могу найти дона Порфиріо, ваша милость?

— Можетъ быть въ Тубакѣ, или-же по пути изъ Марфильскаго ущелья.

— Я поищу его и найду.

— Поѣзжай и не дремли!

— Ни одной минуты не потеряю даромъ.

— Лука Мендесъ, проводите его пожалуйста къ ближайшему выходу.

— Гдѣ вы оставили лошадей, ваша милость?— спросилъ старикъ.

— Мы ихъ спрятали въ лѣсу около какого-то заброшеннаго замка, въ дуплѣ краснаго дерева, на правомъ берегу Салинаса.

— Гмъ! если вы выйдите съ этой стороны, то потеряете много времени по-напрасну. Я проведу васъ къ противоположному выходу съ горы и дамъ вамъ вполнѣ отдохнувшую лошадь; такъ вы выиграете цѣлыхъ четыре часа.

— Хорошо; но что мнѣ дѣлать послѣ того, какъ я передамъ письмо дону Порфиріо?

— Ты привезешь мнѣ сюда отвѣтъ; я буду ждать тебя! Торопись-же, смотри!

— Будьте увѣрены во мнѣ, ваша милость!

Они вышли. Лука Мендесъ почти тотчасъ-же вернулся, пробывъ въ отсутствіи не болѣе четверти часа.

— Пепе Ортисъ уѣхалъ!—сказалъ онъ.

— Очень радъ! Я-же теперь отдохну нѣсколько часовъ. Не можете-ли вы предупредить донну Санту, чтобы мое неожиданное появленіе не испугало ея? Мнѣ нужно переговорить съ нею.

— Въ которомъ часу вы желаете видѣть сеньориту, сеньоръ?

— Около восьми или девяти часовъ утра.

— Я предупрежду ее, ваша милость.

— Никто не долженъ знать объ этомъ свиданіи!

— Вѣдь ея опекунъ объявилъ, что уѣзжаетъ сегодня утромъ.

— Я не помню, говорилъ-ли онъ объ этомъ.

— Ну, это все равно; я ужъ устрою такъ, чтобы вамъ никто не помѣшалъ; да наконецъ вы всегда можете во время скрыться.

— Правда; теперь дайте мнѣ плащъ и охапку соломы: я просто изнемогаю отъ усталости.

— Вотъ комната, приготовленная для вашей милости! сказалъ старикъ, открывая боковую дверь.

Молодой человѣкъ вошелъ въ небольшую комнату, въ которой нашелъ кровать съ мѣховыми покрывалами.

— Я отлично засну здѣсь, — сказалъ донъ Торрибіо, — разбудите меня, Лука Мендесъ, не позже семи часовъ, мнѣ нужно еще кое-что спросить васъ.

— Въ семь часовъ, какъ всегда, я буду къ вашимъ услугамъ, ваша милость; пріятнаго сна!—и, распрощавшись старикъ вышелъ.

Молодой человѣкъ положилъ свое оружіе на столъ, такъ, чтобы можно достать его рукою, затѣмъ, не раздѣваясь, бросился на постель и черезъ пять минутъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

А Лука Мендесъ сѣлъ на стулѣ, спинка котораго упиралась въ дверь комнаты его господина, и не спалъ, оберегая сонъ его.

IV. Отчего донъ Порфиріо остановился на главной площади президіо Тубака.

Нѣкоторые писатели, не заботящіеся о географической точности, описываютъ Америку, не имѣя о ней ни малѣйшаго представленія, такъ какъ ихъ экскурсіи въ Новый Свѣтъ ограничивались Ниццей или Монако. Такъ да будетъ имъ извѣстно, что Тубакъ никогда не былъ городомъ, ни большимъ, ни малымъ, а тѣмъ болѣе столицей штатовъ Соноры или Арисоны.

Présidios, какъ показываетъ самое ихъ названіе, находились въ ту эпоху во власти испанцевъ и представляли изъ себя посты, на которыхъ выстроены были исправительные дома, содержащіе въ себѣ каторжниковъ и солдатъ на караулѣ.

Испанское правительство построило на индѣйской границѣ, въ торговыхъ цѣляхъ, рядъ крѣпостей, сообщавшихся между собою и предназначенныхъ для обмѣна товаровъ съ краснокожими и для задержанія послѣднихъ, когда на нихъ нападала охота въ лунную ночь дѣлать нападенія, грабить и жечь замки и гасіенды жителей Новой Испаніи, или нынѣшней Мексики.

Тубакъ, расположенный у подошвы горы Пахарросъ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Арисоны, принадлежащей теперь

Соединеннымъ Штатамъ, являлся передовымъ пунктомъ цивилизаціи въ этихъ краяхъ. Бдительность караула, устроеннаго въ немъ, распространялась даже на необозримую пустыню Апачерію.

Это президіо состояло изъ двойной укрѣпленной ограды, маленькой крѣпости и факторіи для обмѣна товаровъ съ краснокожими. Нѣсколько свободныхъ жителей, помѣстившихся въ Тубакѣ и подчиненныхъ очень строгой военной дисциплинѣ, жили въ небольшихъ домикахъ, построенныхъ безъ всякаго плана и походившихъ скорѣе на индѣйскія хижины, чѣмъ на жилища цивилизованныхъ людей.

Но эти ранчо, казавшіяся такими мизерными, хранили въ себѣ цѣлые милліоны. Въ этомъ уголкѣ создавались колоссальныя состоянія съ неимовѣрною быстротою. Дѣйствительно, въ Тубакѣ организовались всевозможныя экспедиціи искателей золота. Здѣсь же устраивались свиданія бѣглецовъ, лѣсныхъ бродягъ и охотниковъ, всѣхъ этихъ передовыхъ людей поневолѣ. Кромѣ того, здѣсь же происходилъ обмѣнъ мѣховъ на слитки золота или серебра, найденныхъ въ рудникахъ саванны.

Въ Тубакѣ жизнь кипѣла въ то время ключемъ: золото тратилось въ изобиліи. Изъ освѣщенныхъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ кабаковъ раздавалосъ пѣніе. Мецкаль, пулькъ и Каталонское вино лилось рѣкою; подъ звуки харабе шла пляска танцовщицъ, собиравшихся сюда со всѣхъ концовъ вице-королевства, чтобы поживиться хоть частицами драгоцѣннаго метала, расточаемаго пригоршнями за одну улыбку или ласку. Хорошее то было время!

Теперь всѣ крѣпости снесены, а отъ Тубака остались лишь одни развалины. Населеніе его измельчало и уменьшилось на двѣ трети. Всюду появилась нищета. Революціи, анархія, постоянныя войны и возстанія совсѣмъ уничтожили президіо; и тѣни не осталось отъ того, что было: улицы пустынны, дома заброшены и валятся отъ дряхлости; кабачки, мрачные и молчаливые, не видятъ больше веселыхъ потребителей напитковъ. Жители прозябаютъ; развѣ изрѣдка кое

гдѣ вечеромъ, при слабомъ мерцаніи звѣздъ, можно встрѣтить нѣсколько блѣдныхъ, изможденныхъ субъектовъ, въ отвратительныхъ лохмотьяхъ, лежащихъ или сидящихъ у дверей своихъ лачугъ и вяло ведущихъ бесѣду, или курящихъ папиросы. Куда дѣвались звонкій смѣхъ, шутки, сладострастные танцы, харабе и пулькъ?! теперь всюду виднѣется только нищета.

Только изрѣдка устраивается какая-нибудь экспедиція, или наѣзжаютъ авантюристы. Тогда на нѣсколько дней президіо Тубакъ пробуждается отъ своей спячки; отъ летаргіи переходитъ къ опьяненію и надеждамъ. Но экспедиція уѣзжаетъ, и опять воцаряется тишина и оцѣпененіе.

Но вотъ приблизительно недѣлю тому назадъ въ Тубакѣ поселились около дюжины какихъ-то субъектовъ, которыхъ, судя по ихъ костюму, можно было принять за охотниковъ или лѣсныхъ бродягъ, но, по ихъ непринужденной походкѣ и болѣе чѣмъ подозрительнымъ манерамъ, легко было сразу догадаться, что это были авантюристы.

Откула они? Упали ли съ неба, или поднялись изъ ада? Никто не мого отвѣтить на этотъ вопросъ. Ихъ замѣтили въ одно утро, при восходѣ солнца, стучащими изо всѣхъ силъ въ дверь остеріи *). Невозможно было опредѣлить, откуда они явились, съ сѣвера ли, съ юга, съ востока или съ запада.

Съ момента своего водворенія эти авантюристы ужасно шумѣли, кутили, пьянствовали и дрались, играя въ monte съ остервененіемъ, Денегъ у нихъ было много: ихъ карманы оттопыривались отъ золота. Но такъ какъ они напивались съ самаго утра, то отъ нихъ самихъ нельзя было узнать, кто они и откуда; на всѣ вопросы, обращенные къ нимъ любопытными, они пожимали плечами и поворачивали спину, отвѣчая чепуху, пришедшую имъ въ голову.

Замѣтили только одно обстоятельство, не играющее впрочемъ особенной роли: каждый день, за часъ до восхода

---

*) Гостинница.

солнца одинъ изъ нихъ садился на лошадь и уѣзжалъ изъ президіо, куда возвращался лишь съ наступленіемъ ночи.

Этотъ авантюристъ выѣзжалъ то съ одной стороны, то съ другой; и когда пріѣзжалъ обратно, то лошадь его была измучена отъ усталости, а одежда его самого была вся въ пыли.

Тысячу разъ пробовали разузнать причины этой экскурсіи, но безуспѣшно: авантюристы не выдавали тайны этихъ поѣздокъ.

Такое странное поведеніе ихъ продолжалось уже десять дней, какъ однажду въ субботу, около трехъ часовъ пополудни, авантюристъ, который утромъ покинулъ президіо, въ обѣденный часъ прискакалъ въ Табакъ во всю прыть.

Прочіе авантюристы, разсѣянные по тавернамъ, собрались въ одну минуту и обступили новоприбывшаго, конечно, чтобы выслушать его донесеніе, сдѣланное тихимъ голосомъ. Затѣмъ послѣдовалъ споръ, котораго никто не могъ разслышать, но который казался очень оживленнымъ и длился около часа; потомъ по знаку одного изъ нихъ, котораго они признавали, повидимому, за начальника, всѣ разошлись съ безпечнымъ видомъ и вновь принялись за вино и игру.

День прошелъ спокойно. Только, нѣсколько минутъ спустя послѣ заката солнца, когда стало совсѣмъ темно, жители Тубака замѣтили, къ своему великому удивленію, что всѣ авантюристы уѣхали. Они исчезли такъ же внезапно, какъ и явились, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ; но жаловаться на нихъ было нечего: несмотря на свои безчинства, они нигдѣ не остались въ долгу, заплативши все, что слѣдовало; только одно: задѣли всеобщее любопытство.

Можно себѣ вообразить, сколько послѣдовало комментаріевъ по поводу этого исчезновенія! Не зная, чему приписать его, стали выдумывать невѣроятныя, фантастическія исторіи, и Богъ знаетъ, до чего довело-бы возбужденное воображеніе достойныхъ жителей президіо, если-бы къ девяти часамъ вечера, въ ту минуту, когда на звѣздномъ небѣ выплыла луна, ихъ не остановилъ-бы шумъ, сначала неясный,

но который возрасталъ по мѣрѣ приближенія и который они признали наконецъ за топотъ кавалькады.

Это войско, прекрасно вооруженное, состояло изъ ста пятидесяти или двухъ сотъ человѣкъ, подъ командою трехъ офицеровъ. Изъ нихъ шестьдесятъ были стрѣлки, остальные казались бѣлыми или метисами, охотниками прерій. Кавалькада подвигалась въ военномъ порядкѣ; въ срединѣ этого блестящаго эскадрона гарцовали нѣсколько дамъ, около которыхъ ѣхалъ офицеръ въ полной формѣ.

Всадники проѣхали черезъ президіо шагомъ; стрѣлки и охотники были въ плащахъ (zarorès); при свѣтѣ луны блестѣла сталь ихъ копій и ружейныхъ стволовъ, слышалось бряцанье сабель, ударяющихся о лошадиныя сбруи.

Путешественники достигли главной площади и намѣревались, кажется, проѣхать мимо, нигдѣ не останавливаясь; въ аріергардѣ было пятнадцать муловъ съ двадцатью всадниками.

Въ ту минуту, когда начальникъ стрѣлковъ, ѣхавшій на нѣсколько шаговъ впереди солдатъ, началъ поворачивать свою лошадь налѣво, съ очевидной цѣлью проѣхать въ пустыню кратчайшимъ путемъ, хозяинъ одной остеріи, находящейся напротивъ кабильдо *), единственнаго, который былъ освѣщенъ, поспѣшно подошелъ къ офицеру, и, вѣжливо кланяясь ему, сказалъ:

— Buenos noches **), сеньоръ капитанъ!

— Buenos noches, сеньоръ! — тотчасъ-же отвѣтилъ офицеръ.

— Мнѣ-бы хотѣлось,—началъ содержатель гостинницы,— сказать вамъ нѣсколько словъ, кабаллеро. Если я не ошибаюсь, вы начальникъ отряда?

— Я не болѣе какъ одинъ изъ нихъ, сеньоръ,—отвѣтилъ капитанъ,—нашъ командиръ вонъ тотъ офицеръ! Если вы имѣете что либо сообщить, то обратитесь къ нему.

---

*) Кабакъ.

**) Доброй ночи.

— Благодарю, сеньоръ капитанъ,—отвѣтилъ трактирщикъ отодвигаясь назадъ, чтобы освободить проходъ, — я сейчасъ переговорю съ нимъ.

Онъ подождалъ, пока указанный офицеръ поровнялся съ нимъ, затѣмъ, приблизившись къ нему, почтительно снялъ свой жирный и грязный колпакъ и съ изысканной вѣжливостью сказалъ незнакомцу:

— Одно слово, пожалуйста, сеньоръ кабаллеро!

— Что вамъ угодно?—отвѣтилъ всадникъ сдержаннымъ голосомъ.

— Дать важный совѣтъ вашей милости!

— Говорите, сеньоръ Муносъ! —ласково отозвался всадникъ.

— Ваша милость знаетъ меня?—удивился трактирщикъ.

— Caraï! знаю-ли я васъ! — засмѣялся всадникъ, — посмотрите-ка на меня хорошенько!—добавилъ онъ, наклоняясь съ сѣдла.

— Донъ Порфиріо Сандосъ! новый губернаторъ Соноры!—вскричалъ трактирщикъ въ изумленіи,—valga me Dios! возможно-ли это?

— Какъ видите, Муносъ, но говорите скорѣй, я тороплюсь!

— Ваша милость направляется, конечно, въ Охо-де-Агуа?

— Точно такъ, хозяинъ, а такъ какъ мнѣ предстоитъ еще проѣхать четыре мили, то вы понимаете, некогда терять время...

— Сегодня ночью ваше сіятельство не поѣдетъ въ гасіенду!—рѣшительно сказалъ трактирщикъ.

— Какъ такъ! кто-же это можетъ помѣшать мнѣ?

— Вы сами ваша милость, какъ только выслушаете меня!

— Значитъ; вы хотите сообщить мнѣ нѣчто важное?

— Очень важное, ваше сіятельство! Ваша милость знаетъ, какъ я преданъ и что на меня можно положиться.

— Конечно Муносъ, вы говорите правду, только...

Трактирщикъ наклонился къ нему и проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ:

— У меня къ вамъ письмо отъ Твердой Руки.

— О! о!—произнесъ донъ Порфиріо, задумавшись,— это требуетъ размышленія. Не найдется-ли въ вашемъ домѣ мѣста, чтобы помѣстить двухъ дамъ и прислугу? — громко спросилъ онъ.

— Найдется, ваша милость! хотя онѣ и не найдутъ у меня удобствъ своей гасіенды, но ночь скоро пройдетъ.

— Совершенно вѣрно; такъ пойдите-же, приготовьте все, Муносъ, прошу васъ!

Донъ Порфиріо возвратился назадъ медленнымъ шагомъ, и, обратившись къ одному изъ всадниковъ, сказалъ.

— Касторъ, предупредите пожалуйста капитана дона Діего Леона, что мы остаемся на ночь въ этомъ президіо. Мы расположимся на этой площади, затѣмъ ваши охотники устроятъ здѣсь бивуакъ.

Касторъ былъ уже пожилой человѣкъ, но очень дѣятельный. Его энергичное лицо дышало прямотою и храбростью; въ то-же время видно было, что онъ очень уменъ. Онъ былъ канадскимъ охотникомъ и болѣе тридцати лѣтъ колесилъ пустыню по всѣмъ направленіямъ; ему были извѣстны самые скрытные уголки ея.

— Слушаю, сеньоръ,—отвѣтилъ онъ,—развѣ есть какія нибудь новости?

— Я еще ничего положительнаго не знаю, но что-то боюсь. Во всякомъ случаѣ, капитанъ, примите предосторожности, и, главное, позаботьтесь, чтобы мы были въ открытомъ мѣстѣ.

— Положитесь на меня, сеньоръ, и будьте покойны!

— Благодарю васъ!

Тогда донъ Порфиріо приблизился къ дамамъ и, поклонившись имъ, сказалъ:

— Сеньоры, не будете-ли вы столь любезны, дойти до этой гостинницы, гдѣ все приготовлено чтобы принять васъ?

— Развѣ мы здѣсь ночуемъ? —спросила болѣе пожилая изъ нихъ.

— Да, керида *) Инкарнація! Я разсудилъ, что мы еще очень далеко отъ гасіенды, куда не доберемся раньше полуночи или часу утра; а съ дамами такое путешествіе ночью очень затруднительно, такъ лучше переночевать эту ночь въ президіо.

— Татита керида (дорогой отецъ),—сказала смѣясь младшая изъ дамъ,—хотя вы очень ловкій дипломатъ, но насъ вамъ не обмануть; мы видѣли, какъ вы разговаривали съ незнакомцемъ.

— Извини, дитя мое, это былъ никто иной, какъ хозяинъ того дома, въ которомъ вы съ матерью проведете эту ночь. Онъ объявилъ мнѣ, что ваши апартаменты готовы.

— Апартаменты?! названіе нѣсколько лестное, пожалуй!—сказала молодая дѣвушка съ лукавой усмѣшкой.

— Хезузита,—остановила ее мать, — къ чему такъ приставать къ отцу? Какова бы ни была причина, заставившая его попросить насъ остаться здѣсь на ночь, имъ руководитъ желаніе сдѣлать намъ же лучше!

— О! мама!—возразила молодая дѣвушка смѣясь,—отчего же мнѣ немножко и не подразнить дорогого папу?

— Подразнить-то ты меня можешь, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой; — твоя мать знаетъ, какъ я люблю васъ обѣихъ, она справедлива ко мнѣ!

— Но вѣдь съ этой остановкой не связано никакой опасности, донъ Порфиріо?—спросила съ безпокойствомъ его жена.

— Рѣшительно ничего, милая моя, — весело отвѣтилъ онъ,—это простая осторожность, ничего болѣе. Признаюсь, ваше присутствіе дѣлаетъ меня трусомъ, я поневолѣ всего остерегаюсь, а потому мнѣ можно простить эту задержку.

— Ну, довольно объ этомъ, мы, двѣ неблагодарныя, не съумѣли сразу оцѣнить всю вашу заботливость о насъ! Ведите насъ въ гостинницу!

Донъ Порфиріо повелъ обѣихъ дамъ съ ихъ служанками

---

*) Дорогая.

въ домъ достойнаго Муноса, который хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы привести въ порядокъ свое убогое жилище, что ему почти удалось, благодаря гамакамъ и багажу, который дамы везли съ собою.

Въ это самое время капитанъ донъ Діего Леонъ вмѣстѣ съ Касторомъ, исполняя данное приказаніе, устроили бивуакъ на площади, къ великому изумленію мѣстныхъ жителей, которые уже давно не присутствовали на подобномъ празднествѣ. Они со всѣхъ сторонъ обступили всадниковъ, предлагая имъ свои услуги, и помогали устроиться.

Охотники, приблизительно около ста шестидесяти человѣкъ, были всѣ изъ канадскихъ, американскихъ и мексиканскихъ лѣсовъ. Въ общемъ, все это были люди честные, рѣшительные и воинственные. Они сохраняли во всемъ, видно, строгую дисциплину и вскорѣ вошли въ мирные переговоры съ жителями, которымъ пріятнѣе было имѣть дѣло съ ними, чѣмъ съ солдатами, а тѣ снабдили ихъ за весьма умѣренную плату съѣстными припасами и напитками.

Зажгли огня; разставили караульныхъ, затѣмъ принялись ужинать; взялись за лошадей и ихъ кормъ, также позаботились о мулахъ; такимъ образомъ все устроилось.

Эта остановка каравана на площади въ деревнѣ или даже въ городѣ вещь весьма обыкновенная; на пограничныхъ станціяхъ она происходитъ всякій разъ, какъ экспедиція собирается вступить въ пустыню.

Властямъ президіо не пришлось вмѣшиваться; только когда главный судья (алькадъ-маіоръ) узналъ, что этотъ блестящій отрядъ состоялъ подъ командою дона Порфиріо, богатаго помѣщика, любимаго и уважаемаго всѣми на пятьдесятъ миль въ окружности, но новое назначеніе котораго ему еще не было извѣстно, онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать ему визитъ и поздравить съ пріѣздомъ въ Тубакъ.

Лишь только донъ Порфиріо освободился, а донна Инкарнація съ дочерью поужинали и легли спать, онъ позвалъ

Муноса, сгорая отъ нетерпѣнія узнать поскорѣй новости, которыя тотъ хотѣлъ сообщить ему.

Хозяинъ гостинницы поспѣшилъ на его зовъ.

— Сядьте, Муносъ!—сказалъ ему донъ Порфиріо, когда тотъ вошелъ въ комнату. — Теперь мы спокойны, намъ нечего бояться нескромныхъ ушей, соообщайте мнѣ тѣ важныя извѣстія, о которыхъ вы говорили мнѣ.

— Я готовъ служить вамъ, какъ всегда, ваше сіятельство, но, прежде всего, разрѣшите вручить вамъ письмо!

— Письмо! отъ кого? кажется, никто не знаетъ о моемъ путешествіи, какъ-же это случилось?..

— Не ломайте голову, ваша милость, я вамъ уже называлъ автора письма, но вы забыли, это письмо отъ бѣлаго охотника, извѣстнаго подъ именемъ Твердой-Руки!—поспѣшно прервалъ трактирщикъ.

— Ахъ, да! Какъ это я могъ забыть?! Твердая-Рука, дружбой котораго я дорожу, дѣйствительно знаетъ о моемъ путеществіи, а также и то, что я долженъ былъ проѣхать черезъ Тубакъ. Дайте мнѣ письмо, Муносъ; вы давно получили его?

— Сегодня утромъ, ваша милость!

— Кто вамъ передалъ его?

— Этого я и самъ не знаю!

— Какъ не знаете!

— Право, не знаю!

— Однако, не само же оно попало въ ваши руки?

— Не само, ваше сіятельство, хотя, судя по странности передачи, почти что такъ.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю.

— Сегодня утромъ, по обыкновенію, въ президіо пришли изъ окрестностей пеоны продавать дичь, фрукты, овощи и говядину. Вы знаете, всѣ индѣйцы такъ схожи между собою, что ихъ очень трудно различить одного отъ другого. Итакъ, эти люди явились сюда предлагать мнѣ товаръ.

— Да что тутъ общаго съ письмомъ? — въ нетерпѣніи прервалъ донъ Порфиріо.

— Подождите, ваша милость, вы поймете!

-- Ну, продолжайте!

— Я говорилъ, что эти люди пришли предложить мнѣ товаръ. Я накупилъ нѣсколько корзинъ фруктовъ, овощей и говядины; однимъ словомъ сдѣлалъ свой запасъ, да и хорошо поступилъ, а то вамъ нечѣмъ было-бы поужинать сегодня, ваша милость!..

— Это правда. Продолжайте!

— Индѣцы, получивъ деньги ушли. Тогда я раскрылъ корзины, и каково-же было мое удивленіе, когда въ одной изъ нихъ увидѣлъ письмо, адресованное на мое имя?! Я не повѣрилъ своимъ глазамъ. Но мое имя было ясно написано; я раскрылъ это странное посланіе и въ немъ нашелъ второе письмо съ вашимъ именемъ; въ моемъ же было написано всего нѣсколько словъ:

„Муносъ, сегодня вечеромъ, около девяти часовъ, донъ Порфиріо, котораго вы знаете, проѣдетъ черезъ Тубакъ; пригласите его переночевать у васъ; если онъ откажется, назовите ему меня и передайте прилагаемое письмо. Если онъ станетъ разспрашивать васъ, сообщите ему о послѣднихъ визитахъ въ президіо. Вы поймете, что я соблюдаю осторожность для передачи этого письма, а то оно рисковало бы быть перехваченнымъ“.

„Надѣюсь на вашу преданность дону Порфиріо Сандосъ, чтобы исполнить мое порученіе. Донъ Порфиріо будетъ вамъ благодаренъ такъ же, какъ и я.—Твердая рука“. Вотъ, ваша милость; вы теперь сами видите, что я не могъ знать, кто принесъ письмо.

— Дѣйствительно, Муносъ. Гдѣ же это посланіе?

— Вотъ оно, ваша милость!

Хозяинъ гостинницы вытащилъ письмо изъ-за пояса и передалъ его дону Порфиріо; послѣдній схватилъ его, распечаталъ и живо пробѣжалъ.

Вотъ содержаніе письма:

„Дорогой донъ Порфиріо,

Согласно условленному плану, вы проѣдете черезъ Ту-

бакъ вечеромъ съ субботы на воскресенье, и будете продолжать, не останавливаясь, свое шествіе до Охо-де-Агуа, куда разсчитываете пріѣхать къ одиннадцати или двѣнадцати часамъ ночи. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что наши враги, предупрежденные шпіонами, приняли свои мѣры, чтобы помѣшать вамъ достигнуть гасіенды. Нѣкоторые изъ нихъ стерегутъ васъ въ самомъ Тубакѣ. Какъ только вы явитесь туда, они сообщатъ объ этомъ своимъ сообщникамъ и всѣ вмѣстѣ будутъ поджидать васъ въ Марфильскомъ ущельѣ. Ихъ будетъ не менѣе двухъ сотъ человѣкъ; они думаютъ напасть на васъ врасплохъ и легко покончить съ вами. Это самые отчаянные бандиты; имъ заплочено дорого, значитъ они будутъ драться, какъ дьяволы. Ихъ цѣль завладѣть донной Инкарнаціей и донной Хезусъ: вы видите, дѣло серьезно, надо о немъ подумать.

„Мой совѣтъ таковъ:

„Переночуйте въ президіо, откуда вы выѣдете на другой день, въ воскресенье, къ девяти часамъ утра.

„Я убѣжденъ что вы сумѣете принять всевозможныя предосторожности во время вашего перехода изъ Тубака въ гасіенду. Что же касается меня, я запрячусь въ засаду и внезапно прижму бандитовъ. Пусть наши враги нападаютъ первые, тогда побѣда остается за нами.

„Крики ястреба, повторенные три раза, возвѣстятъ васъ о моемъ присутствіи.

„Мужайтесь и надѣйтесь.

Твердая рука.

Гасіенда дель Охо-де-Агуа, пятница.

P. S.—Для пополненія свѣдѣній, разспросите Муноса“.

Окончивъ чтеніе этого страннаго письма, донъ Порфиріо подумалъ съ минуту, потомъ, приблизивъ бумагу къ огню, хотѣлъ сжечь ее; но, тотчасъ же опомнившись, сложилъ ее и спряталъ въ портфель.

— У васъ тутъ были новости, Муносъ? — спросилъ онъ трактирщика.

— Да, ваша милость. Дюжина авантюристовъ проживали тутъ десять дней и сорили деньгами направо и налѣво; вѣрно, имъ не пришлось зарабатывать ихъ!

— Эти авантюристы уѣхали?

— Да, ваша милость!

— Давно уѣхали?

— Сегодня ночью; и я увѣренъ, что они удрали, испугавшись васъ.

— Какъ же это? но, вѣдь, они не знали о моемъ пріѣздѣ!

— Не скажите: каждый день они посылали кого-нибудь изъ своихъ на развѣдки. Тотъ, который выѣхалъ сегодня, вмѣсто того, чтобы остаться внѣ президіо, подобно своимъ предшественникамъ, до заката солнца, возвратился, сломя голову, къ тремъ часамъ. Всѣ авантюристы сейчасъ же соединились для тайнаго совѣщанія и затѣмъ ночью исчезли, точно провалившись сквозь землю. Все это очень подозрительно.

— Хмъ! да, тутъ что-то не ладно, надо бы все выяснить. Благодарю васъ за добрый совѣтъ, Муносъ, я хорошо сдѣлалъ, что воспользовался имъ, и никогда не забуду вашей услуги.

Онъ сунулъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ и всталъ.

— Развѣ вы не отдохнете, ваша милость? — спросилъ трактирщикъ.

— Нѣтъ еще, я сначала посмотрю свое войско, все ли тамъ въ порядкѣ.

— О! здѣсь вамъ бояться нечего, ваша милость!

— Знаю,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—но мнѣ хотѣлось бы знать, удобно ли устроились мои храбрые спутники!—и, завернувшись въ плащъ, онъ вышелъ на площадь.

Въ дѣйствительности, донъ Порфиріо былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ это выказывалъ.

Намѣреніе бандитовъ завладѣть его женой и дочерью особенно тревожили его. Онъ большую часть своей жизни

провелъ въ охотахъ по лѣсамъ, такъ что ему хорошо было извѣстно, что за люди эти окрестные бродяги и пираты: это—настоящіе звѣри, сохранившіе лишь подобіе человѣка, которые за золото готовы на самое гнусное преступленіе; а потому онъ дрожалъ при одной мысли о томъ, что ему на другой день предстоялъ переѣздъ черезъ Марфильское ущелье.

Обо всемъ этомъ онъ размышлялъ, пока шелъ изъ гостинницы въ лагерь и чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше возрастали его опасенія.

Было около одиннадцати часовъ вечера; стрѣлки и охотники, укутанные въ свои плащи, спали, растянувшись на землѣ; караульщики не дремали.

Капитанъ донъ Діего Леонъ спалъ подлѣ огня; донъ Порфиріо подошелъ къ нему, но остановился и, покачавъ головой, проговорилъ.

— Онъ еще слишкомъ молодъ и не знаетъ жизни. Какой помощи, кромѣ военной храбрости, можно ждать отъ него?

И онъ обвелъ глазами вокругъ себя; вдругъ онъ вздрогнулъ, и на его лицѣ изобразилась радость.

Около огня сидѣлъ на корточкахъ человѣкъ, облокотившись локтемъ на колѣно и, подперевши рукой голову, курилъ длинную трубку, поглядывая неопредѣленно вокругъ себя. Видно было, что онъ былъ настолько поглощенъ своими мыслями, что все окружающее для него точно не существовало.

Этотъ человѣкъ былъ Касторъ, которому донъ Порфиріо поручилъ командованіе надъ охотниками.

— Вотъ!—пробормоталъ донъ Порфиріо;—онъ одинъ можетъ дать мнѣ нужный совѣтъ и помочь избѣгнуть опасность.

Подойдя къ огню, онъ сѣлъ рядомъ съ охотникомъ, и, закуривши сигару сказалъ ему.

— Добрый вечеръ, Касторъ!

— Добрый вечеръ, сеньоръ!—отвѣтилъ Канадецъ вздрогнувъ, какъ будто его внезапно пробудили отъ сна.

— Вы спали?

— Нѣтъ, я думалъ!

— Можно узнать о чемъ?—спросилъ улыбаясь донъ Порфиріо.

— Къ чему, сеньоръ? — довольно сухо отвѣтилъ охотникъ, — развѣ стоитъ говорить вамъ о разныхъ глупостяхъ?!

— Ба! да отчего же и не сказать?! Мы убьемъ время; мнѣ вотъ не хотѣлось спать, я и пришелъ поболтать съ вами! Говорить о глупостяхъ или о чемъ-либо другомъ, не все ли равно?

— Вы станете смѣяться надо мной, и будете правы, сеньоръ, если я вамъ скажу, что мнѣ сейчасъ взбрело въ голову.

— Почемъ знать? Иногда самыя безумныя мысли оказываются очень дѣльными.

— Мы, Канадцы, суевѣрны сеньоръ!

— Что вы этимъ хотите сказать!

— А то, что въ большинствѣ случаевъ, мы думаемъ не такъ, какъ другіе.

— Чтобы я могъ отвѣтить, Касторъ, мой дорогой другъ, мнѣ нужно узнать, хотя нѣкоторыя изъ этихъ мыслей.

— Вы правы, сеньоръ; да собственно говоря, отчего-бы мнѣ и не сказать вамъ, что меня мучитъ? Если вы и посмѣетесь надо мной, бѣда не велика.

— Я не имѣю привычки смѣяться надъ людьми, которыхъ уважаю, Касторъ! насмѣшка всегда зла и она оставляетъ неизлечимыя раны. Я могу иногда шутить, но и то въ извѣстной мѣрѣ, не затрогивая самолюбія моихъ друзей.

— О! хорошо; дѣло совсѣмъ простое, сеньоръ. Когда вы подошли сюда, я думалъ о нашемъ путешествіи, совершаемомъ въ исключительныхъ условіяхъ: цѣлыхъ двѣ недѣли намъ, повидимому, не угрожало никакой опасности.

— Совершенно вѣрно, охотникъ! Что-же вы думали по этому поводу?

— Я думалъ, сеньоръ, что это неестественно, нелогично, что въ такихъ опасныхъ мѣстахъ дѣло происходило-бы именно такъ.

— Ну, и что-же по вашему?

— Ну, я и говорилъ самъ себѣ, что остающіяся четыре мили до Охо-де-Агуа намъ не удастся пройти такъ-же спокойно, что тѣ опасности, которыя мы пока миновали, обрушатся на насъ разомъ, совсѣмъ неожиданно, и что недалѣе, какъ завтра, не дойдя до гасіенды, мы попадемъ въ какую нибудь западню, изъ которой намъ не легко будетъ выбраться невредимыми.

— Такъ вотъ какія мысли пришли вамъ въ голову, Касторъ!—вскричалъ донъ Порфиріо въ волненіи.

— Да, сеньоръ, а теперь зовитс меня ясновидцемъ, смѣйтесь надо мной, сколько угодно, я не разсержусь.

— Сохрани меня Богъ смѣяться надъ вами, Касторъ, тѣмъ болѣе, что я самъ раздѣляю ваши мысли.

— Вы думаете то-же, сеньоръ?

— Я невѣрно выражаюсь; вы дѣйствительно одарены предвидѣніемъ, такъ какъ почувствовали, угадали тѣ опасности, которымъ мы дѣйствительно подвергаемся.

— Я васъ не понимаю, сеньоръ.

— Я сейчасъ объяснюсь; васъ не удивило, что я распорядился остаться здѣсь на ночь?

— Конечно, удивило, сеньоръ, тѣмъ болѣе, что еще сегодня утромъ вы говорили, что остановокъ нигдѣ не будетъ до самой гасіенды, мы прибудемъ къ десяти или одиннадцати часамъ вечера.

— Вы не догадываетесь, отчего я измѣнилъ мнѣніе?

— Право нѣтъ, сеньоръ, я даже не пробовалъ понять, отчего вы такъ поступаете. Развѣ вы не хозяинъ и не свободны дѣйствовать какъ находите нужнымъ безъ того, чтобы въ этомъ доискивались какой-либо причины?

— Меня принудило остановиться въ президіо письмо. Вотъ оно: прочтите его, и вы сознаетесь, что ваше предчувствіе не обмануло васъ.

— Сеньоръ!—сказалъ онъ, отталкивая бумагу, которую ему протягивалъ донъ Порфиріо.

— Прочтите это письмо, мой другъ. Я не хочу имѣть отъ васъ секретовъ. Прочитавъ его, вамъ станетъ все ясно, на разсказъ-же понадобится много времени.

— Разъ вы этого хотите, пусть будетъ по вашему, сеньоръ.

И охотникъ быстро пробѣжалъ записку.

— Какія ужасныя новости,—сказалъ онъ, возвращая ее обратно.

— Вы видите, вы почти угадали ихъ!

— Правда!

— Что-же намъ дѣлать!

— Принять предосторожность, чортъ побери.

— Но какимъ образомъ?

Въ это мгновеніе послышался выстрѣлъ, совсѣмъ вблизи.

— Къ оружію, ребята! — закричалъ Касторъ, вскочивъ однимъ прыжкомъ, съ ружьемъ въ рукѣ.

Въ одну минуту весь лагерь былъ на ногахъ, каждый занялъ свой постъ, готовый къ сраженію.

Касторъ собирался послать двухъ-трехъ охотниковъ на развѣдку, узнать причину тревоги, какъ послышался стукъ лошади, скачущей галопомъ и приближающійся съ неимовѣрною быстротою; и въ то-же время раздался голосъ среди молчанія:

— Holá, не стрѣляйте, я вашъ другъ, Пепе Ортисъ, везу новости.

Это былъ дѣйствительно голосъ честнаго малаго, который всѣ узнали.

Касторъ повернулся къ дону Порфиріо, и, нагнувшись къ его уху тихо проговорилъ:

— Мнѣ кажется, вотъ кто намъ дастъ добрый совѣтъ.

— Дай Богъ! — проговорилъ донъ Порфиріо такъ-же тихо,—онъ подоспѣлъ какъ нельзя болѣе кстати.

Вскорѣ увидѣли молодого человѣка, несущагося во весь духъ; ему въ одну секунду освободили проходъ къ укрѣпленіямъ.

— Благодарю, кабаллеровъ,—весело проговорилъ онъ,—немного мѣста еще! пожалуйста!

Схвативши какую-то безформенную массу, висѣвшую поперекъ шеи его лошади, онъ сбросилъ ее на землю, гдѣ она подпрыгнула, издавши глухой шумъ.

— Valga me Dios!—вскричалъ донъ Порфиріо, отодвигаясь въ ужасѣ,—что это? никакъ трупъ?

— Да, трупъ шпіона. Онъ изволилъ выстрѣлить въ проходѣ, я съ нимъ поигралъ въ прятки около часа, но, какъ видите, мнѣ удалось прочистить дорогу; я привезъ его, чтобы какъ-нибудь узнать, откуда онъ взялся; можетъ быть, его кто-нибудь и узнаетъ.

И онъ спокойно соскочилъ на землю.

V. Какимъ образомъ охотники перешли Марфильское ущелье.

На площади началась невообразимая суматоха. Стрѣлки, охотники, женщины, дѣти, старики—всѣ въ одинъ мигъ столпились около трупа, лежащаго на землѣ при входѣ въ бивуакъ, гдѣ Пепе Ортисъ сбросилъ его, не стѣсняясь.

Каждый проталкивался впередъ, чтобы получше разглядѣть и поразспросить; всѣ ругались, и кричали, словомъ гвалтъ стоялъ несмолкаемый.

Донъ Порфиріо, отчаявшись быть услышаннымъ въ этой любопытной толпѣ, столь жадной до зрѣлища, сдѣлалъ знакъ капитану Діего Леону.

Тогда послѣдній далъ нѣсколько приказаній своимъ солдатамъ, которые тотчасъ же взялись за оружіе и, образовавши ряды съ помощью охотниковъ, принялись медленно расталкивать народъ, подгоняя непослушныхъ древкомъ своихъ копій; въ десять минутъ вся площадь очистилась.

Жители, усталые, помятые и даже пораненные, принуждены были разойтись по домамъ, гдѣ они и заперлись для спокойствія.

Около трупа образовался изъ стрѣлковъ и охотниковъ непроницаемый кругъ.

— Факеловъ!—приказалъ донъ Порфиріо.

Появился Муносъ съ двумя пеонами. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ зажженный факелъ.

— Наконецъ-то,—сказалъ Пепе Ортисъ,—мы при свѣтѣ разглядимъ, кто этотъ негодяй!

— А главное узнаемъ, кто его послалъ слѣдить за нами, это еще важнѣе!—сказалъ капитанъ.

— Этотъ человѣкъ переодѣтъ!—произнесъ Касторъ, покачивая головой.

— Переодѣтъ!—вскричалъ донъ Порфиріо, дѣлая два—три шага впередъ.

— Да, ваша милость!—отвѣтилъ охотникъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— О! оно сразу видно; стоитъ только взглянуть. Посмотрите: его волосы и борода надушены; руки тонкія, бѣлыя, видно сейчасъ, что о нихъ заботятся. Это—кабаллеро.

— Но лохмотья, которыми онъ покрытъ?

— Онѣ еще болѣе подтверждаютъ, ваша милость, что этотъ кабаллеро нарочно переодѣлся въ бродягу, чтобы шпіонить за нами на свободѣ.

— Возможно!

— Да оно такъ и есть.

— Не знаетъ ли кто нибудь изъ васъ этого несчастнаго?—обратился донъ Порфиріо къ окружающимъ.

Послѣдовало всеобщее отрицаніе.

— Однако, было бы весьма важно узнать, кто онъ?

Тогда Муносъ подошелъ къ трупу и, наклонившись надъ нимъ, сказалъ:

— Погодите, я знаю его.

— Вы, Муносъ?!—удивился донъ Порфиріо.

— Да, ваша милость; только я не могу понять, какимъ образомъ такой богачъ согласился надѣть на себя эти отвратительныя лохмотья. Вѣроятно какая нибудь важная причина заставила его такъ поступить, но, который всегда

такъ заботился о своей особѣ!—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Такъ вы знаете этого человѣка?—переспросилъ донъ Порфиріо.

— Еще бы, ваша милость, этотъ человѣкъ, при своей жизни, не разъ помогалъ мнѣ заработывать крупныя суммы. Надо отдать ему справедливость, онъ не былъ скупъ.

— Значитъ, вы знаете его имя?

— Какъ же не знать, ваша милость. Его зовутъ или вѣрнѣе, его звали, такъ какъ теперь для него все кончено, донъ Лопе Карденасъ.

— Какъ! донъ Лопе Карденасъ!—вскричалъ донъ Діего Леонъ, вы ошибаетесь, хозяинъ, я его прекрасно знаю: онъ капитамъ моего полка.

— Извините, сеньоръ капитанъ, вы должно быть хотите сказать о донъ Пальдомеро, его братѣ, который дѣйствительно въ вашемъ полку?

— Да, вы правы. Развѣ этотъ донъ Лопе былъ его родственникъ?

— Это его младшій братъ, капитанъ, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ помѣщиковъ штата, хотя говорятъ, онъ обладаетъ всего только одной гасіендой дель Пало Муерто, которая не приноситъ никакого дохода. Однако, это не мѣшало ему прекрасно одѣваться и имѣть карманы, всегда полные золотомъ. Но что это ему взбрело въ голову нарядиться такъ?

— Хмъ!—произносъ донъ Порфиріо, — вотъ это намъ и надо узнать какъ можно скорѣе.

— Это ужъ предоставьте мнѣ, сеньоръ; мы теперь знаемъ, гдѣ намъ готовятъ ловушку!—отвѣтилъ Касторъ. — Убитый шпіонъ доказываетъ, что насъ подстерегаютъ совсѣмъ близко; но появленіе Пепе Ортиса, которому вполнѣ довѣряетъ донъ Торрибіо де-Ніебласъ, убѣждаетъ насъ, что у насъ есть друзья, готовые поддержать насъ; наши дѣла еще не такъ плохи, какъ кажется.

— И я такъ же думаю.

— Что жъ мы теперь сдѣлаемъ съ этимъ трупомъ? Нельзя же оставлять его здѣсь; если позволите, я его повѣшу на деревѣ: пусть онъ будетъ пугаломъ для другихъ птицъ его полета, которыя пожелаютъ послѣдовать его примѣру.

— Какъ хотите; но предварительно обыщите его хорошенько; можетъ быть, у него найдутъ какія-нибудь важные документы.

По знаку Кастора трупъ тщательно обшарили; но ничего не нашли, кромѣ туго набитаго кошелька и нѣсколькихъ драгоцѣнностей, которые солдаты и охотники подѣлили между собою. Затѣмъ трупъ унесли и повѣсили на большомъ деревѣ, у входа въ президіо; послѣ чего всѣ разошлись по мѣстамъ на покой.

Донъ Порфиріо пригласилъ Пепе Ортиса послѣдовать за нимъ и они оба помѣстились у огня бивуака. Касторъ удалился. Видно было, что онъ направился къ охотникамъ, что-то сказалъ троимъ изъ нихъ, послѣ чего они взяли свое оружіе, укрылись плащами и незамѣтно вышли изъ лагеря.

Касторъ возвратился и сѣлъ напротивъ дона Порфиріо и Пепе Ортиса.

— Вотъ что я сдѣлалъ,—сказалъ онъ;—я послалъ на развѣдку за бандитами самыхъ хитрыхъ сыщиковъ саванны. Черезъ три, четыре часа они придутъ обратно,—и мы узнаемъ, нѣтъ ли еще шпіоновъ, подкарауливающихъ насъ, а также уяснимъ себѣ планъ непріятеля.

— Вамъ пришла прекрасная идея, Касторъ; но потомъ, что намъ предпринять?

— Я и самъ еще не знаю; надо сначала выслушать донесеніе нашихъ посланцевъ; тогда мы примемъ свои мѣры.

— Вы увѣрены въ ловкости этихъ людей?

— Я вамъ отвѣчаю за нихъ. Вы себѣ представить не можете, на что только они способны: они, на моихъ глазахъ, продѣлали такіе фокусы въ этомъ родѣ, которые кажутся

невѣроятными. Не безпокойтесь, дѣло — въ надежныхъ рукахъ!

— Слушайте, Касторъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ пустыни, такъ какъ очень долго жилъ въ городахъ; я всецѣло полагаюсь на васъ, вы поможете намъ спастись. Къ тому же, и донъ Торрибіо вѣритъ въ вашу ловкость. Поступайте по вашему усмотрѣнію; я ни въ чемъ не стану вамъ прекословить; однимъ словомъ, я вамъ даю carte blanche.

— Я думаю, что вы правы, предоставляя мнѣ эту свободу, сеньоръ, такъ будетъ лучше. Принимаю на себя эту отвѣтственность, хотя она и не легка. Постараюсь все устроить какъ могу.

— Теперь мы немного успокоились, рѣшивши пока неотложныя дѣла, займется же Пепе Ортисомъ, который часъ тому назадъ такъ странно свалился къ намъ, точно съ неба.

— Даю вамъ слово, ваша милость, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, смѣясь,—я самъ не знаю, откуда я свалился; но мнѣ извѣстно, что вотъ уже девять дней, какъ я ищу васъ. Я уже началъ отчаяваться.

— Девять дней!

— Если не больше.

-- Но ради чего вы такъ искали меня?

— Чтобы передать вамъ письмо отъ моего господина.

— Развѣ донъ Торрибіо не въ гасіендѣ дель Охо-де-Агуа?

— Нѣтъ, ваша милость!

— Отчего же онъ уѣхалъ оттуда! —

— Онъ не могъ уѣхать изъ нея, ваша милость, по той простой причинѣ, что никогда и не въѣзжалъ въ нее. Не всегда удается сдѣлать то, что намъ хочется. Вамъ это извѣстно лучше, чѣмъ кому либо, такъ какъ вы сами принуждены были поѣхать въ Мексику, вмѣсто Охо-де-Агуа, затѣмъ, возвратившись черезъ три недѣли, вамъ пришлось побывать въ Уресѣ и еще въ другихъ городахъ Соноры.

— Э! э! Пепе Ортисъ, какъ видно, вамъ хорошо извѣстны мои дѣйствія!—сказалъ донъ Порфиріо, развеселившись.

— О! да я много еще знаю; но думаю, прежде всего мнѣ нужно передать вамъ это письмо.

Говоря такимъ образомъ, онъ вытащилъ изъ кармана запечатанную бумагу и протянулъ ее дону Порфиріо.

— Еще письмо!—вскричалъ Касторъ, на насъ сегодня просто сыпятся письма.

— Я не знаю, получали ли вы другія письма, но увѣренъ, что то, которое я вамъ вручаю, самое важное изо всѣхъ!

— О! о! что вы говорите?

— Я хочу сказать, что, пока сеньоръ донъ Порфиріо дѣятельно работалъ, мы, съ своей стороны, тоже не сидѣли сложа руки.

Донъ Порфиріо вскрылъ письмо и въ одинъ мигъ прочелъ его.

— А!—радостно вскричалъ онъ,—если все, что гласитъ это посланіе, правда, то вы, Пепе Ортисъ, дѣйствительно нашъ добрый вѣстникъ.

— Все истинная правда, ваша милость!

— Итакъ вамъ удалось пробраться въ гасіенду?

— Да, ваша милость; это таинственное жилище для насъ не имѣетъ секретовъ. Теперь мы его изучили лучше, чѣмъ его собственные обитатели.

— Слава Богу! благодаря вамъ, наше дѣло почти выиграно, и я не нарушилъ данной клятвы!

— Мы даже присутствовали съ моимъ хозяиномъ на тайномъ свиданіи главныхъ вождей Платеадоса и услышали много интереснаго для васъ.

— Донъ Торрибіо упоминаетъ мнѣ объ этомъ, но ссылается на васъ, такъ какъ описаніе подробностей отняло бы у него слишкомъ много времени.

— Я готовъ, ваша милость, сообщить вамъ все, что хотите.

— Наконецъ-то! Меня очень интересуетъ узнать, какимъ

образомъ вы открыли тайну, недосягаемую столько времени для всѣхъ, пытавшихся разъяснить ее.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваша милость.

— Говорите, мы слушаемъ!

Пепе Ортисъ разсказалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію ихъ невѣроятнаго похожденія, начиная съ того момента, когда они съ дономъ Торрибіо пустились по слѣдамъ Платеадосовъ, и кончая тѣмъ, какъ онъ, Пепе Ортисъ, вышелъ изъ гасіенды съ порученіемъ своего господина; разсказъ его слушался съ жадностью; нѣсколько разъ его прерывали восклицаніями удивленія и восторга; уже прошло нѣсколько минутъ, какъ молодой человѣкъ замолчалъ; но его слушатели, точно замерли.

— Это чудесно! — проговорилъ, наконецъ, донъ Порфиріо.

— Трудно даже повѣрить всему этому! — сказалъ Касторъ,— мы, всѣ другіе лѣсные охотники, кажемся несвѣдущими дѣтьми передъ результатами такой могущественной чудной науки! Какая сила зрѣнія. Сколько проницательности! у меня не хватаетъ словъ, чтобы выразить весь мой восторгъ. А мы еще воображали, что знаемъ въ совершенствѣ свое ремесло. Оказывается теперь, что мы ничто передъ искателями слѣдовъ буэносъ-айресскихъ пампасовъ; мы даже недостойны завязать ремень ихъ обуви; да, самые ловкіе и хитрые краснокожіе ничего не стоютъ передъ ними.

— А если только намъ завтра удастся разстроить планъ враговъ, то они будутъ въ нашихъ рукахъ; все для нихъ будетъ потеряно.

— Удастся, сеньоръ Порфиріо! — сказалъ охотникъ, — Богъ за насъ!

— Еще передъ нами нѣсколько часовъ! — сказалъ Пепе Ортисъ—если вы разрѣшите, я отдохну! такъ какъ совсѣмъ изнемогаю отъ усталости.

— И я тоже,—сказалъ донъ Порфиріо; теперь я немного успокоился, и чувствую, какъ меня клонитъ ко сну.

— Отчего-бы вамъ не пойти въ гостинницу, сеньоръ, вамъ тамъ будетъ удобнѣе, чѣмъ на голой землѣ!

— Ба!—весело проговорилъ онъ, теперь ночь теплая, а мнѣ приходилось спать на открытомъ воздухѣ въ ужасную погоду, и все сходило благополучно. Если-же случится что-либо, вамъ, по крайней мѣрѣ, не придется искать меня, разъ я буду съ вами. Спокойной ночи, Касторъ!

— Какъ знаете. Спокойной ночи, сеньоръ.

Пепе Ортисъ уже спалъ. Черезъ пять минутъ и донъ Порфиріо послѣдовалъ его примѣру.

Охотникъ зажегъ трубку и остался одинъ бодрствовать.

Сыщики возвратились въ бивуакъ около четырехъ часовъ утра, одинъ послѣ другого. Сдѣлавъ свое донесеніе Кастору, который выслушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, они расположились ко сну и тотчасъ-же заснули.

Первымъ долгомъ охотникъ хотѣлъ разбудить дона Порфиріо, но раздумалъ.

— Нѣтъ, — пробормалъ онъ, нечего спѣшить, пусть его поспитъ!

Онъ всталъ, разбудилъ другихъ двухъ охотниковъ и далъ имъ свои инструкціи въ нѣсколькихъ словахъ; затѣмъ, пробравшись незамѣтно за лагерь и удостовѣрившись, что караульные стояли на своихъ мѣстахъ, Касторъ подошелъ опять къ огню. Но на этотъ разъ онъ и самъ растянулся на землѣ, закрылся плащемъ и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Ночь прошла благополучно.

Съ восходомъ солнца, стрѣлки и охотники были уже на ногахъ.

— Когда мы трогаемся, сеньоръ? спросилъ Касторъ у дона Порфиріо, еще не совсѣмъ очнувшагося отъ сна и зѣвавшаго во весь ротъ.

— Послѣ утренней молитвы, значитъ—въ девять часовъ, отвѣтилъ онъ.—Что новаго?

— Много чего.

— Хорошаго или дурного?

— И того и другого; но хорошаго больше.

— Значитъ, мы можемъ быть спокойны?

— Почти что, сеньоръ я еще жду двухъ охотниковъ, которые сейчасъ вернутся; не заботьтесь ни о чемъ, предоставьте это мнѣ.

— Ну, поступайте, какъ найдете нужнымъ.

— Я первымъ долгомъ заставлю нашихъ людей позавтракать.

— И прекрасно; если имъ придется драться, они, по крайней мѣрѣ, будутъ съ полнымъ желудкомъ; нѣтъ ничего хуже вступать въ бой на-тощакъ.

Послѣ этого разговора они разстались.

Донъ Порфиріо отправился къ женѣ и дочери; онъ нашелъ ихъ отдохнувшими и веселыми. Когда онѣ узнали, что караванъ двинется въ путь только въ девять часовъ, то пожелали присутствовать на общей молитвѣ, чтобы поблагодарить Бога за благополучное путешествіе и за все явное попеченіе о нихъ во время опаснаго перехода черезъ мѣста, наполненныя всякаго рода непріятелями.

Давно уже въ церкви Тубака не было такого стеченія вѣрующихъ; къ восьми-часовой обѣднѣ, нарочно заказанной дономъ Порфиріо, набралось столько народу, что многимъ не хватило мѣста внутри церкви.

Всѣ охотники, безъ исключенія, люди отъ природы глубоко-религіозные въ силу ихъ жизни, близкой къ природѣ, величіе которой постоянно утверждаетъ ихъ въ вѣрѣ въ могущество Создателя, сочли своимъ долгомъ присутствовать на обѣднѣ, которую слушали съ полнымъ благоговѣніемъ.

Въ началѣ десятаго часа, мулы были нагружены, лошади осѣдланы. Дамы сѣли на своихъ иноходцевъ, затѣмъ, по данному сигналу, всѣ тронулись въ путь, сопутствуемые добрыми пожеланіями жителей президіо.

Черезъ часъ Касторъ вскрикнулъ. Тотчасъ-же всѣ ряды раздѣлились и караванъ выстроился по военному, со стрѣлками во главѣ.

Рѣшено было слѣдующее:

Четыре всадника выступали впередъ, приблизительно на пятьсотъ шаговъ, съ копьями у праваго бедра. Потомъ шли стрѣлки, также съ копьями. Въ ста шагахъ отъ нихъ слѣдовалъ еще отрядъ стрѣлковъ, подъ командой капитана дона Діего Леона.

Затѣмъ уже выступалъ самый караванъ, состоящій изъ ста двадцати храбрыхъ охотниковъ, окружающихъ двухъ дамъ.

Шествіе заключалось двумя вьючными мулами и двумя осѣдланными лошадьми, но безъ сѣдоковъ, и наконецъ, арьергардомъ изъ сорока охотниковъ.

Двое изъ нихъ, самые ловкіе, освѣщали путь передъ авангардомъ, предводительствуемымъ Касторомъ.

Донъ Порфиріо Сандосъ принялъ команду надъ главнымъ корпусомъ; Пепе Ортисъ былъ около него.

Караванъ подвигался легкой рысью; въ рядахъ царило молчаніе, у всѣхъ лица были сосредоточенныя, въ ожиданіи важныхъ событій, только дамы оставались веселыми и спокойными; донъ Порфиріо позаботился поддержать въ нихъ полное невѣдѣніе относительно того, что должно было произойти.

Бѣлыя стѣны домовъ Тубаки уже давно исчезли на дальнемъ горизонтѣ. Охотники перешли вбродъ довольно широкую рѣку, называемую Вермейо; передъ ними виднѣлись высокія горы, покрытыя лѣсомъ, на площади которыхъ возвышалась гасіенда дель Охо-де-Агуа; нѣсколько впереди открывалась громадное ущелье между двумя горами, образовавшееся, вѣроятно, послѣ потопа; съ двухъ сторонъ его торчали гранитныя глыбы, окаймленныя бѣлымъ алебастромъ, переливающимся при солнцѣ всевозможными цвѣтами, точно алмазы.

Эта трещина, длинная и извилистая, подымаясь постепенно съ первыхъ уступовъ горы, служила единственной дорогой, ведущей въ гасіенду. Индѣйцы прозвали ее, на своемъ поэтическомъ нарѣчіи, Оврагомъ изъ слоновой кости.

Караванъ вступилъ въ равнину, покрытую высокими травами; оставалось еще пройти небольшой, но густой лѣсокъ;

подъ покровомъ котораго авангардъ уже скрылся. Вдругъ раздался въ воздухѣ крикъ ястреба, точно человѣческій вопль, и повторился три раза на всевозможные лады.

Авангардъ тотчасъ-же остановился, а остальной отрядъ ускорилъ шагъ, чтобы догнать его; вскорѣ всѣ соединились.

По знаку Кастора всадники сошли на землю; муловъ и лошадей сгруппировали и привязали къ кольямъ; донъ Порфиріо съ двадцатью всадниками сплотились на лошадяхъ вокругъ дамъ, которыя ничего не понимали и начинали тревожиться, сами не зная почему.

Касторъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ дономъ Порфиріо, проскользнулъ въ кусты съ пѣшими охотниками, и вскорѣ они исчезли изъ виду.

— Господи! проговорила донна Инкарнація, — что это? ужъ не въ западню-ли мы попали?

— Я самъ боюсь этого, — отвѣтилъ неопредѣленно донъ Порфиріо. — Кастору показалось что-то подозрительное, и мы рѣшили, прежде чѣмъ двинуться впередъ, произвести рекогносцировку.

— Это болѣе, чѣмъ съ двумя стами человѣкъ! — воскликнула донна Хезусъ съ ироніей, — дорогой папа, вы что-то скрываете отъ насъ. Лучше сказать намъ правду, чѣмъ оставлять насъ въ такой мучительной неизвѣстности!

— Къ тому-же, — прибавила донна Инкарнація, — если вы ничего не объясните намъ, мы можемъ растеряться въ критическую минуту.

— Не мучьте же насъ съ мамой, — ласково сказала донна Хезусъ; — мы готовы на все, живя столько времени на индѣйской границѣ. Вы сами знаете, что мы не разъ присутствовали при битвахъ; залпъ выстрѣловъ не испугаетъ насъ! Говорите же, умоляю васъ!

Донъ Порфиріо подумалъ нѣсколько минутъ, затѣмъ рѣшился.

— Пожалуй, вы правы, — сказалъ онъ съ улыбкой — лучше ужъ все сказать вамъ; да и опасность, быть можетъ еще не такъ велика, какъ вы воображаете.

И онъ объяснилъ обѣимъ дамамъ въ нѣсколькихъ словахъ положеніе дѣла, закончивъ свой разсказъ слѣдующими словами:

— Когда раздастся крикъ ястреба, мы устремимся прямо въ ущелье, которое проѣдемъ однимъ духомъ навѣрное благополучно, такъ какъ наши стрѣлки, соединившись съ охотниками Твердой-Руки, очистили западню отъ бандитовъ; и такъ, будемъ ждать сигнала.

— Давно бы такъ, папа!—весело проговорила донна Хезусъ;—теперь, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ что, намъ угрожаетъ и какъ мы можемъ спастись.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, солдаты и охотники расползлись какъ змѣи въ кустарники. Потомъ вдругъ, послѣ рѣзкаго свистка Кастора, они, раздѣлившись на двѣ группы, бросились въ разныя стороны, къ обрывамъ горы, которую храбро стали брать приступомъ.

Когда они поднялись на значительную высоту, то всѣ соединились, стараясь прятаться за выступами земли и, приготовясь стрѣлять, замерли на одномъ мѣстѣ, выжидая момента.

Всѣ эти движенія были исполнены стрѣлками и охотниками съ такою ловкостью, что бандиты, не взирая на свою опытность, не замѣтили приближенія своего страшнаго непріятеля.

Не подозрѣвая, что ихъ засада была обнаружена, они устремили свои взгляды на внутренность ущелья, черезъ которое обязательно долженъ былъ пройти караванъ: они никакъ не ожидали нападенія сзади.

Бандиты, которыхъ было болѣе двухъ сотъ человѣкъ, запрятались по семидесяти съ каждой стороны ущелья, среди скалъ и кустовъ; остальные же восемьдесятъ человѣкъ собрались на верхнемъ выступѣ съ цѣлью отрѣзать путь въ проходъ.

Караванъ вступилъ въ ущелье; сорокъ авантюристовъ, оставивъ свои посты, должны были спуститься и загородить

дорогу охотникамъ, которые попались бы, какъ въ мышеловку.

Этотъ незамысловатый планъ непремѣнно удался бы, еслибы Твердая-Рука не предупредилъ во время дона Порфиріо, который успѣлъ принять необходимыя мѣры, чтобы во время избѣжать западни.

Пока донъ Порфиріо разговаривалъ со своими дамами, вотъ что продѣлали солдаты, находящіеся въ арьергардѣ:

Отведя лошадей стрѣлковъ и охотниковъ къ окраинѣ лѣса, они прикрѣпили поводья къ сѣдламъ; потомъ наломавъ массу колючихъ вѣтвей, привязали нѣсколько пучковъ къ стременамъ и оставили ихъ болтаться; остальные же пучки помѣстили подъ хвостомъ каждой лошади; затѣмъ стали выжидать.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся крикъ опоссума (виргинской двуутробки); въ тоже мгновеніе съ горы раздались выстрѣлы, повторяемые эхомъ пустыни; шумъ сдѣлался несмолкаемымъ.

Схватка началась.

Дамы въ страхѣ пододвинулись къ дону Порфиріо.

— Мужайтесь!—сказалъ онъ имъ, и поднявъ хлыстъ, добавилъ: „трогайтесь“!

Повинуясь этому приказанію, солдаты изо всѣхъ силъ хлестнули лошадей, которыя, внѣ себя отъ боли, ринулись впередъ, въ ущелье съ головокружительной быстротой; они остервенѣли отъ колючекъ, ранящихъ ихъ въ бока и крупъ.

Въ горѣ произошло настоящее сраженіе: бандиты, вмѣсто того, чтобы напасть, какъ они разсчитывали, сами были застигнуты врасплохъ и думали только о томъ, какъ бы спастись. Вдругъ лошади, доведенныя до пароксизма бѣшенства, прилетѣли какъ ураганъ на вершину ущелья и бросились на бандитовъ, опрокидывая и давя копытами все, что попадалось имъ на пути.

Произошелъ невообразимый хаосъ; разсѣянными бандитами овладѣла паника, они стали бросаться съ горы. Тогда

съ обѣихъ сторонъ ущелья раздался залпъ выстрѣловъ, и какъ только лошади умчались, показались стрѣлки и охотники, и побивая непріятелей изъ за скалъ и кустовъ привели ихъ въ отчаянное положеніе.

— За нами теперь очередь!

Впередъ!—крикнулъ донъ Порфиріо.

Двадцат всадниковъ полетѣли какъ вихрь, увозя съ собой обѣихъ женщинъ, помертвѣвшихъ отъ страха.

Бандиты, выгнанные изъ засады, бѣжали въ безпорядкѣ по спускамъ горы, преслѣдуемые выстрѣлами своихъ неумолимыхъ враговъ, не дававшимъ имъ пощады.

Въ ту минуту, когда охотники дона Порфиріо вступили въ ущелье, ихъ внезапно остановила толпа растерявшихся бѣглецовъ, которые сами не знали, куда имъ дѣться.

Эти бѣглецы, видя, что они преградили солдатамъ путь, воспряли духомъ и стали пробовать пробить себѣ дорогу во чтобы то ни стало. Всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, напирая другъ на друга. Но охотники взяли верхъ, убивъ большую часть бандитовъ и затѣмъ опять устремились въ ущелье, не взирая на пули, свистѣвшія надъ ихъ головами.

Вдругъ послышался отчаянный крикъ донны Инкарнаціи.

— Дочь моя! гдѣ моя дочь?

Донъ Порфиріо, оглушенный шумомъ битвы и ослѣпленный дымомъ, въ ужасѣ повернулся на этотъ душу раздирающій крикъ, слова котораго онъ еще не разслышалъ: онъ подумалъ, что его жена ранена, взялъ ее на руки и безчувственную уложилъ на сѣдло, передъ собой, не замедляя хода.

Донна Хезусъ исчезла!....

VI. Одинъ изъ тысячи способовъ встрѣтиться неожиданно въ пустынѣ.

Оставимъ пока охотниковъ и, заглянувъ, что происходило нѣсколько часовъ тому назадъ до нашего разсказа, предста-

вимъ читателю новую личность, сына одного изъ старыхъ и преданныхъ друзей дона Порфиріо Сандоса, имя котораго уже не разъ упоминалось въ этой исторіи.

Дѣло было еще до восхода солнца; но сова своимъ зловѣщимъ крикомъ уже неоднократно возвѣщала наступленіе дня; небо начинало свѣтлѣть и на краю горизонта показывались сѣроватыя полосы, которыя соединялись однѣ съ другими, окрашиваясь всѣми цвѣтами радуги. Жизнь начинала просыпаться въ глубинѣ лѣсовъ и пустынь; въ зелени пробѣгалъ таинственный шелестъ; звѣри боязливо искали себѣ берлоги, точно сказочныя привидѣнія, медленно проходя сквозь кусты, вѣтви которыхъ трещали подъ ихъ напоромъ; однимъ словомъ, все возвѣщало пробужденіе еще сонной природы.

Съ вершинъ высокихъ горъ, освѣщенныхъ уже лучами еще невидимаго солнца, понемногу спускался свѣтъ въ долины и ущелья, изъ которыхъ подымался густой сѣрый туманъ, образуемый испареніями почвы, исчезающими при первыхъ лучахъ солнца; это не была уже ночь, хотя день еще не наступалъ.

Какъ разъ въ это время показался всадникъ, который намѣревался проѣхать мимо горы въ Тубакъ до наступленія зноя; онъ только что обогнулъ узкую тропинку и собрался спуститься въ равнину.

Этотъ всандникъ былъ верхомъ на прекрасномъ мустангѣ. чорномъ какъ смоль, безъ единаго пятнышка, кромѣ бѣлой звѣздочки по среди лба.

Достигнувъ ущелья, мустангъ закивалъ своей умной головою, навострилъ уши, началъ фыркать и оглядываться съ сильнымъ безпокойствомъ, точно человѣкъ.

— Успокойся, Негро,—сказалъ ему его хозяинъ мягкимъ и мелодичнымъ голосомъ, гладя его по шеѣ;—успокойся, за кустами ничего нѣтъ; я ихъ уже давно осмотрѣлъ, поѣдемъ-ка дальше!

Разговаривая такъ со своею лошадью, повидимому, совершенно спокойно, всадникъ бросалъ испытующіе взгляды изъ

за полуоткрытыхъ рѣсницъ, стараясь, чтобы отъ него не ускользало ни одно движеніе въ кустахъ, растущихъ по краямъ дороги; а подъ плащемъ, небрежно наброшенномъ на плечи, поглаживалъ свой пистолетъ.

Но въ дѣйствительности опасаться было нечего: стоило ли нападать на одинокаго путешественника? Кругомъ царила полная тишина.

Когда всадникъ въѣхалъ въ равнину, солнце уже показалось на горизонтѣ, испуская изъ себя золотистые и пурпурные лучи.

Наступилъ день. Птицы привѣтствовали его веселымъ концертомъ; жизнь пробуждалась; солнце придало грандіозной пустынѣ спокойствіе и величіе, составлявшіе рѣзкій контрастъ съ почти зловѣщимъ видомъ, принимаемымъ тою же пустынею ночью.

Сдѣлавши нѣсколько сотенъ метровъ въ равнинѣ, всадникъ вдругъ остановился и, выпрямившись на стременахъ, сталъ вглядываться въ высокую траву, закрывавшую его почти во весь ростъ вмѣстѣ съ лошадью.

— Я не ошибся,— пробормоталъ онъ,—они запрятались съ каждой стороны ущелья; это должно быть бандиты, подстерегающіе караванъ. Какъ тутъ быть совсѣмъ одному?

Онъ опустилъ голову на грудь и глубоко задумался, но тотчасъ же гордо поднялъ голову.

— Будь что будетъ! — проговорилъ онъ рѣшительно,— меня самъ Богъ привелъ сюда, это не даромъ; почему-нибудь пришла же мнѣ мысль свернуть направо и направиться къ ущелью, хотя это замедляетъ мой путь по меньшей мѣрѣ на пять часовъ?! Тутъ для меня что-то странное, роковое, вѣрно это предчувствіе! Во всякомъ случаѣ я буду свидѣтелемъ того, что тутъ произойдетъ; почемъ знать, можетъ быть мнѣ придется играть не маловажную роль въ этомъ дѣлѣ?! Двигайся, двигайся Негро,—добавилъ онъ своей лошади,—еще немного, и мы отдохнемъ!

Благородное животное, казалось, поняло эти слова, тихонько заржало и прибавило шагу.

Въ какихъ нибудь десять минутъ всадникъ въѣхалъ въ большой и густой лѣсъ, расположенный на два ружейныхъ выстрѣла, немного лѣвѣе ущелья, и вскорѣ остановился на узкой лужайкѣ, около громадной скалы, у подножія которой журчалъ ручей.

— Вотъ такъ мѣстечко для остановки, — сказалъ путешественникъ, привыкшій подобно всѣмъ одинокимъ людямъ, выражать вслухъ свои мысли, — отсюда я все увижу и услышу, оставаясь самъ спрятаннымъ.

Онъ сошелъ на землю и, не разсѣдлывая лошадь, снялъ только съ нея удила. Тутъ произошла очень трогательная сцена между всадникомъ и его мустангомъ: они ласкались и разговаривали между собою, точно два друга, понимающіе одинъ другого съ одного слова, жеста или взгляда.

Путешественникъ досталъ мѣшокъ съ маисомъ, затѣмъ, снявши съ себя плащъ, разложилъ его на землѣ и насыпалъ на него корму; лошадь слѣдила умнымъ взглядомъ за всѣми его движеніями.

— Позавтракай, Негро, — сказалъ ему хозяинъ, — затѣмъ пойдешь напиться воды; но не надо выходить изъ лужайки: о нашемъ присутствіи здѣсь никто не долженъ знать.

Лошадь тихо заржала и, положивъ свою тонкую голову на плечи хозяина, выжидала ласки. Онъ расцѣловалъ ея ноздри; тогда она выпрямилась, весело подпрыгнула на мѣстѣ и принялась за ѣду.

— Теперь моя очередь! — сказалъ путешественникъ.

Онъ сѣлъ на траву подлѣ ручья, положилъ оружіе совсѣмъ близко отъ себя, затѣмъ вынулъ фрукты, нѣсколько головокъ кукурузы, кусокъ жареной лани, овечьяго сыру, бутылку хересу и серебряные стаканчикъ и вилку.

Все это онъ разложилъ передъ собою и принялся за завтракъ съ хорошимъ аппетитомъ.

Воспользуемся этимъ моментомъ, чтобы изобразить его портретъ въ нѣсколькихъ чертахъ.

Это былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ, двадцати-

пяти лѣтъ; ростомъ ниже средняго, прекрасно сложенный, съ гибкимъ станомъ; крѣпкіе выдающіеся мускулы показывали его необыкновенную силу. Въ общемъ это было туловище древняго Антиноя съ его мужественной красотой, природной граціей и силой атлета. Но широкій лобъ, на которомъ горе не оставило еще ни одной морщины, спадали густыя кудри его каштановыхъ волосъ съ золотистымъ оттѣнкомъ, казавшихся при свѣтѣ бѣлокурыми; черныя густыя рѣсницы, точно бархатъ окаймляли его большіе синіе глаза, которые при волненіи дѣлались почти черными, и тогда взглядъ этого юноши, обыкновенно столь мягкій и мечтательный, принималъ магнетическую силу, испуская молніеносные лучи, которыхъ никто не могъ вынести; тонкій и прямой носъ его имѣлъ розовыя, подвижныя ноздри; его темные усы, кокетливо закрученные, темной линіей обрамляли верхнюю губу, наконецъ, ротъ довольно большой, съ великолѣпными зубами, губы ярко краснаго цвѣта, и маленькая бородка, скрывавшая часть красиваго подбородка, дополняли описаніе внѣшности нашего путешественника.

Однимъ словомъ, взглянувъ на лицо этого молодого человѣка, можно было подумать, что это портретъ Ванъ-Дика, вышедшій изъ рамки. Онъ былъ уменъ, остроуменъ, насмѣшливъ, безпеченъ и смѣлъ, подобно всѣмъ портретамъ этого геніальнаго артиста. Прибавимъ для полноты нашего описанія, что ноги и руки юноши были безукоризненны по своей формѣ и изяществу.

Костюмъ, носимый имъ, мы описывали уже не разъ; замѣтимъ только, что онъ былъ сшитъ изъ очень цѣнной матеріи, художественнаго покроя; носилъ онъ его съ граціозной небрежностью.

Чтобы дать понятіе о богатствѣ костюма юноши, довольно сказать, что одно кольцо, обхватывающее его шелковый галстухъ, и украшенное огромнымъ алмазомъ, было оцѣнено мексиканскими ювелирами въ шестьдесятъ тысячъ піастровъ; по одному этому можно судить о прочемъ.

Оружіе его состояло изъ двойного ружья, только что

изобрѣтеннаго, системы Лефоше, изъ четырехъ большихъ ментонскихъ пистолетовъ, длиннаго кинжала, который онъ носилъ въ правомъ сапогѣ, испанской рапиры, висѣвшей на его кушакѣ и наконецъ, лассо (аркана) заткнутаго за сѣдло.

Вооруженный такимъ образомъ, молодой человѣкъ не боялся ни людей, ни звѣрей и смѣло могъ-бы выдержать нападеніе многочисленнаго непріятеля.

Это былъ охотникъ-любитель, такъ какъ обладалъ громаднымъ состояніемъ и принадлежалъ къ одному изъ знатнѣйшихъ родовъ Мексики. Онъ слылъ во всемъ округѣ за самаго ловкаго, искуснаго и опаснаго охотника. Ему дали три различныхъ прозвища: краснокожіе звали его Чернымъ Орломъ, охотники называли—Кипящимъ Сердцемъ, мексиканцамъ-же онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Руиса де-Торрилласа Торре-Асула, или попросту дона Руиса; онъ былъ единственнымъ сыномъ дона Фабіана де-Торилласа Торре-Асула, друга Порфиріо Сандоса и, подобно послѣднему, принадлежалъ къ индѣйской расѣ.

Вотъ каковъ былъ этотъ молодой человѣкъ, который, обладая всѣмъ, чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ и занимать тамъ первое мѣсто, предпочиталъ, къ великому отчаянію своего отца, скитальческую жизнь, полную опасностей и мученій.

Позавтракавши наскоро, онъ налилъ себѣ бокалъ хересу, потомъ спряталъ оставшуюся провизію въ сундучокъ, который привязалъ за сѣдломъ, не позабывши при этомъ погладить Негро.

Затѣмъ донъ Руисъ опять сѣлъ, откусилъ кончикъ сигары, закурилъ ее и углубился въ мечты, слѣдя машинальнымъ взглядомъ за затѣйливыми фигурами, образуемыми синеватымъ дымомъ сигары.

Такъ прошло нѣсколько часовъ; въ пустынѣ по прежнему все было тихо.

Но къ десяти часамъ донъ Руисъ замѣтилъ, что Негро

насторожился, повернулъ голову къ равнинѣ и зашевелилъ ноздрями.

— Негро безпокоится, — сказалъ себѣ молодой человѣкъ, — онъ что-то слышитъ.

Онъ припалъ къ землѣ, приложимъ ухо и, послушавъ минуты три, вдругъ вскочилъ.

— Многочисленная кавалькада всадниковъ изъ Тубака собирается вступить въ ущелье, — проговорилъ онъ; — навѣрное ихъ подстерегаютъ бандиты. Что тутъ дѣлать? Предупредить ихъ? но этимъ не поможешь дѣлу, лучше переждать!

Молодой человѣкъ задумался; вдругъ его лицо озарилось улыбкой; онъ свистнулъ тихонько; лошадь его тотчасъ-же прибѣжала; онъ поцѣловавъ доброе животное въ ноздри, вскочилъ на сѣдло и сказалъ чуть-слышно:

— Тихо, Негро, прячься и поѣзжай?!

Лошадь граціозно повернулась на мѣстѣ, затѣмъ, пустившись галопомъ, почти исчезла въ густой зелени.

Вскорѣ донъ Руисъ остановился у высокаго дерева, забросилъ арканъ на одну изъ крѣпкихъ вѣтвей его и поднялся вверхъ: теперь онъ спокойно могъ обозрѣвать все, что происходило въ равнинѣ.

Замѣтивъ охотниковъ, онъ понялъ, что они открыли засаду непріятеля и старались разрушить его планы.

Если-бы донъ Руисъ узналъ предводителей каравана и увидѣлъ-бы, что тамъ были дамы, само собой разумѣется, поспѣшилъ-бы къ нимъ на помощь. Но разстояніе, отдѣлявшее его отъ нихъ, было слишкомъ велико, и онъ остался невидимымъ свидѣтелемъ сраженія, восторгаясь ловкостью охотниковъ, съумѣвшихъ разогнать спрятавшихся бандитовъ.

Когда донъ Порфиріо пустился вскачь со своимъ маленькимъ отрядомъ, донъ Руисъ вскрикнулъ отъ изумленія.

— Дамы! что это значитъ? Кто онѣ такія? Какъ онѣ здѣсь очутились? Куда онѣ направляются?

Онъ сталъ слѣдить за битвой съ большимъ волненіемъ

и видѣлъ, какъ бандиты у самаго ущелья въ безпорядкѣ бросились на охотниковъ.

Вдругъ молодой человѣкъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ, бѣгущихъ по равнинѣ и уносящихъ съ собою безчувственную женщину.

Хотя эти субъекты были стѣснены своею плѣнницей, но не смотря на это, убѣгали изо всѣхъ силъ, боясь погони.

Очевидно, ихъ намѣреніе было добраться до горы и укрыться въ одной изъ пещеръ ея.

Въ нѣсколько секундъ донъ Руисъ сообразилъ, въ чемъ тутъ дѣло, и сразу рѣшился: живо спустился онъ съ дерева, пробрался сквозь кусты къ границѣ лѣса и притаился въ ожиданіи.

Прошло нѣсколько минутъ, которыя показались донъ Руису цѣлою вѣчностью. Вдругъ послышался шумъ приближающихся шаговъ, затѣмъ показались бандиты.

Задыхаясь и изнемогая отъ усталости, они вступили въ лѣсъ и здѣсь почувствовавъ себя въ безопасности за густою листвою, остановились, положивъ свою все еще безчувственную плѣнницу на землю.

— Уфъ! — выговорилъ одинъ изъ нихъ, вздохнувъ съ облегченіемъ,—отдохнемъ немного: я больше не въ силахъ двигаться!

— И я изнемогаю отъ усталости! — отвѣтилъ ему товарищъ, опускаясь на землю у дерева.

— Хмъ!—произнесъ третій;—по моему, намъ отдыхать здѣсь невозможно, мы будемъ въ безопасности только въ горѣ.

— Ба! однако мало-же заботятся о насъ! — возразилъ первый.

— Пожалуй, онъ былъ-бы правъ, — сказалъ второй, — если-бы Матадіесу не пришла-бы глупая мысль обременить насъ этой женщиной!

— Эта самая жейщина спасетъ насъ, если мы не будемъ зѣвать! — отвѣтилъ третій, который и былъ самъ Матадіесъ.

— Не думаю. Какъ только замѣтятъ, что она исчезла, всѣ эти черти пустятся въ погоню за нами.

— Отъ насъ зависитъ укрыться заблаговременно!—сказалъ Матадіесъ.

— Вѣрно, но эта женщина мѣшаетъ намъ двигаться.

— Правда, она задерживаетъ насъ. Но у насъ еще есть время. Никто не знаетъ, какое мы взяли направленіе,—сказалъ Матадіесъ,— да и спорить безполезно; она въ нашихъ рукахъ, наша цѣль достигнута и успѣхъ обезпеченъ. Теперь исключительно отъ насъ зависитъ получить за нее обѣщанную награду въ десять тысячъ піастровъ, каждому изъ насъ по три тысячи слишкомъ; такую сумму не всегда найдешь у ногъ мула.

— Я это хорошо знаю; но заранѣе безпокоюсь.

— Почему это?

— Потому что говорятъ, что донъ Мануэль дѣлается скареднымъ и даже жестокимъ, когда ему приходится платить.

— Скареднымъ! онъ! да ты, братъ съ ума сошелъ!—отвѣтилъ Матадіосъ,—видно, что ты не имѣлъ съ нимъ дѣлъ! Это онъ-то, который почерпаетъ сколько угодно изъ сундуковъ Штата!—добавилъ онъ, смѣясь.

— Много же тамъ добра, въ этихъ сундукахъ!—сказалъ бандитъ съ презрѣніемъ.

— Дѣло не въ томъ! Довольно терять понапрасну золотое время, пора отправляться въ дорогу.

— Опять пѣшкомъ, съ женщиной, которая не можетъ сама идти? Что же намъ дѣлать?

— А то что слѣдовало давнымъ—давно,—отвѣтилъ Матадіесъ,—поймать на арканъ лошадей, ихъ много блуждаетъ въ этихъ краяхъ. Торопитесь же; а я пока постерегу женщину. Помните, десять тысячъ піастровъ!

— Подведешь ты насъ; не лучше-ли убить эту тварь, да и удрать по добру, по здорову?

— А кто докажетъ ея смерть?

— Мы снесемъ ея голову дону Мануэлю.

— Идея хороша,—сказалъ Матадiесъ нерѣшительно, — тѣмъ болѣе, что донъ Мануэль говорилъ, что ему нужно ее живую или мертвую.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Да, но убить женщину!

— Ты боленъ, кажется: тебѣ, вѣдь, не привыкать къ убiйству.

— Правда, но то были мужчины! И если я убивалъ ихъ, то сражаясь съ ними грудь съ грудью.

— Полно разсуждать, я берусь покончить съ нею, если хочешь!—проговорилъ бандитъ, отстегивая топоръ отъ своего кушака.

— Стойте, господа! Зачѣмъ такъ спѣшить, раздался вдругъ насмѣшливый голосъ,—и изъ-за кустовъ показался донъ Руисъ.

— Кипящее Сердце! — вскричали въ ужасѣ всѣ три бандита.

— Я самъ, сеньоры, — отвѣтилъ онъ; — вы не ожидали этой встрѣчи, не правда ли?

— Смерть ему!—закричали бандиты, хватаясь за оружiе.

— Бросьте оружiе и сдайтесь!—спокойно возразилъ молодой человѣкъ, взявшись за пистолетъ.

Бандиты переглянулись и вдругъ съ дикимъ ревомъ всѣ бросились на охотника.

— А! если такъ,—холодно проговорилъ онъ, — пеняйте же сами на себя!

Двумя выстрѣлами онъ сразу положилъ на мѣстѣ двухъ бандитовъ.

— Сдаюсь!—сказалъ Матадiесъ, бросая оружiе.

— Ладно! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, — дарю вамъ жизнь, Матадiесъ! Вы пожалѣли эту несчастную женщину, значитъ, въ васъ есть еще хорошiя чувства; я прощаю васъ.

— Благодарю! я не забуду, что моя жизнь была въ вашихъ рукахъ, Кипящее Сердце, и вы пощадили ее!

— Это ваше дѣло, Матадіесъ! берите свое оружіе и отправляйтесь, куда хотите, вы свободны!

— Хорошо, я ухожу, но мы еще увидимся!

— Не желайте этого!

— Почемъ знать? Можетъ быть вы обрадуетесь, увидѣвъ меня опять. Прощайте, Кипящее Сердце, — добавилъ бандитъ, подбирая свое оружіе, — что бы то ни было, я никогда не буду вашимъ врагомъ!

Поклонившись молодому человѣку, Матадіесъ исчезъ; долго еще раздавался шумъ отъ его быстрыхъ шаговъ черезъ кусты; потомъ все смолкло.

— Бѣдная женщина,—проговорилъ донъ Руисъ, — какъ бы помочь ей?

Онъ направился къ тому дереву, подъ которымъ лежала плѣнница.

Бандиты, овладѣвъ дѣвушкой, набросили ей на голову плащъ, чтобы помѣшать ей кричать, и, рискуя задушить ее, крѣпко затянули ее этимъ плащемъ.

Первымъ долгомъ охотникъ освободилъ плѣнницу отъ плаща и веревокъ.

Сердце его сжималось отъ жалости при видѣ незаслуженнаго страданія этого слабаго созданія; въ то же время ему интересно было узнать, кто эта женщина, похищенію которой бандиты придавали такое громадное значеніе.

Стоя передъ нею на колѣняхъ, онъ началъ развертывать ея голову. Вдругъ онъ вздрогнулъ и откинулся назадъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ и широко раскрывъ глаза: онъ увидѣлъ лицо молодой дѣвушки.

Она была бѣла какъ мраморъ, глаза закрыты, дыханія не слышно; она казалась мертвой.

— Хезусъ!—воскликнулъ охотникъ раздирающимъ душу голосомъ,—она! Это она, о, Господи!

Его горе и отчаяніе были столь сильны, что въ первыя минуты онъ точно окаменѣлъ, не будучи въ состояніи ду-

мать, и устремивъ безумный взглядъ на мраморное лицо дѣвушки.

Вдругъ изъ ея груди вырвался вздохъ, и изъ глазъ покатились двѣ крупныя слезы по загорѣлымъ щечкамъ: неукротимая энергія этого исключительнаго созданія взяла верхъ надъ страданіемъ.

— Неужели она умерла!—въ ужасѣ подумалъ охотникъ.— Онъ приложилъ лезвіе кинжала къ ея рту и черезъ минуту отдернулъ его въ сильномъ волненіи: сталь потускнѣла отъ дыханія.

— Она жива!—вскричалъ онъ внѣ себя отъ радости,— она жива! Я спасу ее!

Поднявъ донну Хезусъ на руки, онъ усадилъ ее подъ деревомъ и всталъ передъ нею на колѣни; наливъ немного хересу въ бокалъ, онъ лѣвою рукою наклонилъ голову бѣдняжки назадъ, и, поддерживая ее, влилъ ей въ ротъ вино. Прошла минута томительнаго ожиданія; слезы градомъ катились по лицу охотника; взоры его не отрывались отъ дорогого лица. Вдругъ по ея нѣжному и очаровательному тѣлу прошла нервная дрожь, на щекахъ появился легкій румянецъ. Она глубоко вздохнула и полуоткрыла глаза.

— Слава тебѣ, Господи!—воскликнулъ донъ Руисъ въ безумномъ восторгѣ,—она спасена!

Онъ опять придвинулъ бокалъ къ ея губамъ; на этотъ разъ она сама выпила вино.

— Мерси!—проговорила она едва слышнымъ голосомъ.

Затѣмъ она опять закрыла глаза, опустивъ свою прелестную головку на плечо молодого человѣка. Послышалось легкое, но правильное дыханіе изъ ея полуоткрытыхъ губъ; дѣвушка впала въ глубокій сонъ, который возстановляетъ потерянныя силы больного.

Охотникъ тихонько всталъ, стараясь не разбудить дѣвушку, приготовилъ ей постель изъ листьевъ, которые прикрылъ плащемъ, потомъ, осторожно, подобно опытной сидѣлкѣ, положилъ дѣвушку на это импровизированное ложе и закрылъ ее своимъ плащемъ. Не теряя ни минуты, онъ

съ помощью топоровъ, оставшихся послѣ бандитовъ, наломалъ длинныхъ вѣтвей, переплелъ ихъ одинъ съ другими и устроилъ изъ нихъ родъ палатки, которая вполнѣ укрывала и охраняла молодую дѣвушку.

— Теперь мнѣ спѣшить некуда, разъ Хезусъ здѣсь, — пробормоталъ онъ — но, какимъ образомъ она не у себя въ гасіендѣ дель Пальмаръ?—Что такое случилось? Отчего она очутилась въ пустынѣ?—Все это я узнаю.

Размышляя вслухъ самъ съ собою, онъ набралъ хворосту и зажегъ костеръ. Потомъ, подойдя къ краю лѣса, онъ сильно свистнулъ, а самъ послушавъ съ минуту, возвратился на прежнее мѣсто и сѣлъ у огня.

Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ послышался шумъ быстраго бѣга; кусты раздвинулись,—и на лужайкѣ запрыгалъ Негро.

Умное животное заржало, увидѣвъ своего хозяина, и начало тереться головой объ его плечо.

— Гдѣ ты пропадалъ, бѣглецъ этакій? — сказалъ ему ласково охотникъ, — будетъ бѣгать, скоро ты мнѣ понадобишься!

Молодой человѣкъ снялъ съ Негро свой сундучокъ, вынулъ оттуда котелокъ, наполнилъ водою, и положивъ туда разныхъ снадобій, поставилъ его на огонь; затѣмъ превратился въ настоящаго повара и приготовилъ очень вкусный обѣдъ.

Покончивъ со стряпней, онъ вымылъ руки и закурилъ папиросу.

Около трехъ часовъ пополудни изъ палатки послышался шумъ; донна Хезусъ проснулась съ улыбкой на устахъ. Но какая она была, эта улыбка!—грустно было смотрѣть на нее.

— Вы!—произнесла она съ упрекомъ, увидѣвши молодого человѣка, склонившагося у входа въ палатку.

— Я, сеньорита!—поспѣшилъ отвѣтить онъ, такъ какъ ему было понятно значеніе этого слова *вы*, произнесеннаго такимъ тономъ,—я, сеньорита, имѣлъ счастье вырвать васъ изъ рукъ негодяевъ, которые обманомъ завладѣли вашей особой!

Молодая дѣвушка колебалась; она была блѣдна и озабочена.

— Вы мнѣ не вѣрите? вы сомнѣваетесь во мнѣ? — сказалъ онъ съ грустью, — хотите, я вамъ представлю доказательства моей честности, сеньорита?

— Все, что произошло со мной и съ вами, до того странно, что мнѣ необходимо все выяснить!

— Это очень легко, сеньорита; стоитъ вамъ только выйти изъ палатки,—и вы увидите на землѣ трупы вашихъ похитителей, а сдѣлавши еще нѣсколько шаговъ, увидите Марфильское ущелье, отъ котораго вы находитесь не болѣе какъ на три или четыре ружейныхъ выстрѣла.

— Довольно, донъ Руисъ,—сказала она,—протягивая ему руку въ волненіи;—я была неправа, усумнившись въ васъ; у васъ благородное сердце, простите меня!

— О!—проговорилъ онъ, цѣлуя ея маленькую ручку,—уже за одно это я готовъ пожертвовать своею жизнью.

— Напротивъ, вы должны беречь ее,—отвѣтила она со своей обычной обворожительной улыбкой, — кто-же будетъ моимъ защитникомъ, когда васъ не станетъ? А теперь уйдите на минуту, донъ Руисъ, — добавила она, перемѣнивъ тонъ,—я сейчасъ приду къ вамъ.

Молодой человѣкъ поклонился и тотчасъ же удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ, приведя въ порядокъ свой костюмъ, она съ веселой улыбкой приблизилась къ охотнику.

— Что это вы тамъ дѣлаете?—спросила она.

— Какъ видите, сеньорита, накрываю столъ.

— Ну, неужели мы будемъ ѣсть?

— Какже! Вамъ это необходимо для подкрѣпленія силъ; а я то тоже хорошъ, не спросилъ даже у васъ, какъ вы себя чувствуете.

— Превосходно, донъ Руисъ, благодарю васъ. Но, какъ я страдала: я уже думала, что умираю, дышать мнѣ было нечѣмъ, я задыхалась; какая это была пытка!

— Не вспоминайте про эти ужасныя страданія, сеньорита;

когда я освободилъ васъ отъ плаща, вы были въ обморокѣ; вашего дыханія почти не было слышно; о! какъ я мучился! какъ я боялся, что явился слишкомъ поздно!

— Оставимъ это; теперь все прошло. Я спасена, благодаря вамъ, донъ Руисъ, и не забуду этого! — проговорила она съ оттѣнкомъ грусти.

— Увы! Я даже не зналъ, кого именно похитили бандиты; плащъ скрывалъ ваше лицо; я узналъ васъ только тогда, когда освободилъ васъ отъ него, и съ отчаянія чуть не сошелъ съ ума. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, болѣе чѣмъ въ ста миляхъ отъ вашей гасіенды!

— Но вы, донъ Руисъ, какими судьбами вы очутились такъ кстати на моей дорогѣ?

— Я вамъ ничего не буду объяснять, сеньорита, пока вы не закусите, хотя-бы немного.

— Хорошо, послушаюсь, чтобы не огорчить, васъ хотя и не чувствую никакого аппетита.

— Все-же попробуйте, сеньорита, сядьте вотъ тутъ, подлѣ меня, на плащъ. Вотъ чашка бульону, печеный въ пеплѣ картофель, фрукты и даже немножко холодной дичи и маису, затѣмъ хересъ, который такъ помогъ вамъ.

— Вы угощаете меня прекрасной закуской, донъ Руисъ,— сказала она, смѣясь;—видно, что вы человѣкъ предусмотрительный.

Молодая дѣвушка выпила чашку бульону, въ который обмакивала кукурузу, и съѣла еще сухарикъ.

— Теперь я исполнила ваше желаніе, сеньоръ! Объясняйте-же, какъ вы сюда попали!

— Самъ Богъ привелъ меня сюда, сеньорита, конечно, для того, чтобы спасти васъ; иначе я не могу объяснить, какимъ образомъ я очутился на вашемъ пути.

— Дѣйствительно, тутъ что-то странно, говорите-же скорѣй, меня такъ интересуетъ все сверхъестественное.

— Въ томъ, что произошло со мной, нѣтъ ничего таинсвеннаго; напротивъ, все очень просто.

— Посмотримъ!

— Я не стану напоминать вамъ, сеньорита, о нашемъ послѣднемъ разговорѣ въ соборѣ Гваделахары, по поводу того, что я обратился къ вамъ за разрѣшеніемъ просить вашей руки у вашего отца.

— Я напомню вамъ, что я тогда отвѣтила, сеньоръ!— поспѣшно прервала она;—вотъ мои слова: „теперь еще не время дѣлать предложеніе; вамъ могутъ отказать, и мы только испортимъ наши дѣла; удалитесь пока; когда придетъ удобный моментъ, я извѣщу васъ". Вѣрно я говорю, донъ Руисъ?

— Да, сеньорита, отъ слова до слова. Я исполнилъ ваше желаніе и въ тотъ-же день я выѣхалъ въ пустыню. Но съ тѣхъ поръ прошло три долгихъ мѣсяца, въ теченіе которыхъ я невыразимо страдалъ: разлука съ вами убивала меня. Наконецъ, я рѣшился увидѣть васъ, во что-бы то ни стало, хотя-бы на одну секунду. Съ этою цѣлью я отправился въ Пальмаръ, рискуя возбудить ваше неудовольствіе, и вотъ уже девять дней, какъ держался направленія къ вашему дому. Сегодня ночью, поровнявшись съ этой горой, на которой вы видите гасіенду дель-Охо, я думалъ о васъ и предоставилъ лошадь самой себѣ.

Молодая дѣвушка молча улыбалась.

— Ну?—произнесла она.

— И вдругъ я очутился на перекресткѣ двухъ дорогъ, правая сокращала мой путь на цѣлыя сутки, лѣвая-же замедляла его на нѣсколько часовъ. Я, конечно, хотѣлъ взять вправо, чтобы поскорѣй доѣхать до васъ, но моя лошадь, вы вѣдь знаете, какое это умное животное, заупрямилась и употребила всѣ силы, чтобы пойти по лѣвой дорожкѣ; въ то-же время какой-то внутренній голосъ, — вѣрно это было предчувствіе, — заставилъ меня повиноваться моему Негро. Я перестал̀ъ его сдерживать, и мы поѣхали по лѣвой тропинкѣ. Вскорѣ я замѣтилъ въ кустахъ запрятанныхъ людей и блескъ ихъ оружія; но они не тронули меня. Однако это обстоятельство начало меня безпокоить; я догадывался, что должна произойти битва, но не зналъ, съ кѣмъ. Результатъ сраженія, помимо моей воли, очень интересовалъ меня; а

потому, вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь, я въѣхалъ въ этотъ лѣсъ и остановился здѣсь. Остальное вамъ извѣстно, сенорита. И такъ, ваше любопытство должно быть удовлетворено. Теперь за вами очередь разсказать мнѣ обо всемъ, если вы не противъ этого.

— Нисколько, сеньоръ донъ Руисъ. Мой отецъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, возвратившись изъ своего путешествія въ Мексику, нашелъ, что намъ съ мамой не безопасно оставаться въ Пальмарѣ, велѣлъ наскоро собраться, и мы всѣ подъ многочисленной охраной, отправились въ Охо-де-Агуа, которую онъ пріобрѣлъ недавно; отецъ увѣряетъ, что эта гасіенда прекрасно укрѣплена, и мы въ ней можемъ быть совершенно спокойны.

— Какъ! вы отправлялись въ Охо-де-Агуа, когда...

— Но, да.

— Здѣсь виденъ перстъ Божій!

— Можетъ быть!—сказала она въ раздумьи.

— И вы не знаете мотивовъ?

— Рѣшительно ничего не знаю, только, судя по разговорамъ, которые мнѣ приходилось слышать, я поняла, что между отцемъ и дономъ Мануэлемъ де-Липаресъ существуетъ старинная вражда, которая въ настоящее время особенно обострилась; что мой отецъ, получивъ назначеніе губернатора Сонора, рѣшилъ наконецъ покончить со своимъ врагомъ; а чтобы дѣйствовать на свободѣ и оградить насъ отъ опасности, онъ и хотѣлъ переселить насъ съ матерью въ другое мѣсто..

— Все это, вѣроятно, и есть такъ, какъ вы говорите. Но странно, что съ нѣкотораго времени индѣйцы что-то волнуются; большой союзъ папагосовъ вооружаетъ всѣхъ своихъ воиновъ; скоро на границѣ разразится война; и почемъ знать, не играютъ-ли индѣйцы роль въ той ссорѣ, о которой вы говорите?

— Это было-бы ужасно, хотя весьма вѣроятно, что индѣйцы замѣшаны здѣсь.

Въ эту минуту въ кустахъ послышался легкій шумъ.

Донъ Руисъ, не перестававшій быть на сторожѣ, приложилъ палецъ ко рту, какъ-бы подавая знакъ къ молчанію, и сталъ прислушиваться.

Затѣмъ онъ всталъ, тихонько подошелъ къ Негро, снялъ арканъ, висѣвшій на его сѣдлѣ, и успокоивши жестомъ молодую дѣвушку, скрылся въ густой зелени, съ той стороны, откуда доносился шумъ. Донна Хезусъ, не успѣвшая еще оправиться отъ перваго испуга, задрожала отъ страха, устремивъ неподвижный взглядъ на кусты, за которыми скрылся молодой человѣкъ, и ожидая, что вотъ-вотъ кусты раскроются, и на нее набросится или дикій звѣрь, или, что еще хуже краснокожій индѣецъ, отвратительное лицо котораго наводило на нее ужасъ.

Но вдругъ ей послышалось, что кто-то борется, и тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ изъ-за кустовъ показался донъ Руисъ верхомъ на прекрасной лошади, въ полной упряжи.

Онъ соскочилъ на лужайку, привязалъ лошадь къ дереву и поспѣшилъ успокоить дѣвушку.

— Простите, сеньорита, что я совсѣмъ невольно причинилъ вамъ такую тревогу. Но я не могъ упустить благопріятнаго момента, посланнаго намъ самимъ Провидѣніемъ. Вы видите, мнѣ удалось завладѣть этою лошадью, она очень пригодится намъ для того долгаго пути, который предстоитъ намъ!

— Обо всемъ-то вы подумаете, донъ Руисъ,—ласково проговорила дѣвушка,—право, я даже не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ!

— О вашей благодарности ко мнѣ не можетъ быть рѣчи. сеньорита!

— Я вамъ обязана жизнью, донъ Руисъ; скоро-же буду обязана еще большимъ, — сказала она съ чувствомъ; — это счастьемъ быть возвращенной моимъ родителямъ! Они теперь оплакиваютъ меня, думая, что я во власти негодяевъ! О! когда я увижу этихъ безцѣнныхъ существъ, горюющихъ по мнѣ!

— Будьте спокойны, сеньорита! не болѣе какъ черезъ два часа вы будете съ ними.

— Значитъ, мы ѣдемъ?

— Сію минуту, сеньорита, если желаете,

— О! еще-бы, донъ Руисъ, для меня чѣмъ скорѣе увидѣть отца съ матерью, тѣмъ лучше!

Молодой человѣкъ вздохнулъ,—онъ былъ такъ счастливъ въ эти минуты, — но подавилъ свой эгоизмъ и сталъ собираться; черезъ пять минутъ все уже было готово. Приподнявъ донну Хезусъ, онъ помогъ ей сѣсть на пойманную лошадь, самъ-же вскочилъ на своего Негро, и вскорѣ они оба исчезли въ густомъ лѣсѣ.

— Я навсегда сохраню въ своемъ сердцѣ воспоминаніе объ этомъ днѣ, когда я была такъ счастлива и въ то-же время въ такомъ отчаяніи!—сказала молодая дѣвушка охотнику, обдавая его своимъ чарующимъ взглядомъ.

— Да благословитъ васъ Богъ за эти слова, сеньорита!— отвѣтилъ онъ, подавляя вздохъ.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ лѣсу въ равнину, донъ Руисъ опередилъ донну Хезусъ, чтобы удостовѣриться въ безопасности.

Черезъ минуту они оба остановились.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — группу всадниковъ около ущелья; но они очень далеко, не могу узнать ихъ.

— Вдругъ это индѣйцы или бандиты?—пробормотала она въ волненіи.

— Надѣюсь, ни тѣ, ни другіе, хотя положительнаго ничего не могу сказать.

— Господи, что-же дѣлать?

— Притаиться и ждать. Тогда мы узнаемъ, что это за люди и куда они направляются.

— Будемъ ждать, нечего дѣлать; увы! какъ я была счастлива!

— Мужайтесь, сеньорита, развѣ я не около васъ? Къ тому-же мы сейчасъ узнаемъ, друзья это, или враги.

— Помоги намъ Богъ!—проговорила она въ испугѣ.

— Можетъ быть, они ищутъ васъ; стойте смирно, не шевелитесь, я пойду разсмотрѣть ихъ, мнѣ кажется, что это друзья.

— Хотя-бы вы угадали, донъ Руисъ!

— Вамъ уже извѣстно, что мои предчувствія не обманываютъ меня!—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Но только не уходите далеко отъ меня, я тутъ одна умру со страху.

— Черезъ пять минутъ я вернусь, не бойтесь.

Молодой человѣкъ удалился, а донна Хезусъ замерла въ ожиданіи, считая минуты и секунды и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, раздававшемся изъ кустовъ.

VII. Нашла коса на камень.

Хотя донъ Торрибіо изнемогалъ отъ усталости и измучился отъ непрерывныхъ волненій, въ своихъ поискахъ, окончившихся столь блестящимъ успѣхомъ, сонъ его былъ лихорадочный, такъ что когда онъ проснулся около восьми часовъ утра, то почувствовалъ себя еще болѣе разбитымъ, чѣмъ наканунѣ.

Первымъ долгомъ онъ зашелъ въ сосѣднюю комнату; она была пуста. Лука Мендесъ всталъ на два часа раньше своего хозяина, но, уходя, оставилъ на столѣ листъ бумаги, на которой написалъ крупными буквами:

„Не выходите низачто до моего возвращенія“.

— Хорошо,—сказалъ молодой человѣкъ, прочтя бумагу и отбросивъ ее на столъ,—буду ждать!

Онъ оглядѣлъ комнату и, замѣтивъ на полкахъ книги взялъ одну изъ нихъ, раскрылъ ее и закурилъ папиросу.

Это былъ томъ Корнеля, конечно, на французскомъ языкѣ; но донъ Торрибіо владѣлъ имъ какъ Парижанинъ; къ тому же Корнель былъ однимъ изъ любимыхъ его поэтовъ.

Отыскавъ Сида, онъ углубился въ чтеніе стиховъ, хорошо извѣстныхъ ему, но тѣмъ не менѣе не утерявшихъ для него своей прелести, и не замѣтилъ какъ прошелъ цѣлый часъ; дверь раскрылась и вошелъ Лука Мендесъ!

Старикъ былъ мраченъ; онъ казался грустнымъ и чѣмъ-то разстроеннымъ; но когда его взглядъ упалъ на молодого человѣка, онъ улыбнулся и, почтительно поклонившись ему сказалъ:

— Вотъ и я, къ вашимъ услугамъ, ваша милость.

— Наконецъ-то, — отвѣтилъ донъ Торрибіо, закрывая книгу,—а я уже сталъ отчаяваться увидѣть васъ.

— Извините, что я такъ запоздалъ, ваша милость; но у меня сегодня утромъ было слишкомъ много дѣла, теперь же я свободенъ, вы можете располагать мною.

— Благодарю васъ! вы исполнили мое порученіе относительно донны Санты?

— Да, ваша милость: она ждетъ васъ.

— Vive Dios! и вы мнѣ ничего не говорите! Ведите же меня къ ней скорѣе, прошу васъ!

— Путь не далекъ, идите за мной.

Они вступили въ корридоръ, по которому шли минутъ десять, потомъ Лука Мендесъ остановился.

— Мы пришли!—сказалъ онъ.

— Такъ открывайте.

Старикъ положилъ уже руку на пружину, но вдругъ остановился.

— Что же вы? спросилъ нетерпѣливо молодой человѣкъ,—открывайте же, во имя всего святого!

— Молчите! — сказалъ Лука Мендесъ; донна Санта не одна; ей говорятъ, она отвѣчаетъ, ея опекунъ съ нею.

— Какая досада! опять ждать!—пробормоталъ донъ Торрибіо, топнувъ ногой.

— Не жалуйтесь понапрасну, можетъ быть вы услышите такія вещи, которыя вамъ знать необходимо.

— Какъ же? да здѣсь трудно даже различить голосъ.

— Постойте!

Онъ взялъ молодого человѣка за руку и, отведя его на нѣсколько шаговъ, надавилъ пружину; передъ ними открылось потайное окошечко, затерянное въ стѣнѣ, среди ея затѣйливыхъ рисунковъ. Тотчасъ же имъ стало видно и слышно все, что происходило въ той комнатѣ.

— Слушайте и смотрите, но помните, что ни однимъ жестомъ, ни крикомъ, вы не должны выдать своего присутствія!—сказалъ ему на ухо Лука Мендесъ.

— Не безпокойтесь, — отвѣтилъ донъ Торрибіо такъ же тихо.

Онъ заглянулъ въ окошечко.

Передъ нимъ было зало, или вѣрнѣе будуаръ, небольшихъ размѣровъ, меблированный очень богато и съ большимъ вкусомъ, въ строгомъ стилѣ помпадуръ. Въ этомъ будуарѣ находились два лица; донна Санти сидѣла на низкомъ креслѣ, передъ шифоньеркой, на которой лежало вышиванье.

Она была въ домашнемъ костюмѣ цвѣта экрю, изъ гладкаго шелку, перехваченнаго золотымъ поясомъ. По ея блѣдности и краснымъ глазамъ видно было, что она плакала; но на лицѣ ея выражалась непреклонная воля и рѣшительность; брови ея были сдвинуты подъ вліяніемъ упорной думы; глаза вспыхивали, когда она поднимала ихъ на своего собесѣдника, губы складывались въ горькую усмѣшку. Она нервно мяла своими тонкими пальцами батистовый носовой платокъ, смоченный ея слезами.

Донъ Мануэль де-Линаресъ, опекунъ донны Санты, быстро шагалъ по будуару, останавливаясь иногда передъ молодой дѣвушкой, чтобы сказать ей что-то рѣзкое; видно было, что онъ сдерживалъ себя отъ сильнаго гнѣва, готоваго разразиться каждую минуту,

Въ тотъ моментъ когда донъ Торрибіо приложился къ окошечку, донъ Мануэль говорилъ.

— Я не желаю больше терять драгоцѣнное время на споры съ вами, нинья *), — сказалъ онъ; — вы знаете, что

*) Дѣвушка, барышня.

черезъ часъ я уѣзжаю, а потому требую отъ васъ окончательнаго отвѣта.

— Развѣ я васъ задерживаю? — сухо отвѣтила она; — насколько мнѣ извѣстно, я тутъ ни причемъ! Вы можете выѣхать изъ этого дома, когда вамъ угодно; о, еслибы и я могла сдѣлать тоже!

— Да,—сказалъ онъ насмѣшливо,—я знаю ваши непокорныя чувства, но, къ несчастью для васъ, что бы вы ни предприняли, вамъ не удается выйти изъ моей власти.

— Точно также, какъ и вамъ не удается заставить меня подчиниться вашимъ требованiямъ!—сказала она ледянымъ тономъ.—Эта власть, которой вы желаете воспользоваться, я не знаю вслѣдствiе какихъ гнусныхъ мотивовъ....

— Сеньорита!—вскричалъ онъ, топнувъ ногою въ ярости.

— Чтоже! вы сами приказали мнѣ быть откровенной съ вами, сеньоръ. Я повинуюсь вамъ, чѣмъ-же вы недовольны?

— Хорошо! Продолжайте, но выражайтесь короче, пожалуйста!

— Эта власть. говорю я, приходитъ къ концу. Черезъ семь мѣсяцевъ я буду совершеннолѣтняя, слѣдовательно, свободна въ своихъ дѣйствiяхъ; черезъ семь мѣсяцевъ вы получите отъ меня тотъ отвѣтъ, котораго требуете сегодня.

— Берегитесь, сеньорита, сказалъ со стиснутыми зубами,— я могу васъ принудить къ послушанiю.

— Не совѣтую вамъ этого, сеньоръ!—сказала она глядя на него въ упоръ.

— О! однако вы черезчуръ смѣлы! — вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

Но, тотчасъ же овладѣвъ собой и пройдясь нѣсколько разъ по будуару, онъ успокоившись остановился опять около донны Санты.

— Слушайте, нинья, — сказалъ онъ стараясь смягчить голосъ,—поговоримъ серьезно. Что вы имѣете противъ дона Венито де-Касоналя? — Онъ молодъ, красивъ, богатъ, принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ фамилiй Соноры! Что вамъ не нравится въ немъ?

— Ничто; мнѣ рѣшительно все равно до него, я даже не пробовала присматриваться къ нему. Онъ молодъ совершенно вѣрно; красивъ ли онъ, я не знаю; богатъ ли онъ, мнѣ-то какое дѣло, развѣ я сама не богата? А что касается его рода, то полагаю, и я не ниже его по происхожденію.

— Да, вы правы, ваши положенія одинаковы; къ тому же онъ любитъ васъ, почему же вы сопротивляетесь?

— Просто потому, что я его не люблю и никогда не буду любить, сеньоръ!

— Такъ вотъ она ваша откровенность!

— Конечно; могу я быть еще болѣе откровенной?

-- Да, если хотите.

— Я васъ не понимаю, сеньоръ.

— Вы отказываетесь выйти замужъ за Венито де-Касоналя не потому что вы его не любите, а потому, что любите другого.

— Можетъ быть, сеньоръ! Но мои сердечныя дѣла касаются только меня; никто, ни даже вы, не имѣете права требовать отъ меня чтобы я раскрыла свое сердце.

— О! я уже давно замѣтилъ, что творится въ этомъ сердцѣ, — сказалъ онъ съ горечью; — и если только этотъ жалкій авантюристъ, въ котораго вы такъ глупо влюбились, попадется когда либо въ мои руки, то мы посчитаемся съ нимъ.

— Сеньоръ, вы забываете, что сами дважды обязаны жизнью тому человѣку, котораго вы такъ галантно называете авантюристомъ. Забываете, что этотъ человѣкъ не побоится вашихъ угрозъ и оскорбленій; а главное забываете, что этотъ человѣкъ отсутствуетъ, значитъ не можетъ защищаться отъ вашихъ оскорбленій; расточать же ихъ передо мною, женщиной, не благородно.

— А! вы защищаете его!

— Я? Сохрани меня Богъ отъ этого! Онъ не нуждается ни въ чьей защитѣ, за него говорятъ дѣла его. Повѣрьте мнѣ, сеньоръ, вмѣсто того, чтобы желать увидѣться съ нимъ,

вы, напротивъ, должны благодарить судьбу, что его здѣсь нѣтъ. Не совѣтую вамъ розыскивать его, такъ какъ въ тотъ день, когда вы столкнетесь съ нимъ, онъ самъ потребуетъ отъ васъ отчета, Но довольно объ этомъ; я слишкомъ страдаю, слушая васъ. Если въ васъ есть что либо человѣческое, хотя капля жалости въ вашемъ сердцѣ, то избавьте меня отъ этой пытки. Мои чувства вамъ теперь извѣстны; чтоже касается того отвѣта, который вы продолжаете требовать отъ меня, то вотъ онъ: „Я скорѣе умру, чѣмъ выйду замужъ за человѣка съ которымъ вы намѣреваетесь соединить меня, помимо моего желанія“.

— Тогда, эта война! — сказалъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Война!—грустно повторила она,—я не боюсь ея, хотя и не желаю; что такое я? увы! бѣдное дитя безъ силы и безъ защиты. Вы можете раздавить меня, я въ вашихъ рукахъ; но никогда добровольно я не подчинюсь вамъ.

— Санта! Санта!—глухо проговорилъ онъ, — вы злоупотребляете моей добротой къ вамъ!

— О! донъ Мануэль, — прервала она его съ жестомъ мольбы,—пожалѣйте несчастную сироту,д овѣренную вашему попеченію ея умирающимъ отцемъ, не обращайтесь въ палача для той, которую вы клялись охранять!

— Я знаю лучше васъ, дитя мое, — отвѣтилъ онъ съ холодною рѣшительностью, — что мнѣ слѣдуетъ дѣлать; я далъ слово, и что бы тамъ ни было, сдержу его; будьте готовы вступить въ бракъ съ дономъ Венито де-Касоналемъ, какъ только мы переселимся въ Уресъ- Это будетъ черезъ мѣсяцъ. Впослѣдствіи вы сами будете благодаритъ меня, что я не уступилъ капризу вашему и упрочилъ ваше будущее счастье.

— Напрасно вы стараетесь обмануть меня, сеньоръ! Мнѣ извѣстно многое, чего вы и не предполагаете, и чего мнѣ лучше бы и не знать ради моего спокойствія и счастья. Хотя вы тщательно скрывали отъ меня все, что происходило внѣ этого дома; но мои глаза и уши часто видѣли и слышали то, чего они не должны были бы ни видѣть, ни слышать.

Я присутствовала невидимой свидѣтельницей на вашихъ тайныхъ собраніяхъ и постыдныхъ сдѣлкахъ. Только теперь пологъ начинаетъ спадать съ моихъ глазъ; я предвижу ту пропасть, въ которую вы толкаете меня. Вы играете одну изъ подлыхъ ролей и хотите сдѣлать меня своимъ орудіемъ. Мое замужество съ донъ Венито де-Касоналемъ, который даже не другъ вамъ, а только сообщникъ, ничто иное, какъ одна изъ этихъ отвратительныхъ сдѣлокъ для достиженія неизвѣстной мнѣ цѣли, одна мысль о которой приводитъ меня въ ужасъ, не жертвуйте же мною слабымъ и одинокимъ созданіемъ, для вашихъ преступныхъ замысловъ. Во имя моей умирающей матери и моего отца, который былъ вашимъ другомъ, умоляю васъ, донъ Мануэль, пожалѣйте сироту, которую они довѣрили вамъ!

— Вы слишкомъ много сказали, Санта, чтобы я отступилъ назадъ; еще болѣе чѣмъ раньше, въ виду вашего и моего собственнаго интереса, я настаиваю на этомъ бракѣ; такъ должно быть, приготовьтесь повиноваться мнѣ.

— Итакъ, вы остаетесь глухи ко всѣмъ моимъ мольбамъ,—сказала она въ волненіи,—ничто не можетъ тронуть васъ?

— Ничто,—холодно отвѣтилъ онъ;— мое рѣшеніе принято и оно останется неизмѣннымъ!

— Тогда самъ Богъ сжалится надо мной!—грустно сказала она,—если онъ не придетъ ко мнѣ на помощь, то для меня все потеряно.

— Вы правильно говорите: вамъ только и остается, что надѣяться на Бога,—отвѣтилъ онъ съ колкой насмѣшкой;—но этому Богу, къ которому вы взываете, нѣтъ никакого дѣла до того, что происходитъ на землѣ, онъ не любитъ вмѣшиваться въ наши дѣла, такъ какъ слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы слѣдить за нами и думать о насъ.

— О! не богохульствуйте, донъ Мануэль, не разсчитывайте остаться навсегда безнаказаннымъ! Загляните лучше въ себя, теперь еще не поздно. Бойтесь, часъ возмездія близокъ; онъ можетъ застать васъ врасплохъ; вы погибнете

какъ былинка. Правосудіе покараетъ васъ и почемъ знать, можетъ быть въ эту горькую для васъ минуту вы найдете утѣшеніе во мнѣ, бѣдномъ и слабомъ созданіи, которое вы такъ мучаете?!

— Amen, моя прелестная проповѣдница!—сказалъ онъ,— но, въ ожиданіи пока исполнится ваше мрачное пророчество, запомните мои слова. Я вамъ разъ навсегда высказалъ мое желаніе; знайте же, что никакая человѣческая сила не можетъ помѣшать исполнить его. А пока прощайте! Оставляю васъ съ вашими мыслями, грустными или веселыми; молитесь Богу сколько вашей душѣ угодно, но думайте о повиновеніи.

Черезъ десять дней вы пріѣдете ко мнѣ въ Уресъ, гдѣ я буду ожидать васъ. Надѣюсь, что уединеніе благотворно повліяетъ на васъ, и я увижу васъ веселой и покорной моей волѣ.

— Никогда!—проговорила она, опрокидываясь на спинку кресла.

— Увидимъ! вамъ дано десять дней на размышленія, а мало-ли какія мысли могутъ придти за это время въ безумную голову молодой дѣвушки?!

Прощайте, нинья! Приготовьтесь къ отъѣзду, когда васъ предупредитъ объ этомъ мой мажордомъ, Лука Мендесъ.

Донъ Мануэль пожалъ плечами, взглянувши въ послѣдній разъ на дѣвушку, насмѣшливо поклонился ей и вышелъ изъ залы, хлопнувъ дверью.

— О, я несчастная! — вскричала донна Санта, — мнѣ остается лишь одна смерть! Увы! я одна на свѣтѣ, у меня нѣтъ друга, который бы пожалѣлъ и защитилъ меня.

— Вы забываете меня, сеньорита! — раздался около нея тихій и взволнованный голосъ.

Молодая дѣвушка вздрогнула точно отъ электрическаго толчка: передъ нею стоялъ донъ Торрибіо де-Ніебласъ.

— Вы! это вы! донъ Торрибіо! — воскликнула она, сложивъ руки съ выраженіемъ безумной радости;—о! я спасена, разъ вы здѣсь!

— Я отдамъ жизнь мою для этого, сеньорита!—отвѣтилъ онъ съ чувствомъ.

— О! это самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, донъ Торрибіо,—начала донна Санта съ глазами, полными слезъ, — такая радость послѣ стольких страданій, Господи, правда ли это! я, кажется схожу съ ума.

— Вѣрьте, донна Санта! Вы совсѣмъ не такъ одиноки, какъ полагали, у васъ есть храбрые и энергичные друзья, которые не постоятъ ни передъ чѣмъ, чтобы спасти васъ.

— Спасти меня! покачала она, сдѣлавшись вдругъ грустной,—къ сожалѣнію, это немыслимо!

— Все возможно, когда на что либо твердо рѣшиться, донна Санта; не падайте духомъ!

— Да, это правда; въ васъ много мужества, донъ Торрибіо. Но что вы можете для меня сдѣлать. Ахъ! если бы вы только знали!

— Я все знаю, сеньорита; я присутствовалъ здѣсь и все слышалъ.

— Да, дѣйствительно, мнѣ вѣдь Лука Мендесъ говорилъ о вашемъ визитѣ; я ждала васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, въ то же время боясь вашего прихода.

— Отчего это, сеньорита?

— Простите меня, другъ мой, я просто теряю голову. Какъ я страдаю!

— Надо мужаться.

— Въ эту минуту я чувствую себя сильнѣе, вы со мной. О! вѣдь вы защитите меня?—сказала она съ мольбой.

— Не бойтесь ничего, этотъ человѣкъ уѣхалъ, онъ болѣе не страшенъ.

— Увы! онъ такъ силенъ; все склоняется передъ его желѣзной волей.

— Да, геній зла вкоренился въ немъ; но я не боюсь его и сумѣю васъ защитить отъ него, клянусь вамъ.

— Я вѣрю и вашему доброму намѣренію, и вашей храбрости, донъ Торрибіо.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Увы! я боюсь что онъ раздавитъ васъ, подобно тому какъ давитъ всѣхъ, кто вступаетъ съ нимъ въ борьбу.

— Дорогая Санта, я люблю васъ! И эта чистая и глубокая любовь, которую Богъ вложилъ мнѣ въ сердце, удесятеряетъ мои силы, я избавлю васъ отъ возмутительнаго тиранства этого человѣка; моя любовь поможетъ мнѣ побѣдить его и спасти васъ.

— Говорите, говорите еще, донъ Торрибіо,—сказала она улыбаясь сквозь слезы,—я такъ давно не слышала дружескаго голоса; онъ раздается въ моихъ ушахъ, точно нѣжное пѣніе птички. Слушая васъ, я воскресаю!

— Безцѣнная моя, вѣдь вы—жизнь моя, точно такъ же какъ и я вамъ; наши оба сердца составляютъ одно; вы отгадываете мои сокровенныя мысли такъ же, какъ и я ваши; надѣйтесь дорогая Санта, надѣйтесь, любовь моя, скоро вы будете счастливы!

— Счастлива!—пророворила она.—Развѣ возможно еще для меня счастье?

— Сегодня же, если вы согласны, вы можете избавиться отъ этого человѣка, который сдѣлалъ васъ плѣнницей!

— Вѣдь, это одна мечта!

— Все зависитъ отъ васъ.

— И вы думаете, что онъ не отомститъ мнѣ?

— Нѣтъ, потому что вы будете находиться подъ вѣрной охраной.

— Развѣ вы такъ сильны, другъ мой?—сказала она съ дѣтскимъ восторгомъ.

— Я люблю васъ, дорогая Санта!

— Я тоже люблю васъ, и вы знаете это, донъ Торрибіо!—проговорила она, опустивъ голову, чтобы скрыть внезапную краску, покрывшую лицо.

— Вотъ эта-то увѣренность и придаетъ мнѣ силы, безцѣнная Санта!

— Въ самомъ дѣлѣ, чтобы добраться только до меня, вы должны обладать большой силой.

— Я совершилъ почти чудо, въ которомъ мнѣ помогъ

Богъ. Я открылъ всѣ тайны гасіенды, самъ донъ Мануэль не знаетъ всѣхъ секретныхъ уголковъ и ходовъ этого жилища; мнѣ же все извѣстно. Я могу все видѣть и слышать, оставаясь скрытымъ отъ всѣхъ глазъ; и теперь жизнь, честь и состояніе человѣка, отъ котораго вы такъ страдаете, въ моихъ рукахъ: я могу раздавить его, заставить его валяться у меня въ ногахъ, я здѣсь одинъ, но судьба всѣхъ обитателей этой несокрушимой крѣпости въ моей власти, хотя они и не подозрѣваютъ этого!

— Все возможно!

— Оно такъ и есть, донна Санта!

— Я вѣрю вамъ, мой другъ и спаситель, одна надежда на васъ и поддержала меня въ страданіи и борьбѣ съ дономъ Мануэлемъ. Но неужели вы воспользуетесь своей необъятной силой, чтобы уничтожить его? левъ не бросается на собакъ; онъ презираетъ ихъ, такъ какъ самъ благороденъ, великъ и великодушенъ. Вы спасете меня, охранивъ отъ мести этого человѣка. Такая задача прекрасна и достойна васъ; сдѣлать болѣе не соотвѣтствовало бы настоящей цѣли; зачѣмъ вамъ вредить дону Мануэлю?

— Я лично не имѣю противъ него ни ненависти, ни желанія мести, даю вамъ честное слово!

— Какъ я счастлива, что вы говорите такъ. Наше счастье послужитъ для него достаточныхъ наказаніемъ; чего же намъ еще надо?

— Конечно, ничего больше, дорогая Санта; вы разсуждаете, какъ ангелъ; и я съ своей стороны вполнѣ раздѣляю ваши благородныя чувства; но, увы! на этомъ свѣтѣ человѣкъ расплачивается за свои поступки. Донъ Мануэль слишкомъ долго пользовался безнаказанностью, но чаша переполнилась; и теперь насталъ часъ возмездія, которое будетъ ужаснымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, мой другъ?

— Я хочу сказать, мое бѣдное и доброе дитя, что этотъ человѣкъ — чудовище, совершившій самыя гнусныя преступленія, въ которыхъ онъ обязанъ дать людямъ отчетъ.

Если бы вы были его единственной жертвой, я бы еще согласился простить его возмутительное поведеніе относительно васъ. Но, къ несчастію, не одна вы страдали отъ него; онъ возбудилъ во многихъ такую ненависть, которая должна разразиться мщеніемъ. Я не могу объяснить вамъ всего по этому поводу, милая Санта; все, что мы съ вами можемъ сдѣлать для этого человѣка, это не вмѣшиваться въ его дѣла.

— Боже мой! вы пугаете меня, донъ Торрибіо. Неужели все, что говорятъ о донѣ Мануэлѣ, правда?

— Для васъ лучше никогда не узнать этой правды. Но оставимъ его. Все, что съ нимъ произойдетъ, зависитъ не отъ насъ, слава Богу! поговоримъ лучше о себѣ!

— Я ничего не могу придумать! Посовѣтуйте мнѣ! — отвѣчала молодая дѣвушка.

— Извольте, сеньорита; но раньше я долженъ убѣдиться, что вы имѣете ко мнѣ полное довѣріе.

— Я вѣрю въ васъ, какъ въ родного брата, донъ Торрибіо, вѣдь вы единственный другъ у меня!

— Значитъ, вы исполните мой совѣтъ?

— Безусловно, если это зависитъ отъ меня!

Въ это время раскрылась потайная дверь и затѣмъ показался Лука Мендесъ.

— Ахъ! — воскликнула дѣвушка въ ужасѣ.

— Не бойтесь, сеньорита, развѣ вы не узнаете этого человѣка?

— Лука Мендесъ, майордомъ дона Мануэля!

— Да, но на самомъ дѣлѣ, это мой вѣрный слуга, помѣщенный мною на службу къ дону Мануэлю, чтобы охранять и защищать васъ.

— Онъ не одинъ разъ и дѣлалъ это. Я и раньше догадывалась, что онъ мой тайный покровитель, за что искренно благодарна ему! — добавила дѣвушка съ очаровательной улыбкой, протягивая свою маленькую руку старику, который почтительно поцѣловалъ ее.

— Вы пришли кстати, Лука Мендесъ!—сказалъ молодой человѣкъ.

Что новаго?

— Мануэль де-Линаресъ и донъ Венито де-Касональ выѣхали верхомъ изъ гасіенды и забрали съ собой своихъ. Насъ осталось только двое: сеньорита да я.

— Какъ! а донья Франциска де-Линаресъ и ея сынъ?...

— Они также уѣхали, сеньорита!

— Не освѣдомившись даже обо мнѣ?

— Донъ Мануэль распоряжается, и ему должны повиноноваться безпрекословно, вы это знаете, сеньорита; и я теперь нарочно пришелъ сообщить вамъ, если позволите о томъ планѣ, который придумалъ для васъ.

— Vive Dios! Лука Мендесъ, другъ мой, какъ вы во̀ время явились сюда! вскричалъ донъ Торрибіо. — Мы съ донной Сантой въ очень затруднительномъ положеніи, не зная что предпринять.

— Въ такомъ случаѣ, если позволите, ваша милость....

— Говорите, говорите, Лука Мендесъ!

— По моему, есть одно средство къ спасенію...

— А именно?

— Уйти изъ гасіенды.

— Уйти изъ гасіенды? да, но куда уйти? Гдѣ выбрать убѣжище? Вѣдь я не могу сопровождать донну Санту открыто, — приличіе не допускаетъ того. Нѣтъ, это невозможно!

— Я о всемъ подумалъ, ваша милость! И вотъ результатъ моихъ размышленій: сегодня ночью, или вѣрнѣе рано утромъ, пока вы еще спали, я нашелъ лошадей и привелъ ихъ сюда, полагая, что онѣ понадобятся намъ.

— Правда, если мы поѣдемъ, то лошади намъ необходимы. Каковъ же вашъ планъ?

— Вотъ онъ: вы только что сказали, что не можете защищать открыто донну Санту; да и наши дѣла пострадали ли бы отъ этого. Черезъ часъ я выѣду отсюда съ сеньоритой и по кратчайшей дорогѣ, никому кромѣ меня неизвѣстной, мы съ ней будемъ въ Уресѣ до пріѣзда дона Мануэля. Дону Санту я помѣщу на попеченіе честной семьи,

за которую ручаюсь. Тамъ она будетъ въ безопасности до того момента, когда ей можно будетъ спокойно выходить; къ тому же, донъ Мануель не станетъ искать ее, и ей нечего будетъ бояться его, пока она будетъ скрываться.

— Знаете, что донъ Мануэль назначенъ начальникомъ полиціи Уреса, и что для него ничего не будетъ стоить....

— Повторяю вамъ, ваша милость, что донъ Мануэль не станетъ даже пытаться разыскивать донну Санту.

— Ну, ужъ этого я никакъ не могу понять, Лука Мендесъ, послѣ того, что я самъ слышалъ не далѣе, какъ часъ тому надъ.

— Донъ Мануэль не будетъ искать сеньориту, такъ какъ будетъ считать ее умершей.

— Умершей!

— Да, умершей, ваша милость! — Надо дѣйствовать рѣшительно: завтра, съ восходомъ солнца, оставшіеся въ гасіендѣ слуги найдутъ среди скалъ трупъ, одѣтый въ платье донны Санты: сеньора, обезумѣвшая отъ отчаянія, бросилась туда ночью и умерла.

— Но это посягательство на Бога! — проговорила дѣвушка, крестясь.

— Нѣтъ, это средство къ спасенію, — вскричалъ донъ Торрибіо, — ну, а потомъ?

— Черезъ часъ донна Санта, переодѣтая въ мужчину уѣдетъ со мной! Я свезу ее въ дупло того дерева, въ которомъ были спрятаны ваши лошади, тамъ для нея уже все приготовлено. Затѣмъ, черезъ нѣсколько часовъ я возвращусь обратно; завтра трупъ будетъ найденъ; я оставлю гасіенду, чтобы сообщить дону Мануэлю объ этой ужасной катастрофѣ.

— Надо рѣшаться, сеньорита, это единственное средство къ спасенію, хотя оно и кажется вамъ такимъ страшнымъ; я же отправлюсь къ дону Порфирію, и мы съ нимъ рѣшимъ, какъ поступить съ дономъ Мануэлемъ.

— Донъ Торрибіо, вы обѣщали мнѣ не вмѣшиваться въ его дѣла.

— Я обѣщалъ вамъ, дорогая Санта, не мстить за нанесенныя вамъ оскорбленія! Большаго я не могу сдѣлать; повторяю, судьба этого человѣка зависитъ не отъ меня.

— Господи! Что будетъ со мной безъ васъ?

— Я буду извѣщать васъ о себѣ каждый день, а скоро и самъ пріѣду въ Уресъ. Санта, умоляю васъ, ради васъ самихъ, ради меня, который любитъ васъ, ради нашего будущаго счастья, соглашайтесь бѣжать.

—Пусть будетъ по вашему, другъ мой, я вамъ повинуюсь! сказала она съ грустной улыбкой!.

— Благодарю, дорогая моя!

— Надо торопиться!—сказалъ Лука Мендесъ.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ залы въ сильномъ волненіи.

Часъ спустя, послѣ душу раздирающихъ прощаній, донна Санта, переодѣтая въ костюмъ ранчеро, который дѣлалъ ее еще прелестнѣе, выѣзжала изъ гасіенды вмѣстѣ съ Лукою Мендесомъ.

Дону Торрибіо день показался нескончаемымъ; онъ провелъ его въ комнатахъ донны Санты, которыя были для него какъ бы святилищемъ; разлученный со своею возлюбленной, онъ старался утѣшить себя, цѣлуя каждую вещицу, принадлежащую ей.

Послѣ заката солнца возвратился Лука Мендесъ; онъ нарочно велѣлъ подать обѣдъ сеньоритѣ, потомъ черезъ нѣсколько минутъ объявилъ, что сеньора не желаетъ выходить и заперлась у себя въ комнатѣ.

Около полночи, завернувши трупъ козы въ домашній костюмъ донны Санты, донъ Торрибіо и Лука Мендесъ снесли это животное къ скаламъ и бросили на неприступномъ мѣстѣ; кусокъ кружевъ они забросили повыше, на кустъ.

Все произошло, какъ предвидѣлъ Лука Мендесъ: два часа спустя послѣ восхода солнца, одинъ изъ пеоновъ, проходя по двору гасіенды, замѣтилъ нѣсколько коршуновъ, кружившихся надъ скалой и испускавшихъ пронзительные

крики и затѣмъ поднимавшихся съ кровавыми кусками мяса.

Пеонъ забилъ тревогу; всѣ сбѣжались къ скалѣ; сначала увидѣли зацѣпившіяся кружева, развѣваемыя вѣтромъ, потомъ вертѣвшихся коршуновъ надъ какой-то массой, которую приняли за трупъ донны Санты. Тотчасъ-же побѣжали за майордомомъ, Лукою Мендесомъ, который поспѣшилъ констатировать фактъ ужасной катастрофы.

Черезъ часъ никто уже болѣе не сомнѣвался въ смерти несчастой дѣвушки, и Лука Мендесъ, взявши на себя сообщить эту печальную новость дону Мануэлю, выѣхалъ изъ гасіенды дель-Энганьо среди всеобщаго отчаянія.

Донъ Торрибіо, успокоенный успѣхомъ хитрой выдумки своего слуги, остался одинъ въ подземельяхъ, всѣ углы и закоулки которыхъ онъ хотѣлъ основательно изучить: у него тоже былъ свой собственный планъ, который онъ обдумывалъ, предаваясь тщательнымъ изысканіямъ.

VIII. Въ которой донъ Порфиріо вынужденъ возвратиться въ Тубакъ.

Выше было сказано, что послѣ схватки у Марфильскаго ущелья, лишь только бандитовъ вытѣснили изъ ихъ засады, донъ Порфиріо съ двадцатью охотниками пустилъ лошадей во всю прыть, торопясь пересѣчь оврагъ: отъ этого зависѣлъ успѣхъ сраженія.

Похищеніе донны Хезусъ было совершено съ такимъ нахальствомъ и быстротою, что кромѣ донны Инкарнаціи никто не замѣтилъ ея исчезновенія. Но бѣдная мать не могла вынести такого удара и лишилась чувствъ, отчаянно вскрикнувъ.

Видя, что она падаетъ, донъ Порфиріо взялъ ее на руки, думая, что она ранена, и, положивъ ее на свою лошадь, умчался съ нею во весь духъ, боясь погони.

Только, добравшись до вершины ущелья, донъ Порфиріо понялъ, что случилось, и замѣтилъ исчезновеніе дочери.

Словъ не хватаетъ, чтобы описать отчаяніе, овладѣвшее отцемъ, который внезапно лишился своего единственнаго дѣтища: онъ точно обезумѣлъ отъ горя и сталъ упрекать себя, что тотчасъ-же не бросился вслѣдъ за негодяями. Потомъ онъ впалъ въ безсиліе, горько плача, громко призывая свою дочь, моля ее простить ему, что онъ не сумѣлъ охранить ее, что онъ не умеръ со всѣми своими спутниками, защищая ее.

Но донъ Порфиріо былъ не такой человѣкъ, чтобы долго предаваться горю; какъ только миновалъ кризисъ, съ нимъ произошла реакція; благодаря своей желѣзной волѣ, онъ, видимо, заглушилъ свою боль, затаивши ее въ глубинѣ сердца; на видъ онъ сдѣлался невозмутимо спокойнымъ.

Твердая-Рука съ боязнью слѣдилъ за состояніемъ друга, не смѣя произнести ни слова; а когда увидѣлъ, что тотъ поборолъ свое страданіе, то сказалъ ему:

— Это большое несчастіе! мы должны, во что бы ни стало, спасти бѣдное дитя!

— Во что бы ни стало,—повторилъ донъ Порфиріо, какъ эхо,—что вы сдѣлали, другъ мой?

— Послалъ Ястреба, лучшаго изъ своихъ воиновъ, на развѣдки; онъ найдетъ слѣдъ похитителей. Тогда мы пустимся за ними; можетъ быть, они еще недалеко отъ насъ, такъ какъ ихъ плѣнница должна замедлять бѣгство. Я надѣюсь, что мы найдемъ ее до вечера.

— Дай Богъ, Твердая-Рука! Спасибо вамъ за все, что вы сдѣлали. Ну, а сейчасъ какъ намъ быть?

— Сію же минуту отправиться въ гасіенду дель Охо-де-Агуа; къ счастью, донна Инкарнація въ обморокѣ, значитъ она не страдаетъ пока. Когда она очнется, надо будетъ выдумать какую-нибудь исторію, чтобы объяснить ей причину отсутствія донны Хезусъ. Во всякомъ случаѣ постарайтесь скрыть отъ нея правду, а то это ужасное откры-

тіе убьетъ или сведетъ ее съ ума. Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ для этого, другъ мой?

— Я понимаю васъ; не безпокойтесь; я точка въ точку послѣдую вашему совѣту и обману бѣдную мать. Ну, а вы?

— Я обѣщаю вамъ сдѣлать все возможное, чтобы освободить донну Хезусъ и возвратить ее въ ваши объятія сегодня же. Надѣюсь, Богъ поможетъ мнѣ.

— Отправляйтесь, дорогой мой, слушайтесь своего внутренняго голоса; я полагаюсь на ваше благородство и ваше знаніе пустыни.

— Надѣйтесь,—ласково проговорилъ охотникъ.—Я почти увѣренъ въ успѣхѣ.

Твердая-Рука приказалъ устроить носилки, на которыя уложили все еще безчувственную донну Инкарнацію, и всѣ двинулись къ гасіендѣ.

Когда люди дона Порфиріо скрылись при поворотѣ тропинки, Твердая-Рука послалъ еще нѣсколько человѣкъ на развѣдку, потомъ сѣлъ у подошвы горы, зажегъ трубку и сталъ курить, въ ожиданіи Ястреба.

Прошло нѣсколько часовъ; развѣдчики ворочались одинъ за другимъ. Судя по ихъ донесеніямъ, бандиты, подъ вліяніемъ паники, всѣ разсѣялись въ разныя стороны, и наврядъ ли скоро опять соединятся.

Это были хорошія новости. Твердая-Рука остался ими доволенъ.

Наконнецъ, около четырехъ часовъ появился самъ Ястребъ.

Онъ былъ спокоенъ и невозмутимъ, какъ всегда.

Присѣвши молча, напротивъ Твердой-Руки, онъ принялъ отъ него трубку, покурилъ минуты двѣ три, потомъ возвратилъ ее обратно съ поклономъ.

Твердая-Рука покурилъ тоже въ свою очередь; трубка переходила изъ рукъ въ руки, пока не выкурили весь табакъ; но они оба все еще молчали.

Эта церемонія строго соблюдается среди индѣйцевъ.

— Слѣдъ не длиненъ, легко отыскался!—сказалъ охотникъ презрительно.

— Значитъ, удача?—спросилъ Твердая-Рука.

— Эти воры—дрянныя собаки, не съумѣли даже скрыть своихъ слѣдовъ!

— Гдѣ кончается слѣдъ?

— Въ трехъ или четырехъ выстрѣлахъ отъ лѣса.

— Такъ близко отъ насъ! Вотъ дураки-то!

— Они мертвые.

— Мертвые? Кто же ихъ убилъ, не вы ли вождь?

— Нѣтъ, не я!

— А дѣвушка?

— Лилія-Роза освобождена бѣлымъ охотникомъ.

— О какомъ охотникѣ вы говорите?

— Черный Орелъ! тотъ самый, котораго бѣлые зовутъ Кипящимъ-Сердцемъ.

— Какъ! Кипящее-Сердце здѣсь? вы ошибаетесь, начальникъ!

— Ястребъ видѣлъ его и слышалъ щебетанье мелодичнаго голоска Лиліи-Розы, разговаривающей со своимъ другомъ.

— Значитъ, дѣвушка спасена?

— Да, Черный-Орелъ убилъ дикихъ собакъ, только одинъ остался въ живыхъ.

— Слава Богу! Кипящее-Сердце человѣкъ честный, дѣвушка, оставалась съ нимъ, не подвергается никакой опасности.

— Черный-Орелъ обладаетъ сердцемъ льва; къ тому-же онъ любитъ Лилію-Розу.

— Такъ; но этого не можетъ быть! Вѣдь онъ ее не зналъ раньше!

— Уши Ястреба были открыты; онъ все слышалъ; Черный-Орелъ давно знакомъ съ Лиліей-Розой.

— Странно! Ну, а вы не знаете, намѣревается-ли Кипящее-Сердце возвратить намъ дѣвушку?

— Ястребъ ничего подобнаго не слыхалъ; молодые люди

болтали и ѣли, сидя на лужайкѣ, подлѣ разведеннаго огня. Ястребъ зналъ, что его отецъ, Твердая-Рука, ждетъ его съ нетерпѣніемъ, и онъ поспѣшилъ прилетѣть къ нему. Доволенъ-ли мой отецъ?

— Вполнѣ доволенъ, вождь; благодарю васъ! Эти молодые люди весело болтаютъ, забывая все на свѣтѣ, а ихъ родители плачутъ и отчаяваются! Надо пойти прервать ихъ сладкій сонъ; увидя насъ, они проснутся.

Въ пять минутъ охотники и воины сѣли на лошадей и стали спускаться съ крутыхъ склоновъ Марфильскаго ущелья.

Какъ разъ въ это все время донъ Руисъ и донна Хезусъ выѣзжали изъ лужайки въ гасіенду дель Охо-де-Агуа.

Всадники спустились съ горы галопомъ и въ четверть часа проскакали все разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ равнины.

Въ девяти стахъ метровъ отъ лѣса, по знаку Твердой-Руки, всадники пріостановились, положивъ свои ружья поперекъ сѣделъ.

Самъ же Твердая-Рука загарцовалъ по направленію къ лѣсу. Но едва онъ проѣхалъ нѣсколько метровъ, какъ донъ Руисъ показался изъ лѣса на своемъ Негро, продѣлывавшемъ всевозможные скачки и прыжки.

Такъ же, какъ и Твердая-Рука, онъ бросилъ свое оружіе.

Оба охотника продолжали гарцовать, приближаясь другъ къ другу, пока не съѣхались, а съѣхавшись, они тотчасъ-же обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ.

— Какъ я радъ встрѣтить такого знаменитаго охотника, какъ Твердая-Рука! — сказалъ молодой человѣкъ, вѣжливо раскланиваясь.

— И я счастливъ, что случай натолкнулъ меня на моего молодого и храбраго друга, Кипящее-Сердце! — не медля отвѣтилъ Твердая-Рука, кланяясь въ свою очередь.

— Не трудитесь, другъ, искать слѣды похитителей донны Хезусъ! Господь уже указалъ ихъ мнѣ; негодяи убиты.

— Я знаю, что Кипящее-Сердце спасъ донну Хезусъ.

Приношу ему благодарность отъ имени родителей и друзей прелестной дѣвушки.

— Откуда Твердая-Рука могъ узнать это? — спросилъ донъ Руисъ, удивившись.

— Кипящее-Сердце не скрывался, ему не отъ кого было прятаться! — отвѣтилъ съ улыбкой Твердая-Рука.—Ястребъ разыскалъ слѣдъ, пошелъ и увидѣлъ тамъ молодого охотника, разговаривающаго и закусывающаго съ донной Хезусъ. Не правда-ли?

— Правда, — отвѣтилъ улыбаясь молодой человѣкъ,— Ястребъ—умная голова, онъ хорошо выглядѣлъ.

— Кипящее-Сердце собирался выѣхать изъ лѣса?

— Да, чтобы поскорѣй возвратить донну Хезусъ ея родителямъ, которые оплакиваютъ ее.

— Я былъ увѣренъ, что Кипящее-Сердце благороденъ и великодушенъ, какъ и его отецъ, донъ Фабіанъ.

— Вы мнѣ доставляете огромное удовольствіе, Твердая-Рука, сравнивая меня съ моимъ отцомъ; я стараюсь подражать ему, но мнѣ еще далеко до него!

— Вы еще молоды, Кипящее-Сердце, и передъ вами хорошіе примѣры.

— Такъ какъ вы здѣсь, Твердая-Рука, то не возьметесь ли вы доставить донну Хезусъ до Охо-де-Агуа?

— Нѣтъ, извините, я этого не сдѣлаю, не смотря на то, что я—близкій другъ отца этой дѣвушки.

— Отчего же?

— Оттого, мой юный другъ, что я не хочу лишать васъ радости самому возвратить отцу и матери дитя, которое вы спасли.

Донъ Руисъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Какъ же я поѣду туда?—смущенно сказалъ онъ,— я почти не знакомъ съ дономъ Порфиріо и донной Инкарнаціей. Передайте имъ, что я счастливъ, спасши горячо любимую ими дочь и что я попросилъ васъ отвезти ее.

— Нѣтъ; это вашъ долгъ, хотя онъ такъ труденъ для васъ,—пошутилъ Твердая-Рука и добавилъ, — я обращаюсь

теперь не къ Кипящему-Сердцу, славному охотнику, а къ дону Руису Торриласу де-Торре Асуль, заслуженному кабаллеро; донъ Руисъ не можетъ уклониться отъ этой обязанности.

— Вы серьезно такъ думаете, Твердая-Рука? Вѣдь вы тоже—кабаллеро и даже изъ наиболѣе знатныхъ!

— Вотъ именно въ качествѣ таковаго я и говорю вамъ, донъ Руисъ!

— Хорошо, разъ это такъ, я согласенъ!

— Нашъ путь не длиненъ.

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Конечно!

— Значитъ все къ лучшему, Твердая-Рука?

— Да, если я и не хотѣлъ бы теперь ѣхать въ гасіенду, то отправился бы туда нарочно для васъ.

— Для меня? По какому поводу?

— Потому что мнѣ надо сообщить вамъ о нѣкоторыхъ весьма важныхъ дѣлахъ, которыя вамъ необходимо знать.

— Я не понимаю васъ.

— Что вполнѣ естественно; но вѣдь вы не отказываете мнѣ въ разговорѣ?

— Ни въ какомъ случаѣ, я очень радъ поговорить съ вами, когда хотите.

— Я васъ ловлю на словѣ, донъ Руисъ! сегодня вечеромъ мы переговоримъ!

— Хорошо, итакъ до вечера, сеньоръ; а теперь позвольте мнѣ пойти успокоить донну Хезусъ: она ждетъ моего возвращенія.

— Это правда. Идите скорѣй, донъ Руисъ; вы найдете меня на этомъ самомъ мѣстѣ.

— Черезъ пять минутъ мы будемъ здѣсь, съ донной Хезусъ.

Охотники обмѣнялись опять рукопожатіями; донъ Руисъ поворотилъ лошадь и во весь духъ помчался къ лѣсу, въ которомъ на минуту скрылся и затѣмъ сейчасъ же показался оттуда въ сопровожденіи дѣвушки.

Донна Хезусъ совсѣмъ мало знала Твердую-Руку. Она

видѣла его въ Пальмарѣ только одинъ разъ, но слышала о немъ много хорошаго, въ особенности отъ своего отца: а потому ее интересовало увидѣть его.

Твердая-Рука поклонился дѣвушкѣ съ изысканною вѣжливостью и успокоилъ ее относительно состоянія здоровья ея матери.

Между тѣмъ солнце начинало уже спускаться на горизонтѣ; нельзя было болѣе терять ни минуты, чтобы добраться до гасіенды до ночи; всѣ двинулись по направленію къ ущелью.

Не успѣли охотники сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ замѣтили всадника, скачущаго во всю прыть. Твердая-Рука приказалъ остановиться, чтобы обождать этого человѣка, котораго онъ какъ будто узналъ: это былъ Пепе Ортисъ.

Твердая-Рука нахмурился, опасаясь дурныхъ извѣстій; ему показалось страннымъ, что тотъ мчался такъ по саваннѣ, въ такое позднее время.

Между тѣмъ Пепе Ортисъ также узналъ всадниковъ и спѣшилъ поскорѣй доѣхать до нихъ.

— Э! Это вы? сеньоръ Пепе Ортисъ? — окликнулъ его Твердая-Рука дружелюбнымъ тономъ.

— Да, я, сеньоръ!

— Вы куда?

— Въ Охо-де-Агуа.

— Какъ вы неосторожны! Развѣ можно летѣть такъ одному, по пустынѣ?

Пепе Ортисъ лукаво усмѣхнулся.

— Я сначала сопровождалъ дона Порфиріо Сандоса, котораго нашелъ въ Тубакѣ, но вынужденъ былъ вернуться въ президіо.

— А!

— Да. Мнѣ послышались выстрѣлы, вѣрно, дрались?

— Была серьезная схватка.

— А донъ Порфиріо?

— Онъ миновалъ западню.

— Слава Богу! Такъ что теперь...

— Онъ находится въ Охо-де-Агуа и черезъ полчаса мы его увидимъ. Нѣтъ ли чего новаго?

— Безъ этого развѣ я отсталъ-бы отъ каравана?

— Вѣрно. Что же такое?

— Много чего.

— Хорошаго или дурного?

Пепе Ортисъ закачалъ головой.

— Я сейчасъ ничего не могу сказать вамъ, но когда мы пріѣдемъ въ гасіенду, вы все узнаете.

— Ладно; я не настаиваю!

Черезъ полчаса Твердая-Рука и его спутники были въ гасіендѣ, гдѣ ихъ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Донъ Порфиріо выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Ну, что?—спросилъ онъ съ замираніемъ сердца.

— Я тутъ, я тутъ, папа!—вскричала дѣвушка, протягивая къ нему руки.

Донъ Порфиріо снялъ ее съ сѣдла и прижалъ къ своей запыхавшейся груди, осыпая ласками свое дорогое дитя; и отецъ, и дочь плакали отъ избытка счастья быть опять вмѣстѣ послѣ столькихъ страданій.

Какъ только волненіе дона Порфиріо немного утихло, онъ, не выпуская дочь изъ своихъ объятій, обратился къ Твердой-Рукѣ.

— Другъ,—сказалъ онъ, — это, вѣдь, вамъ я обязанъ, что опять вижу дочь мою?

— Нѣтъ, мой другъ,—откровенно отвѣтилъ охотникъ,— другой болѣе молодой и счастливый, чѣмъ я, освободилъ ее изъ рукъ бандитовъ и самъ возвратилъ бы ее вамъ, если бы мы съ нимъ случайно не встрѣтились въ саваннѣ.

— Другой, говорите вы? Гдѣ же онъ, дайте его сюда, чтобы я могъ выразить ему всю мою радость!

— Вотъ онъ!—сказалъ Твердая Рука, указывая на молодого человѣка, спрятавшагося сзади него.

— Донъ Руисъ! сынъ моего стараго друга! Онъ—спаситель моей дочери!

— Онъ самый, другъ мой!

— Такъ и должно быть случиться! Да будетъ воля Господня. Руисъ, сынъ мой, поцѣлуйте меня!

— О! отецъ мой, я вознагражденъ, не по заслугамъ, видя ваше счастье!

Донъ Порфиріо прижалъ къ груди обоихъ молодыхъ людей.

— Хорошо, дѣти мои,—сказалъ онъ въ волненіи, цѣлуя то того, то другого,—Руисъ, вы спасли ее, я только однимъ и могу отблагодарить васъ....

— О, отецъ мой!

— Сынъ, такъ какъ вы теперь дѣйствительно мой сынъ, поцѣлуйте свою невѣсту!

Мы не беремся описать все счастье молодыхъ людей при такой неожиданной развязкѣ. Донъ Порфиріо подошелъ къ Твердой-Рукѣ.

— Ну,—спросилъ его охотникъ, — теперь мы привели вамъ бѣглянку. А здѣсь что дѣлается? Какъ чувствуетъ себя донна Инкарнація?

— Что мама?—воскликнула дѣвушка.

— Послѣ того, какъ къ ней вернулось сознаніе, она впала въ глубокій сонъ, который еще продолжается.

— Слава Богу! Сведите меня къ ней поскорѣе, папа! Я хочу, чтобы она сразу увидала меня, проснувшись.

— Иди, дитя мое, иди!

— Возвращайтесь скорѣй донъ Порфиріо, — сказалъ Твердая-Рука,—мнѣ надо поговорить съ вами!

— Въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ узнаете, торопитесь!

— Я привезъ важные извѣстія! — сказалъ Пепе Ортисъ выступая.

— Я приду сію минуту! — донъ Порфиріо, скрываясь вмѣстѣ съ дочерью.

Между тѣмъ Твердая-Рука, донъ Руисъ и Ястребъ пошли въ зало, гдѣ, по мексиканскому обычаю, стояли уже на столѣ всевозможные напитки.

Пепе Ортисъ послѣдовалъ за нимъ, но скромно сѣлъ поодаль на скамейку, подлѣ двери.

Донъ Порфиріо возвратился черезъ полчаса; онъ былъ сильно взволнованъ и сейчасъ же поспѣшилъ успокоить своихъ друзей.

— Все сошло благополучно вполнѣ. Донна Инкарнація, проснувшись отъ горячихъ ласкъ дочери, очень обрадовалась, увидѣвъ ее; и прежде чѣмъ успѣла сообразить все, что произошло, Хезусъ такъ ловко сумѣлъ обмануть ее, что она теперь убѣждена въ своей ошибкѣ, и думаетъ, что ея дочь была съ нами во время прохода черезъ ущелье. Значитъ съ этой стороны намъ больше нечего опасаться. Теперь я къ вашимъ услугамъ, простите, что запоздалъ!

— Прекрасно,— сказалъ Твердая-Рука, — я въ восторгѣ, что дѣла приняли такой оборотъ!

— Вы хотѣли что-то сказать мнѣ?

— Да, кажется, объ очень важныхъ извѣстіяхъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Я самъ не знаю; но Пепе Ортисъ, котораго мы встрѣтили въ саваннѣ, говоритъ, что онъ привезъ важныя новости.

— А! а! онъ, наконецъ, догналъ насъ, бѣглецъ этакій, вѣдь онъ скрылся вдругъ, не сказавши никому ни слова, и погнался за какимъ-то субъектомъ. Гдѣ же онъ?

— Я здѣсь, сеньоръ!—отозвался Пепе Ортисъ, вставая и подходя къ дону Порфиріо.

— Что вы хотите сообщить намъ, мой другъ?

— Весьма важныя извѣстія, сеньоръ!

— О которыхъ вы узнали сегодня?

— Да, ваша милость, когда я поѣхалъ за человѣкомъ, который мчался за нами, спросить, что ему нужно.

— О! о! тутъ что-то серьезное!

— Мы ничемъ не можемъ пренебрегать теперь! — замѣтилъ Твердая-Рука.

— Что жъ это былъ за человѣкъ,—спросилъ донъ Порфиріо,—и чего онъ хотѣлъ отъ насъ?

— Это былъ Муносъ, сеньоръ!

— Трактирщикъ изъ Тубака?

— Да, онъ!

— Гмъ! я не думалъ, что онъ такой прыткій. Тутъ что-то кроется! Ну, объясняйтесь же, Пепе Ортисъ; говорите смѣлѣе, мы выслушаемъ васъ; только будьте кратки!

— Постараюсь, ваша милость, разсказать вамъ все въ нѣсколькихъ словахъ! Часъ спустя послѣ нашего отъѣзда изъ Тубака, въ президіо влетѣлъ всадникъ на всѣхъ парахъ. Вдругъ его лошадь взвилась на дыбы и затѣмъ повалилась замертво на землю, увлекая за собою всадника, всего истерзаннаго и безъ чувствъ; его отнесли въ гостинницу. Тамъ онъ первымъ долгомъ освѣдомился о васъ. Узнавши о вашемъ отъѣздѣ, онъ пришелъ въ такое волненіе, что Муносъ сильно забезпокоился, а такъ какъ, вы сами знаете, онъ преданъ вамъ, то и предложилъ отправиться вслѣдъ за вами и привезти васъ съ собой. Раненый, конечно, согласился. Муносъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Когда онъ мнѣ сообщилъ о всемъ, я подумалъ, что не стоитъ безпокоить васъ, что лучше мнѣ самому вернуться въ Тубакъ съ Муносомъ.

— И хорошо сдѣлали!

— Трактирщикъ сначала заупрямился; онъ хотѣлъ непремѣнно поговорить лично съ вами; но я убѣдилъ его, и мы тогда оба повернули лошадей. Лишь только я увидѣлъ раненаго, какъ тотчасъ-же узналъ его.

— Кто же это былъ? — въ нетерпѣніи спросилъ донъ Порфиріо.

— Лука Мендесъ, ваша милость!

— Лука Мендесъ!—воскликнули въ одинъ голосъ донъ Порфиріо и Твердая-Рука.

— Да, онъ самъ, ваша милость. И вотъ собственно, что я узналъ: донъ Мануэль заманилъ васъ по ложному слѣду. Пока все ваше вниманіе было сосредоточено здѣсь, онъ собиралъ войска съ другой стороны; самъ же, воспользовавшись моментомъ, отправился въ Уресъ.

— Скорѣй къ дѣлу! — воскликнулъ донъ Порфиріо въ безпокойствѣ.

— Въ двухъ словахъ; въ Уресѣ произошло возстаніе, вся Сонора поднялась на ноги и провозгласила дона Мануэля военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ штата.

— Его! о, какое безуміе!

— Это еще не все, ваша милость: Синалоа и Арисона тоже на пути къ возстанію; онѣ хотятъ соединиться, составивъ самостоятельную республику, президентомъ которой намѣреваются назначить дона Мануэля. Далѣе, Апачи и Сіуксы присоединились къ мятежникамъ и подступили къ границамъ.

— Эти свѣдѣнія получены вами изъ вѣрныхъ источниковъ?

— Мнѣ передалъ о нихъ мой хозяинъ, донъ Торрибіо. Онъ отправилъ Луку Мендеса, довѣривъ ему это кольцо, которое вы должны узнать.

— Гдѣ оно?

— Вотъ, извольте, ваша милость.

— Да, всѣ свѣдѣнія вѣрны! — сказалъ донъ Порфиріо, надѣвая кольцо на одинъ изъ пальцевъ. Гдѣ теперь донъ Торрибіо?

— Въ окрестностяхъ Уресы, чтобы имѣть возможность слѣдить за непріятелемъ и приготовить ему отпоръ.

— Хорошо, я узнаю его въ этомъ. Но еще не все потеряно, особенно, если мы будемъ дѣйствовать рѣшительно; но куда намъ дѣть дамъ?

— Лука Мендесъ увѣряетъ, что завтра онъ въ состояніи будетъ сидѣть на лошади; онъ берется найти для нихъ безопасное убѣжище.

Онъ нагнулся къ уху дона Порфиріо и прибавилъ ему шепотомъ нѣсколько словъ.

— Хорошо!—согласился онъ съ улыбкой; — сеньоры, черезъ часъ мы сядемъ на лошадей. Дель Охо-де-Агуа будетъ спасена. Съ какой стати намъ оставлять послѣ себя такую крѣпость?! Вы поѣдете съ нами Твердая-Рука?

— Нѣтъ, я лучше оставлю вамъ своихъ охотниковъ, а войско возьму съ собой и отправлюсь въ свои деревни. Если

Апачи и Сіуксы бунтуются, то Папагосы и Команчи удержатъ ихъ; черезъ недѣлю я буду со своими людьми на виллѣ, что на рѣкѣ Гилѣ; туда и посылайте за мной, если я вамъ понадоблюсь, а до отъѣзда я самъ взорву укрѣпленія дель Охо-де-Агуа.

— Пусть будетъ такъ, благодарю васъ и разсчитываю на васъ, мой другъ!

Оба человѣка искренно пожали другъ другу руки.

— А вы, донъ Руисъ? — обратился донъ Порфиріо къ молодому человѣку,—вы что хотите дѣлать?

— Я? развѣ я теперь не сынъ вашъ? Я не оставлю васъ.

— Прекрасно, я въ этомъ былъ увѣренъ, дитя мое, и очень счастливъ имѣть васъ подлѣ себя! Мужайтесь, господа! Нашему врагу еще далеко до побѣды. Съ Божьей помощью мы обратимъ его тріумфъ въ пораженіе.

Черезъ часъ всѣ охотники и стрѣлки выѣзжали опять по Марфильскому ущелью въ Тубакъ.

Донну Инкарнацію съ дочерью сопровождалъ сильный отрядъ, который до восхода солнца въѣхалъ въ президіо и опять расположился лагеремъ на главной площади.

IX. Масса дурныхъ извѣстій.

Мексика, кажется, единственная страна въ мірѣ, гдѣ самыя алчныя стремленія увѣнчиваются успѣхомъ. Постоянная анархія сдѣлала то, что здѣсь все возможно; чѣмъ безумнѣе предпріятіе, тѣмъ болѣе шансовъ на его удачу; съ энергіей и золотомъ здѣсь всего можно добиться, какова-бы ни была намѣченная цѣль.

Планы дона Мануэля де-Линареса, которые во Франціи сочли-бы чудовищными, и автора ихъ запрятали-бы въ темницу, эти планы въ Мексикѣ никого даже не удивляли. Напротивъ, ихъ находили заманчивыми; у дона Мануэля

являлись ревностные сторонники, готовые поддержать и защищать его, рискуя всѣмъ.

Какова-бы ни была репутація дона Мануэля де-Линареса, но это былъ богачъ, или, по крайней мѣрѣ, слылъ за таковаго: золото сыпалось въ изобиліи изъ его рукъ; уже одного этого было достаточно, чтобы онъ пріобрѣлъ себѣ массу друзей. Кромѣ того, въ Сонорѣ и другихъ сосѣднихъ штатахъ почти не было войскъ, а тѣ, которыя еще оставались тамъ, легко было купить. Въ силу всего этого, повсемѣстное возстаніе произошло безъ единаго выстрѣла. Довольно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы всѣ, соединившись, признали власть смѣлаго злоумышленника. Жители, по привычкѣ, отнеслись къ этому факту вполнѣ равнодушно: въ общемъ, имъ было рѣшительно все равно, будетъ ли у нихъ губернаторомъ донъ Порфиріо Сандовъ, или же донъ Мануэль де-Линаресъ; они знали, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, имъ придется платить громадные налоги. Въ Мексикѣ, справедливо можно сказать, чѣмъ болѣе происходитъ перемѣнъ, тѣмъ прочнѣе старые порядки.

Послѣ возстанія прошло двѣ недѣли. Дѣло было вечеромъ, пробило десять часовъ. Въ городѣ Уресѣ, расположенномъ на индѣйской границѣ, дулъ сильный вѣтеръ, такъ называемый cordonazos, котораго всѣ страшились вслѣдствіе опустошеній, производимыхъ имъ всюду, гдѣ онъ появлялся. Эти вѣтры cordonazos берутъ свое начало въ Кордильерахъ и служатъ настоящимъ бичемъ для странъ, въ которыхъ они свирѣпствуютъ.

Дождь лилъ какъ изъ ведра; на небѣ время отъ времени показывались зловѣщіе зигзаги молніи; громъ разразился со всею силой; раскаты его раздавались несмолкаемымъ эхомъ въ пещерахъ и горахъ. Городъ казался вымершимъ; на улицахъ не было ни души; всѣ дома заперты и свѣтъ всюду загашенъ; только въ одномъ мѣстѣ, точно на маякѣ, виднѣлся огонекъ, блестѣвшій изъ окна дворца, находящагося на главной площади. Это освѣщенное окно выходило изъ рабочаго кабинета, съ роскошной обстановкой, въ которомъ

сидѣли два человѣка; передъ ними стоялъ огромный столъ, покрытый зеленой скатертью и заваленный книгами, бумагами и журналами; они разговаривали и курили дорогія сигары.

То были донъ Мануэль и его другъ, донъ Кристоваль Паломбо. Донъ Кристоваль былъ въ дорожномъ костюмѣ.

Оба друга казались озабоченными и мрачными.

Ихъ разговоръ, безъ сомнѣнія, весьма интересный, происходилъ вполголоса, точно они боялись, что чье-либо нескромное ухо подслушаетъ ихъ.

— Десять часовъ, а никого еще нѣтъ!—сказалъ съ досадой донъ Мануэль.

— Развѣ вы кого-нибудь ждете?

— Конечно, я сижу безъ извѣстій цѣлыхъ три недѣли, я ничего не знаю, а потому вынужденъ бездѣйствовать; съ часу на часъ я ожидаю курьера.

— Погода скверная; дороги теперь непроходимы. А откуда вы ждете вѣстника, изъ Синалоа, или изъ Арисоны?

— Нѣтъ, не изъ этихъ штатовъ; тамъ у насъ вѣрные друзья, на которыхъ можно положиться.

— Я это знаю, но знаю также и то, что никогда нельзя продавать шкуру медвѣдя раньше, чѣмъ окончательно убьешь его. Откуда же этотъ вѣстникъ?

— Изъ Марфильскаго ущелья.

— О! о! тамъ врагъ силенъ, самъ донъ Порфиріо!

— Это правда; но наши люди испытанные и подъ командой дона Вальдомеро де-Карденасъ.

— Да, такой командиръ чего-нибудь да стоитъ: донъ Вальдомеро не только храбръ, но и хитеръ, какъ краснокожій. Но что вы затѣяли?

— Сдѣлать сюрпризъ: похитить у дона Порфиріо его жену и дочь.

— Отъ души желаю вамъ успѣха; можетъ быть, вы получите теперь болѣе пріятныя извѣстія, чѣмъ тѣ, которыя я вамъ привезъ.

— Да, я просто теряю голову въ этомъ дѣлѣ. И такъ, вы ничего не нашли?

— Ровно ничего, кромѣ того куска кружевъ, о которомъ я вамъ говорилъ.

— И у васъ были вѣрные люди?

— Десять прекрасныхъ охотниковъ, самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ.

— И они не могли добраться до трупа?

— Мы все испробовали, но это оказалось невозможнымъ.

— Какъ это странно!

— Что странно?

— Смерть донны Санты!

— Что могло заставить бѣдную дѣвушку рѣшиться на такую ужасную смерть?

Донъ Мануэль покачалъ головой.

— Вы знаете почему она покончила самоубійствомъ?

— Ничего не знаю!—отвѣтилъ онъ сердито.

— Что же вы качаете головой?

— Потому что я убѣжденъ, что она осталась жива.

— Кто, донна Санта?

— Да, я готовъ поклясться въ этомъ!

— Вы, кажется, сошли съ ума, милый другъ, вѣдь я же видѣлъ трупъ ея!

— А кто вамъ докажетъ, что это былъ трупъ донны Санты?

— А то чей же?

— Вотъ видите, вы сами не увѣрены.

— Однако...

— Вы не увѣрены, говорю я! Положимъ, вы видѣли туловище, это туловище было одѣто въ платье донны Санты, я согласенъ съ вами; но разсмотрѣли ли вы черты лица?

— Вы сами знаете, какъ велико разстояніе.

— Но вы сами говорили мнѣ, что вамъ показалось неестественнымъ, что донна Санта, бросаясь со стѣны, могла попасть туда, гдѣ лежитъ такъ сказать, ея трупъ. Говорили вы это или нѣтъ?

— Я вамъ еще разъ повторю мои слова, дорогой донъ Мануэль: „Почти невозможная вещь“. Но все-таки она упала туда.

— Донъ Кристоваль, знаете, что мои предчувствія рѣдко обманываютъ меня. Я утверждаю, что донна Санта жива и что исклеванный трупъ, видѣнный вами, не ея.

— Положимъ, что это такъ, но ради чего такая комедія?

— Чтобы ввести насъ въ обманъ; донна Санта или сама скрылась изъ гасіенды, или же ее похитили.

— Но кто? вѣдь, ея никто не могъ видѣть при той стражѣ, которая ее охраняла. Не черезъ стѣну же она прошла.

— Очень можетъ быть.

— О! донъ Мануэль, вы меня считаете за дурака!

— Нисколько, мой милый другъ; это дѣло весьма важно, и если хотите знать правду, я боюсь!

— Боитесь, вы!

— Да, мой другъ; согласитесь, что тутъ какая то необъяснимая тайна.

— Да, дѣйствительно.

— При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, рискуя всѣмъ, т. е. ставя на карту наши головы, окруженные опасностями со всѣхъ сторонъ, меня безпокоитъ все, что принимаетъ таинственный оборотъ, я боюсь всего необъяснимаго, я дрожу не за одного себя, а за всѣхъ насъ.

— Вы начинаете создавать себѣ химеры; какое особенное значеніе можетъ для насъ имѣть исчезновеніе этой дѣвушки? Чего намъ бояться ея, даже если она осталась жива?

Донъ Мануэль горько усмѣхнулся.

— Вы слѣпы, донъ Кристоваль, или же вы умышленно не понимаете!

— Я? о! клянусь вамъ!

— Въ такомъ случаѣ, вы, значитъ, не потрудились подумать, какія будутъ послѣдствія этого невѣроятнаго бѣгства; вы допускаете, что донна Санта не могла пройти сквозь стѣны гасіенды, а равно не могла сама перепрыгнуть всѣ

рвы, опустить подъемные мосты безъ того, чтобы ее не увидали сторожа. Во избѣжаніе ихъ, ей пришлось пройти по неизвѣстной дорогѣ. Но это не все: выйдя изъ гасіенды, она очутилась одна, въ пустынѣ, пѣшкомъ, безъ денегъ, вдали отъ всякаго жилища. Не зная дороги и будучи слишкомъ слабой, она не могла бы добраться до перваго мексиканскаго поселка.

— Всѣ ваши доводы, донъ Мануэль, въ высшей степени логичны; сознаюсь, я не подумалъ...

— Погодите! — сказалъ онъ, презрительно пожавъ плечами,—это еще не все. Предположимъ, что она вслѣдствіе своей энергіи рѣшилась пройти одна черезъ громадную пустыню...

— О! это немыслимо, донъ Мануэль!

— Значитъ, она бѣжала не одна; съ ней было нѣсколько сообщниковъ, сильныхъ и храбрыхъ мужчинъ, опытныхъ и хорошо знающихъ неизвѣстныя ей дороги, эти секретные ходы и выходы въ подземельяхъ, о которыхъ мы сами имѣемъ лишь смутное понятіе.

— О! о! — проговорилъ донъ Кристоваль, блѣднѣя,—вы правы; но тогда, если все дѣйствительно такъ, мы погибли!

— А! вы, наконецъ, поняли меня! — сказалъ донъ Мануэль съ насмѣшкой,—мой страхъ и безпокойство не удивляютъ васъ болѣе?

— Наша тайна въ чужихъ рукахъ; теперь мы во власти враговъ. Но какъ они могли разузнать все?

— Вотъ это-то и требуется выяснить какъ можно скорѣе, донъ Кристоваль.

— Есть одинъ человѣкъ, которому извѣстны всѣ тайны гасіенды; помните, какъ онъ необычайно скрылся?

— Да, это донъ Порфиріо. Онъ лучше насъ знаетъ всѣ тайные ходы и помѣщенія гасіенды; но, не взирая на его ненависть къ намъ, никому не откроетъ секрета.

— Вѣдь, онъ поклялся отомстить намъ?

— Да, но онъ также поклялся, что не раскроетъ тайнъ гасіенды, и даже при исполненіи своей мести, не нарушитъ

клятвы: это честный человѣкъ! — сказалъ донъ Мигуэль страннымъ тономъ,—если-бы онъ намѣревался не сдержать своего обѣщанія, развѣ онъ сталъ-бы ждать цѣлыхъ двадцать лѣтъ?

— Какой-же чортъ держитъ насъ въ своихъ лапахъ?

— Я самъ ищу его! — проговорилъ донъ Мануэль въ раздумьи.

— Но странно, что этотъ человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ, открывши тайны гасіенды, до сихъ поръ не проявляетъ себя, хотя бы нападеніемъ на насъ!

— Вотъ это-то меня и пугаетъ; чтобы такъ дѣйствовать, у этого человѣка должна быть увѣренность въ своей необъятной силѣ; онъ скрытно подстраиваетъ противъ насъ козни, чтобы доканать насъ.

— Этотъ человѣкъ долженъ быть авантюристъ, донъ Торрибіо! Про него ходятъ слухи, что мексиканское правительство поручило ему уничтожить нашъ союзъ.

— Такъ! — проговорилъ донъ Мануэль — это бахвалъ и враль, какъ и всѣ уроженцы Буэносъ-Айреса! Онъ хвастался, что можетъ разбить всѣхъ насъ въ нѣсколько дней. Однако, что же онъ сдѣлалъ пока? Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ онъ рыскаетъ по Сонорѣ. Чего-же онъ добился? Ничего!

— Позвольте замѣтить, дорогой донъ Мануэль, что, судя по тому, что вы сами изволили говорить, этотъ человѣкъ не можетъ быть ничтожнымъ противникомъ. Онъ даже, по вашимъ же словамъ, оказывалъ вамъ услуги въ критическихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ вамъ безъ его помощи трудно было-бы выбраться.

— Оставимъ это, мой другъ! Допустимъ, этотъ человѣкъ храбръ и уменъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ обладалъ какими-то особенными способностями, которыя ему приписываютъ, но которыхъ онъ до сихъ поръ ничѣмъ не проявилъ. Если-бы у него на самомъ дѣлѣ была такая сила, то онъ былъ-бы не человѣкомъ, а демономъ. Гдѣ ему, иностранцу, открыть тайны, которыхъ столько искусныхъ иска-

телей слѣдовъ не могли понять многіе ходы? Даже предполагать такую вещь нелѣпо!

— Все же не мѣшаетъ быть осторожнѣе, донъ Мануэль.

— Нѣтъ, онъ тутъ не причемъ, увѣряю васъ; къ тому же, онъ въ моихъ рукахъ. Мнѣ извѣстенъ каждый шагъ его черезъ его стараго слугу.

— Луку Мендеса?

— Да, черезъ него!

— Вы такъ увѣрены въ этомъ человѣкѣ, донъ Мануэль! Что-же касается меня, то, признаюсь вамъ, его странныя манеры, смиренная и въ то-же время хитрая физіономія, внушаютъ мнѣ подозрѣнія; по моему, это — несомнѣнный измѣнникъ!

— Вы не въ своемъ умѣ, донъ Кристоваль; право, вамъ всюду мерещится измѣна!

— Потому что она есть въ дѣйствительности.

— До извѣстной степени. Но зачѣмъ преувеличивать?! Не надо бояться; трусость самое ужасное зло. Когда она овладѣваетъ человѣкомъ, то онъ не въ состояніи здраво разсуждать и правильно поступать; я увѣренъ въ Лукѣ Мендесѣ; онъ доказалъ мнѣ свою несомнѣнную преданность.

— Не буду настаивать относительно его, но...

— Вы все-таки остаетесь при вашемъ мнѣніи, чортъ побери?

— Признаюсь, да!

— Какъ вамъ угодно! Будущее покажетъ вамъ, что вы ошибаетесь!

— Отъ души желаю этого.

— Возвратимся же къ моей воспитанницѣ. Я самъ не знаю почему, но съ того дня, какъ она изчезла, я не имѣю ни минуты покоя. Какъ она могла выйти изъ гасіенды? Надо это разузнать во что-бы то ни стало. Донна Санта скрывается, мы должны розыскать ее не медля. Когда-же она будетъ въ нашихъ рукахъ,—онъ при этомъ нахмурилъ брови,—мы съумѣемъ вывѣдать отъ нея, кто тутъ орудовалъ, и зададимъ ему ходу.

— Не поздно ли теперь приниматься за розыски?

— Напротивъ, теперь самый удобный моментъ. Она спрятана, навѣрное, недалеко отъ насъ; успокоившись, что ее считаютъ умершей, она перестанетъ быть на-сторожѣ, будетъ выходить и въ одинъ прекрасный день попадетъ прямо къ намъ въ руки. Для этого надо усердно слѣдить за нею. Согласны вы взяться за это?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Ну, такъ слушайте: не щадите золота. Вы знаете, что это—ключъ, отмыкающій всѣ двери. Но будьте осторожны и терпѣливы; вы увидите, заблудшая овечка найдется черезъ недѣлю.

— Дай Богъ! Съ завтрашняго-же дня я принимаюсь.

— Прекрасно, я увѣренъ, что вы найдете ее.

Въ эту минуту послышался шумъ скачущей галопомъ лошади, затѣмъ вопросъ караульнаго: „Кто тамъ“?— послѣ чего съ трескомъ раскрылись и захлопнулись ворота дворца.

— Вотъ курьеръ!—сказалъ донъ Кристоваль.

— Что-жъ онъ медлитъ?—сказалъ донъ Мануэль въ нетерпѣніи,—что онъ тамъ дѣлаетъ на дворѣ?

Дверь кабинета открылась, и показался привратникъ.

— Курьеръ къ его превосходительству, губернатору! — доложилъ онъ съ поклономъ.

— Пусть войдетъ!

— Ваше превосходительство, онъ, бѣдный, весь измокъ, съ него просто течетъ вода и грязь!

— Ничего, пусть входитъ и сію же минуту!

Привратникъ раскрылъ дверь и пропустилъ человѣка, который пошелъ тяжелыми шагами, шатаясь, какъ пьяный и оставляя позади себя лужи грязи.

Донъ Мануэль и донъ Кристоваль сразу узнали его. Это былъ Матадіесъ, грозный бандитъ. Но въ какомъ ужасающемъ видѣ! Онъ еле держался на ногахъ отъ усталости, одежда на немъ висѣла клочьями; на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, тотчасъ-же образовалась громадная лужа грязи.

— Пить! — проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ,—трое сутокъ у меня ничего не было во рту!

По знаку дона Мануэля, привратникъ вышелъ и вскорѣ вернулся съ двумя пеонами, изъ которыхъ одинъ принесъ кресло, а другой подносъ, заставленный питьемъ и ѣдой.

— Сядьте сюда, — сказалъ донъ Мануэль, — и закусите: я подожду разспрашивать васъ, пока вы не подкрѣпите свои силы.

Бандитъ съ облегченіемъ опустился въ кресло и съ жадностью набросился на ѣду, совершенно забывъ, гдѣ онъ и кто передъ нимъ.

Въ какихъ-нибудь четверть часа съ подноса все исчезло.

— Ну что, вамъ теперь легче?—спросилъ донъ Мануэль бандита, утиравшаго ротъ рукавомъ.

— Да, ваша милость, я просто умиралъ съ голоду и усталости, но теперь alabado sea Dios! (слава Богу) все кончено; я готовъ отвѣчать вамъ!—и онъ, безъ церемоніи, взявъ со стола папиросу, закурилъ ее.

— Откуда вы?—спросилъ донъ Мануэль, какъ-бы не замѣчая вольности бандита.

— Изъ Марфильскаго ущелья.

— Ну?—вскричали разомъ оба человѣка.

— Ну, господа!—грубо отвѣтилъ онъ,—мы сами попали въ западню, которую приготовили для другихъ.

— Это что значитъ? — сердито воскликнулъ донъ Мануэль.

— На насъ напали врасплохъ; половина товарищей погибло, а другіе разбиты. А между тѣмъ, клянусь вамъ, мы дрались, какъ ягуары.

— Rayo de Dios! неужели это правда?—вскричалъ донъ Мануэль въ ярости.

— Подлецы этакіе, они пустились въ бѣгство при первомъ же выстрѣлѣ!

— Нѣтъ, ваша милость, — сказалъ бандитъ, — я говорю вамъ истинную правду. Только тридцать человѣкъ изъ нашихъ уцѣлѣли; враги били насъ безъ пощады. Я остался

въ живыхъ какимъ-то чудомъ; мнѣ удалось, съ помощью нѣсколькихъ товарищей, похитить донну Хезусъ, но...

— Гдѣ-же она? Надѣюсь, вы ея не убили?

— Донна Хезусъ въ настоящее время пребываетъ въ гасіендѣ дель Охо-де-Агуа, среди своихъ родителей и друзей.

— Несчастный! Вы подло измѣнили мнѣ!

— Я такъ и зналъ!—проговорилъ донъ Кристоваль.

Бандитъ пожалъ плечами.

— Я не измѣнникъ!—холодно отвѣтилъ онъ,—донну Хезусъ отнялъ отъ насъ проклятый охотникъ; онъ же убилъ моихъ спутниковъ. Мнѣ же, неизвѣстно по какой причинѣ, пощадилъ жизнь.

— Какъ, одинъ человѣкъ?—закричалъ донъ Мануэль.

— Да онъ издѣвается надъ нами!—сказалъ донъ Кристоваль.

— Я ни надъ кѣмъ не издѣваюсь,—возразилъ тотъ съ горечью;—а говорю правду, что онъ былъ одинъ. Но этотъ человѣкъ справится съ двадцатью людьми—это Кипящее-Сердце.

— Донъ Руисъ!—проговорилъ донъ Мануэль.

— Сынъ дона Фабіана де-Торре-Асуля, друга дона Порфиріо Сандоса!—сказалъ донъ Кристоваль.

— А! это ужасно, сама судьба идетъ противъ насъ.

— Ба!—проговорилъ донъ Кристоваль,—напуская на себя спокойствіе,—постараемся отомстить!

Вдругъ показался привратникъ съ докладомъ:

— Сеньоръ Наранха изволили пріѣхать.

— Наранха! вотъ кстати-то. Пусть идетъ скорѣй!

Весь измокшій отъ дождя, новоприбывшій вошелъ въ комнату и остановился передъ своимъ хозяиномъ.

— Есть новости?—спросилъ донъ Мануэль въ нетерпѣніи.

— Только одна!—лакопически отвѣтилъ Замбо.

— Важная?

— Судите сами, ваше превосходительство!

— Не виляйте, говорите прямо.

— Донъ Порфиріо Сандосъ идетъ на Уресъ, во главѣ многочисленнаго войска.

— Вы это навѣрное знаете?

— Навѣрное.

— Значитъ все потеряно! — воскликнулъ донъ Мануэль.

— Почемъ знать?—отвѣтилъ замбо насмѣшливо,—напротивъ, можетъ быть, все выиграно.

Донъ Мануэль посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Наранха ничего не отвѣтилъ, но только многозначительно взглянувъ на Матадіеса, который преспокойно курилъ папиросу.

— Подойдите сюда!—сказалъ губернаторъ бандиту.

Тотъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Слушайте, — сказалъ ему донъ Мануэль, — подите отдохните и выспитесь. Завтра я вамъ дамъ свои инструкціи; я вами очень доволенъ; вотъ возьмите это себѣ пока.

Онъ протянулъ ему кошелекъ, наполненный золотыми монетами. Въ глазахъ бандита сверкнула радость, и онъ весело отвѣтилъ губернатору:

— Сегодня, завтра и всегда я готовъ служить вашему превосходительству. Какъ я хорошо сдѣлалъ, что поступилъ къ вамъ на службу: вы такъ щедро оплачиваете услуги!

Затѣмъ онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— Теперь намъ бояться некого, говорите всю правду! — сказалъ донъ Мануэль, — лишь только дверь закрылась за бандитомъ.

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Наранха, присаживаясь.

Не станемъ входитъ въ подробности разговора, послѣдовавшаго между ними. Скажемъ только, что результатомъ его явились новые ужаснѣйшіе проэкты.

X. Вечерній разговоръ между двумя дѣвушками.

Въ то время, какъ донъ Мануэль де-Линаресъ, донъ Кристоваль Паломбо и замбо Наранха совѣщались во дворцѣ,

какъ бы имъ погубить дона Порфиріо Сандоса, съ другой стороны площади, въ кокетливой и уютной комнатѣ сидѣли и болтали двѣ дѣвушки; одна изъ нихъ покачивалась, сидя въ креслѣ, и курила тонкую папироску изъ душистаго табаку.

Ставни ихъ дома были наглухо заперты; спущенныя плотныя портьеры не давали внутреннему свѣту проникнуть наружу; всѣ двери были крѣпко заперты. Эти предосторожности показывали, насколько онѣ боялись нескромныхъ взглядовъ.

Въ этой комнатѣ находились донна Санта дель-Портильо, опекуномъ которой былъ Мануэль де Линаресъ и отъ тиранства котораго ей удалось избавиться, благодаря дону Торрибіо де-Ніебласъ. У одной изъ стѣнъ стояла кровать, приготовленная на ночь и обтянутая легкимъ пологомъ. На противоположной сторонѣ висѣла картина художественной работы, изображающая поклоненіе волхвовъ. Въ углу комнаты, за полуоткрытой шелковой занавѣсью, усѣянной серебряными звѣздами, виднѣлась статуя Богоматери, изъ бѣлаго мрамора; тутъ стояли свѣчи и висѣла теплящая лампадка на серебряной цѣпочкѣ.

Вдоль третьей стѣны стоялъ бауль въ стилѣ Renaissance, на которомъ лежалъ какой-то инструментъ, въ родѣ мексиканской мандолины, потомъ стояла роскошная жардиньерка, ежедневно наполнявшаяся живыми цвѣтами; затѣмъ висячіе часы и венеціанское зеркало шестнадцатаго столѣтія; въ большихъ промежуткахъ и въ серединѣ комнаты были разбросаны турецкіе диванчики и креслица, съ плотными персидскими подушками.

Тутъ были также разные столики, на которыхъ виднѣлись журналы, ноты, перчатки, вѣера, флакончики и прочія принадлежности молоденькихъ дѣвушекъ, и, конечно, піанино Soufleto дополняло обстановку.

Рядомъ съ этой комнатой устроена была уборная, и затѣмъ комната камеристки.

Таково было гнѣздышко донны Санты.

Молодую особу, сидящую на другомъ креслѣ, звали

Лолла-Нера. Это была красивая метиска, почти ровесница донны Санты, которую она очень любила. Лолла-Нера служила ей въ качествѣ камеристки и была ея подругой и въ то же время—наперсницей.

Лука Мендесъ, не забывавшій ни о чемъ, позаботился, какъ бы облегчить доннѣ Сантѣ ея одиночество, а потому и представилъ ей Лоллу-Неру, которую та встрѣтила съ радостью и сразу полюбила. Съ этой минуты донна Санта почувствовала себя счастливой и горячо благодарила старика за такой пріятный сюрпризъ.

Нѣсколько минутъ между дѣвушками царило молчаніе.

— Что же вы не ложитесь, нинья? — спросила Лолла-Нера, чтобы прервать молчаніе.

— Рано еще! мнѣ не хочется спать!

Немного погодя, она добавила, смахнувъ своимъ розовымъ ноготкомъ пепелъ съ папиросы.

— Такъ ты встрѣтила его?

— Кого? — лукаво спросила камеристка, — Луку Мендеса?

— Злая! — ты прекрасно знаешь, о комъ я говорю! — сказала она, сдвинувъ слегка брови.

— О немъ, не правда ли?

— Да!—отвѣтила она совсѣмъ тихо.

— Я встрѣтила его.

— Сколько разъ?

— Четыре, и все на томъ-же мѣстѣ.

— Гдѣ именно?

— Вѣдь я же говорила вамъ послѣ каждой встрѣчи.

— Я забыла.

Лолла-Нера улыбнулась.

— У второй исповѣдальни, налѣво отъ входа въ церковь!—сказала она.

— Такъ; и онъ говорилъ съ тобой?

— Конечно, каждый разъ.

— Что же онъ говорилъ тебѣ?

Лолла-Нера, видя, что ея хозяйка нарочно прикидывается

такой забывчивой, отвѣтила съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, но шаловливо:

— Онъ сказалъ мнѣ; „Сеньорита, мнѣ необходимо поговорить, хотя бы одну минуту, съ вашей прелестной хозяйкой“....

— Ты увѣрена, что онъ сказалъ „прелестной“?

— Я повторяю вамъ буквально, — сказала компаньонка смѣясь,—не измѣняя ни одного слова.

— Ну, хорошо, продолжай!

— „Мнѣ опасно оставаться въ этихъ мѣстахъ но я нарочно пріѣхалъ сюда ради ея“.

— Что ему нужно отъ меня, милая Лолла?

— Не знаю; только сегодня онъ вотъ что еще сказалъ: „Скажите своей госпожѣ, что мои враги догадываются о моемъ присутствіи въ Уресъ. Я рискую жизнью, оставаясь здѣсь, но ни за что не уѣду, не повидавшись съ нею“.

— Бѣдный молодой человѣкъ!

— И такой красивый, такой храбрый, и гордый!

— Ты однако хорошо разсмотрѣла его!

— У меня на то и глаза, нинья; да и какъ же я могла бы узнавать его, еслибы не смотрѣла на него?

— Правда, я совсѣмъ сумасшедшая.

— Нѣтъ, но вы забывчивы!

— Ты говоришь, что его жизнь въ опасности?

— Это не я говорила, а онъ.

— Бѣдный молодой человѣкъ!—повторила Санта.

— Очень можетъ быть, что онъ такъ добивается свиданія съ вами, желая оказать вамъ большую услугу.

— Оказать услугу, мнѣ?

— Ваше теперешнее положеніе вовсе не такъ безопасно; онъ вѣроятно хочетъ дать вамъ полезный совѣтъ. Чтобы вы тамъ ни говорили, однако онъ спасъ вамъ жизнь уже два раза.

— Лолла, вы забываетесь.

— Вотъ какъ! развѣ я говорю неправду?

— Я не говорю этого; но вы знаете, что я должна

скрываться; вы знаете, до какой степени мой опекунъ ненавидитъ этого молодога человѣка.

Лолла-Нера пожала плечами.

— Но дѣвушка семнадцати лѣтъ, прекрасная собой, какъ вы, нинья, не можетъ никого ненавидѣть; ненависть—старческая страсть.

— Я не ненавижу дона Торрибіо.

— Какое счастье!—сказала камеристка насмѣшливо.

— Ахъ! если бы только это зависѣло отъ меня!

— Отъ кого же это и зависитъ, какъ не отъ васъ?

— Эхъ! точно ты не знаешь, что я не смѣю выходить.

— Исключая къ обѣднѣ.

— Лолла!

— Нинья!

— Ты представляешься, будто не понимаешь меня, на самомъ же дѣлѣ отлично знаешь, что я хочу сказать.

— Да, я знаю дорогая Санта! Но знаю также и то, что молодость—весна жизни. время счастья, и что губы семнадцатилѣтней дѣвушки должны раскрываться лишь для сладкихъ звуковъ любви. Что намъ за дѣло до ненависти, заговоровъ и разныхъ несчастій?! Намъ все улыбается, все радуетъ насъ и манитъ къ счастью!

— Цвѣты благоухаютъ только для насъ! для насъ дуетъ легкій вѣтерокъ сквозь деревья, сіяетъ солнце, на синемъ небѣ; для насъ поютъ птички и свѣтитъ луна на небесномъ звѣздномъ сводѣ; и, вѣтерокъ, и солнце, и луна, и звѣзды, все, все нашептываетъ намъ на своемъ таинственномъ нарѣчіи эти четыре слова, рѣшающія жизнь и счастье женщины; „люби и будь любима“. А вы создаете себѣ химеры и мучаетесь, между тѣмъ счастье совсѣмъ близко отъ васъ.

— Лолла, я вамъ приказываю замолчать!

— Хорошо, я буду молчать, нинья, если хотите, но это не помѣшаетъ дону Торрибіо, позабыть, чѣмъ онъ рискуетъ ради его любви, къ вамъ. Онъ окруженъ врагами и страшными опасностями, но ему все ни почемъ, лишь бы увидѣть

васъ на одно мгновеніе и сказать вамъ слово, которое можетъ быть еще разъ спасетъ васъ.

— Ну?—проговорила она въ волненіи.

— Какъ! вы не понимаете, въ какой опасности находится этотъ человѣкъ ради васъ? Не чувствуете, что его сердце принадлежитъ вамъ, что онъ любитъ васъ?!

— Ахъ!... ты ошибаешься; онъ просто добръ, онъ интересуется мной, такъ какъ видитъ, что я страдаю...

— О! если бы это было возможно!

— Провѣрьте свое сердце: оно отвѣтитъ вамъ.

— Если хочешь, ты говорить правду, Лолла: я знаю, что онъ любитъ меня, онъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Но я боялась повѣрить такому счастью. Теперь же, я понимаю, я его чувствую, вотъ тутъ! — добавила Санта, приложивъ руку къ сердцу, учащенныя біенія котораго приподнимали ея дѣвственную грудь.

— А вы?

— Я горжусь, я счастлива!

— И только?—улыбнулась метиска.

— Ты хочешь, что бы я все сказала тебѣ?—проговорила донна Санта, сильно покраснѣвъ.

— Хочу, да, дорогая Санта!

— Ну, такъ знай же правду, зачѣмъ я буду скрывать отъ тебя: я тоже люблю его, я отдала бы жизнь мою за него.

Она заплакала; потомъ слезы перешли въ сдержанныя рыданія.

— Зачѣмъ плакать, безцѣнная моя Санта? — утѣшала ее Лолла-Нера, осыпая нѣжными ласками, на которыя способны однѣ женщины. — Вѣдь этой любви улыбаются сами ангелы! — Когда вы почувствовали, что любите дона Торрибіо?

— Я сама не знаю, мнѣ кажется, что я всегда любила его. Когда я увидѣла его въ первый разъ на палубѣ корабля, такого гордаго, спокойнаго, не смотря на ураганъ и бурю, ободряющаго всѣхъ несчастныхъ, столпившихся около него, я мгновенно узнала его; мое сердце переполнилось, по всему

*

моему существу пробѣжала невѣдомая дрожь, и какой-то тайный голосъ вказалъ мнѣ на ухо: „Это онъ!“ Наши взгляды встрѣтились; я почувствовала, какъ отъ его взгляда точно что-то вспыхнуло въ моемъ сердцѣ, съ той минуты и поняла, что принадлежу ему всецѣло, что онъ властелинъ мой и что только отъ него зависитъ мое счастье.

— А вы, госпожа?—спросила Лолла спокойнымъ тономъ.

— Онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, даже не сдѣлалъ намека, хотя, мнѣ кажется сразу догадался о моей любви. Я чувствую, что онъ любитъ меня такъ же, какъ и я его; настоящая страсть не ошибается; у нея является своего рода предвидѣніе, все понимается, все угадывается, когда любишь.

— Что можетъ быть выше вашего счастья: любить и быть любимой?! Вы не можете жить одинъ безъ другого, а вы не рѣшаетесь... Вѣдь надо же предпринять что-либо относительно дона Торрибіо? вы отказываетесь отъ свиданія съ нимъ?

— Ахъ! что мнѣ дѣлать! Лука Мендесъ приказалъ, ты сама знаешь почему, не.....

— Извините, нинья, но теперь нечего думать ни о Лукѣ Мендесѣ, ни объ осторожности.... думайте о своей любви!

— Увы!—проговорила тихо дѣвушка.

— Когда любишь, то не разсуждаешь, а дѣйствуешь. Войдите въ его ужасное положеніе; подумайте, чему онъ подвергается ради того, чтобы увидѣть васъ и переговорить съ вами, а вы еще колеблетесь!

— Ты, моя милая, очень интересуешься имъ, какъ я вижу.

— Еще бы, вѣдь онъ любитъ васъ, а ваше равнодушіе можетъ довести его до отчаянія. Если вы не согласитесь на свиданіе съ нимъ, то можете натолкнуть его на какой-нибудь роковой шагъ и сами будете потомъ раскаиваться такъ какъ вы одна будете виноваты.

— Ты неумолима!

— Что же васъ останавливаетъ?

— Невозможность.

— Невозможность чего, нинья?

— Этого свиданія, точно ты не понимаешь!

— Я ничего не понимаю, нинья.

— Развѣ ты не знаешь, что я, такъ сказать, плѣнница въ этомъ домѣ, что я не смѣю выходить, не принявъ всевозможныхъ предосторожностей, и то только въ церковь?

— Ну, такъ что же?

— Какъ, ты хочешь, чтобы я нарушила честное слово, и приняла бы дона Торрибіо здѣсь, у себя?! Во первыхъ, моя репутація будетъ потеряна, а главное, его могутъ узнать, а тогда мы оба погибли.

— Да я вовсе и не говорю, чтобы вы позволили ему придти сюда; но вѣдь вы ходите въ Мерседскую церковь, къ шестичасовой обѣднѣ?

— Ты сама знаешь, что хожу, разъ ты меня сопровождаешь туда каждый день.

— Ну, такъ слушайте. Въ такой ранній часъ почти всѣ спятъ еще, не исключая и вашего опекуна, который будетъ себѣ преспокойно почивать у себя во дворцѣ; и насъ никто не узнаетъ, тѣмъ болѣе, что мы, по обыкновенію, укутаемся съ головы до ногъ.

— Ну?

— Завтра вы пойдете къ обѣднѣ, въ шесть часовъ утра?

— Конечно, какъ всегда!

— Такъ хотите, я вамъ дамъ совѣтъ?

— Давай, голубчикъ; если онъ хорошъ, я исполню его.

— Отлично; вотъ что я сдѣлала бы на вашемъ мѣстѣ: завтра я пошла бы къ обѣднѣ, прослушала бы ее съ усердіемъ; по окончаніи же ея, вмѣсто того чтобы выйти изъ церкви, вошла бы въ исповѣдальню, да вотъ, напримѣръ, хоть въ ту, которая рядомъ съ Богоматерью.

— Отчего же непремѣнно въ исповѣдальню, и именно въ эту, а не въ другую?

— Если вы еще не поняли, сеньорита, безполезно и объяснять вамъ! —отвѣтила дѣвушка съ насмѣшливой улыбкой.

Наступило короткое молчаніе, донна Санта покраснѣла какъ піонъ; по ея учащенному дыханію видно было, что въ ней происходила сильная борьба.

— Ты демонъ, Лолла!—проговорила она наконецъ.

— Демонъ, который васъ любитъ, дорогая нинья, и желаетъ вамъ счастья.

Пробило полночь. Дѣвушки разстались на ночь.

Десять минутъ спустя Лолла-Нера спала крѣпкимъ сномъ; что же касается донны Санты, то она, помолившись Богу, долго ворочалась съ боку на бокъ и только къ двумъ часамъ утра сомкнула глаза отъ усталости, съ именемъ дона Торрибіо на устахъ.

На слѣдующій день все произошло такъ, какъ говорила Лолла-Нера.

Прослушавши обѣдню, дѣвушка, дрожа отъ страха, проскользнула въ исповѣдальню, дверь которой камеристка открыла передъ нею.

Черезъ полчаса она вышла оттуда счастливая и улыбающаяся; ей удалось увидѣться съ своимъ возлюбленнымъ и, несмотря на толстую стѣну, раздѣлявшую ихъ, они обмѣнялись нѣсколькими словами, столь дорогими для любящихъ сердецъ.

— Пойдемъ,—сказала она Боллѣ-Нерѣ отрывистымъ голосомъ,—о! какъ я счастлива! я все разскажу тебѣ.

— Опустите вуаль, нинья!—отвѣтила ей дѣвушка.

Донна Санта улыбнулась, тотчасъ же опустила вуаль, и обѣ дѣвушки стали поспѣшно переходить площадь, столкнувшись почти лицомъ къ лицу съ дономъ Кристовалемъ Паломбо и Наранхой, которые такъ и не замѣтили ихъ, упустивъ изъ подъ самаго носу.

Черезъ пять минутъ молодой человѣкъ, переодѣтый въ солдата, тоже вышелъ изъ церкви и на минуту остановился у одной изъ ея колоннъ; потомъ, взглянувъ многозначитель-

нымъ взглядомъ на дворецъ губернатора, усмѣхнулся и затѣмъ направился къ рѣкѣ большими шагами.

Донъ Кристовалъ и Наранха проѣхали совсѣмъ близко отъ него, разговаривая вполголоса, но не только не обратили на него вниманія а даже совсѣмъ не видѣли его: до такой степени они были поглощены своимъ разговоромъ.

Этотъ солдатъ былъ донъ Торрибіо де-Ніебласъ.

XI. Какимъ образомъ донъ Торрибіо добился свиданія съ домомъ Мануэлемъ и послѣдствіе этого свиданія.

Было около трехъ часовъ пополудни.

Жители Уреса, сидѣвшіе до сей поры по домамъ, взаперти, вслѣдствіе невыносимой жары, начали понемногу открывать ставни и двери своихъ квартиръ, лавокъ и магазиновъ; на улицахъ стали показываться монахи, солдаты, нищіе и даже негоціанты.

Однимъ словомъ, городъ сталъ постепенно принимать свою обычную внѣшность и оживленіе, но не веселость, такъ какъ, по своей малочисленности, Уресъ едва ли не самый скучный городъ въ Мексикѣ.

Донъ Мануэль де-Линаресъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, занятый подписью ордеровъ и депешей, которые ему передавалъ донъ Кристоваль Паломбо. Вдругъ послышался шумъ лошадей, въѣзжавшихъ во дворъ дворца.

— Что это? — спросилъ онъ у дона Кристоваля, кладя на столъ недочитанную депешу.

— Не знаю, пойду освѣдомлюсь, если хотите!

— Пожалуйста; меня что-то безпокоитъ пріѣздъ этихъ всадниковъ!

Донъ Кристоваль всталъ и вышелъ.

Онъ былъ въ отсутствіи не болѣе пяти минутъ; все это время донъ Мануэль не отрывалъ устремленнаго взгляда на дверь.

— Ну, — спросилъ онъ, лишь только тотъ показался, — кто это?

— Удивительно, дорогой донъ Мануэль, какъ вѣрны ваши предчувствія!

— А что?

— Я готовъ держать пари на тысячу, что вы не отгадаете, кто именно хочетъ непремѣнно видѣть васъ.

— Я не расположенъ отгадывать загадки, — рѣзко сказалъ донъ Мануэль;—потрудитесь объяснить, кто это; врагъ вѣрно?

— Да, и одинъ изъ самыхъ опасныхъ.

— Имя его?

— Донъ Торрибіо де-Ніебласъ.

— Донъ Торрибіо, здѣсь! — вскричалъ въ изумленіи губернаторъ.

Донъ Мануэль заходилъ въ волненіи по своему кабинету.

— Что ему нужно отъ меня? — спросилъ онъ, вдругъ остановившись.

— Я спрашивалъ у него, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что лично все передастъ вамъ. Сказать ему, что вы согласны принять его?

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ,—мнѣ нужно сначала узнать его намѣренія.

— Я тоже такъ думаю.

— Съ другой стороны, донъ Торрибіо де-Ніебласъ — дворянинъ, и я обязанъ ему; отказъ можетъ оскорбить его; лучше принять.

— Такъ я скажу ему?..

— Что я къ его услугамъ; когда онъ войдетъ, я васъ попрошу удалиться.

— Вы рѣшаетесь остаться одинъ съ этимъ человѣкомъ?

— Отчего же нѣтъ? Вѣдь, онъ уже два раза спасъ мнѣ жизнь! Не съ цѣлью же убійства онъ явился сюда?! Къ тому же, этотъ человѣкъ въ высшей степени благороденъ; я ничего не имѣю лично противъ него; ну, идите же!

Донъ Кристоваль вышелъ съ поклономъ.

Вскорѣ затѣмъ доложили:

-- Сеньоръ донъ Торрибіо де-Ніебласъ.

— Просите войти!—сказалъ донъ Мануэль.

Донъ Торрибіо показался.

Донъ Мануэль всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу съ самымъ любезнымъ видомъ и улыбкой на губахъ.

— Другъ или недругъ, очень радъ васъ видѣть, сеньоръ донъ Торрибіо де-Ніебласъ!

Молодой человѣкъ поклонился и сѣлъ въ кресло, которое ему подкатилъ служитель.

Донъ Торрибіо былъ въ богатомъ и элегантномъ мексиканскомъ костюмѣ, который очень шелъ къ нему, художественно облегая его станъ.

Онъ подождалъ, пока привратникъ вышелъ, затѣмъ, вѣжливо обратившись къ дону Мануэлю, началъ:

— Сеньоръ донъ Мануэль де-Линаресъ, вы встрѣтили меня словами: „другъ или недругъ, очень радъ вамъ". Не скажете ли вы мнѣ откровенно, что вы этимъ хотѣли сказать?

— Съ удовольствіемъ, кабаллеро! Эти слова означаютъ, что, несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія между нами, я чувствую къ вамъ искреннюю симпатію и что, каковы бы ни были мотивы вашего визита, все таки я радъ вамъ и счастливъ видѣть васъ.

— Благодарю васъ за такое дружеское объясненіе, сеньоръ! я въ восторгѣ и теперь могу надѣяться, что все, что у васъ въ сердцѣ имѣется дурного противъ меня, изгладится. Я же лично, сознаюсь, до сихъ поръ не могу понять той ненависти, которую вы выказывали мнѣ. Но, считая васъ за врага, я готовъ говорить съ вами почти какъ съ другомъ.

— У меня связаны прекрасныя воспоминанія съ вашей личностью, донъ Торрибіо, ради которыхъ я не могу быть вашимъ врагомъ. Постараюсь доказать вамъ это на дѣлѣ, когда къ тому представится случай. Теперь же прошу васъ

объяснить мнѣ настоящую цѣль вашего визита; надѣюсь, что вы явились ко мнѣ не для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе видѣть васъ, хотя мнѣ это и очень пріятно.

— Дѣйствительно, донъ Мануэль, мой визитъ имѣетъ другую, серьезную причину: я посланъ къ вамъ моимъ другомъ, дономъ Порфиріо Сандосомъ.

— Что ему угодно отъ меня?—спросилъ донъ Мануэль, насторожившись.

— Донъ Порфиріо, сеньоръ, поздравляетъ васъ съ ловкостью, которую вы обнаружили въ pronunciamento, чтобы занять мѣсто, принадлежащее ему.

— А! а! донъ Порфиріо поздравляетъ меня?

— Совершенно искренно, сеньоръ, — спокойно отвѣтилъ донъ Торрибіо,—ему было рѣшительно все равно, быть или не быть губернаторомъ Соноры: вы знаете, что донъ Порфиріо не честолюбивъ.

— Зачѣмъ же онъ тогда хлопоталъ объ этомъ губернаторствѣ?

— Это по другимъ соображеніямъ, сеньоръ.

— Могу я узнать, какихъ именно?

— Я нарочно пріѣхалъ къ вамъ, сеньоръ, чтобы сообщить ихъ вамъ.

— Какъ вы любезны, сеньоръ, примите заранѣе всю мою благодарность!

Оба человѣка вѣжливо раскланялись, какъ два дуэлиста передъ выстрѣлами.

— Пожалуйста, соблаговолите!

— Сію минуту я буду имѣть честь объяснить вамъ, сеньоръ!

— Отлично, кабаллеро, я слушаю васъ!

— По извѣстнымъ причинамъ, о которыхъ я не стану теперь распространяться, сеньоръ донъ Порфиріо Сандосъ преслѣдуетъ двадцать лѣтъ какую-то, ему одному извѣстную цѣль съ необыкновеннымъ упорствомъ, свойственнымъ лишь его расѣ; затѣмъ онъ рѣшилъ во что бы то ни стало уничтожить страшный союзъ бандитовъ, которые разоряютъ

Мексику; я долженъ сказать вамъ правду, сеньоръ, что усердно помогаю ему въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ вы называете этотъ союзъ?

— О! онъ очень извѣстенъ, къ сожалѣнію: это союзъ Платеадосовъ.

— Вы съ griefомъ Порфиріо затѣяли трудную вещь. сеньоръ! Всѣ мексиканскія власти старались о томъ же, и все напрасно; и вы ничего не добьетесь.

— Вы думаете?—спросилъ донъ Торрибіо насмѣшливо.

— Убѣжденъ!

— На чемъ же вы основываете такую увѣренность?

— На томъ, что донъ Порфиріо пробылъ мѣсяцъ правителемъ Соноры.

— Я не понимаю васъ, сеньоръ.

— Сейчасъ поймете: въ теченіе этого мѣсяца донъ Порфиріо со своими друзьями успѣли перерыть архивы всѣхъ городовъ Соноры.

— А!—проговорилъ донъ Мануэль презрительно.

— Когда все было перерыто, вы себѣ представить не можете, какія любопытныя свѣдѣнія оказались въ рукахъ дона Порфиріо. Да, эти Платеадосы очень смѣлые и ловкіе бандиты. Я больше не удивляюсь, что они такъ легко увертываются отъ преслѣдованія правительства, — они сильнѣе его. Но странно, ихъ глава еще не додумался сдѣлать революцію ради своей выгоды и объявить себя независимымъ.

Молодой человѣкъ слѣлалъ особенное удареніе на послѣднихъ словахъ, съ такой злой усмѣшкой, отъ которой дону Мануэль не поздоровилось.

— А! онъ отыскалъ такія драгоцѣнныя свѣдѣнія въ этихъ архивахъ! я и не зналъ этого; надо-бы и мнѣ заглянуть въ нихъ.

— О! теперь это было бы безполезно. Вы бы тамъ ничего не нашли,

— Отчего это, позвольте спросить?

— А потому, что донъ Порфиріо Сандосъ добился правленія въ Сонорѣ исключительно для того, чтобы отыскать

эти документы, и, конечно, разъ они очутились въ его рукахъ—поспѣшилъ спрятать ихъ въ вѣрное мѣсто.

— А! — проговорилъ донъ Мануэль сдавленнымъ голосомъ.

— Итакъ, вы видите, что вамъ не стоитъ терять время на безполезные поиски!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Этотъ фактъ весьма важенъ.

— Донъ Порфиріо отвѣтитъ передъ кѣмъ слѣдуетъ; но это еще не все.

— Что-же еще?

— Розыскивая документы Платеадосовъ, донъ Порфиріо нашелъ другую вещь: объясненіе, чѣмъ мотивировалось его путешествіе въ Апачерію, во время котораго вы такъ ловко лишили его правленія; но онъ очень смѣялся.

— Онъ смѣялся надъ моихъ pronunciamento?

— Отъ всего сердца. Это убѣдило его въ томъ, что все, что онъ узналъ, оказалась правда.

— Какъ это?

— Вы торопитесь?

— Я? нисколько! Отчего вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Потому что, если вы можете подарить мнѣ еще нѣсколько минутъ, я разскажу вамъ очень интересную исторію.

— Говорите, милѣйшій донъ Торрибіо, вы такъ хорошо умѣете разсказывать! Въ чемъ же дѣло?

— Оказывается, что храбрые индѣйцы, Апачи, Сіуксы и Павніи — Волки, которые болѣе десяти лѣтъ оставались спокойными и жили въ мирѣ съ мексиканцами, теперь сильно забунтовались. Они вошли въ сношенія съ извѣстными негодяями, которые замышляютъ объявить себя независимыми отъ Мексики и приготовляются соединиться съ ними и напасть массою на границы въ нѣсколькихъ пунктахъ заразъ.

— О! о! дѣло принимаетъ серьезный оборотъ,—сказалъ донъ Мануэль, вздрагивая, что не ускользнуло отъ глазъ молодого человѣка;— но увѣрены ли вы въ точности этихъ извѣстій?

— Я не имѣю обыкновенія говорить неправду, сеньоръ!

— Но, соглашаясь съ вами въ важности этихъ фактовъ, позвольте вамъ замѣтить, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, что бы могли приписать лично мнѣ, или обвинить меня.

— Совершенно вѣрно, сеньоръ, по я еще не кончилъ!

— А! — проговорилъ губернаторъ сверкнувъ глазами на молодого человѣка,—пожалуйста скажите, въ чемъ это обвиненіе?

— Извольте, сеньоръ; только позвольте поправить ваше выраженіе: я не формулировалъ никакого обвиненія противъ васъ, да и не брался за это. Но я взялся передать вамъ только то, что говорятъ; слухи-же такъ и останутся слухами, если не найдется несомнѣнныхъ доказательствъ для положительныхъ уликъ.

— Слушаю.

— Колдуны, о громадномъ вліяніи которыхъ на индѣйскія племена вамъ хорошо извѣстно, пустили слухи, что теперь наступилъ срокъ для исполненія пророчествъ, данныхъ свыше ихъ предками; что бѣлые будутъ навсегда изгнаны съ американскаго материка, на которомъ возстановится господство Инковъ.

— Гмъ! какія странныя пророчества!

— Развѣ вы ничего не знали о нихъ, сеньоръ?

— Гмъ! а вы, сеньоръ Торрибіо?

— Я—иностранецъ!

— Да, это правда. Но даю вамъ слово, я слышу отъ васъ о нихъ въ первый разъ.

— Значитъ, вы не знаете, что они прибавляютъ?

— Рѣшительно ничего и буду въ восторгѣ узнать это.

— Говорятъ… вы видите, все та-же формула. Итакъ, говорятъ, что священный огонь, довѣренный императоромъ Монтесумой передъ его смертью одному изъ его вѣрныхъ друзей, нашелся, и что серебряная коробочка, въ которой онъ хранился, будетъ представлена счастливымъ обладателемъ ея всѣмъ начальствующимъ лицамъ, въ полномъ со-

бранія на общій совѣтъ; потомъ этотъ человѣкъ, указанный пророками, приметъ на себя команду надъ всѣми войсками краснокожихъ и будетъ признанъ ими какъ единственный и законный наслѣдникъ Монтесумы.

— Все это очень фантастично: легенда недурно придумана; и имя этого человѣка называютъ?

— Да, называютъ, серьоръ, и не только по поводу этого дѣла, но его упоминаютъ вездѣ, гдѣ вопросъ идетъ о грабительствахъ и пожарахъ.

— Какъ, говорятъ....—вырвалось у дона Мануэля противъ его желанія.

— Говорятъ, что этотъ человѣкъ — душа заговора, что онъ главный зачинщикъ, и все дѣлается по его наущеніямъ!

— Но, вѣдь это возмутительная, гнусная клевета! — вскричалъ губернаторъ.

— Такъ вы знаете, кто этотъ человѣкъ, сеньоръ? вѣдь я, кажется. не называлъ его?

— Но, вы сами, сеньоръ донъ Торрибіо, откуда вы набрались такихъ свѣдѣній?—сказалъ губернаторъ съ перекосившейся улыбкой, желая скрыть свое волненіе.

— Не я набиралъ ихъ сеньоръ, это донъ Порфиріо Сандосъ. Лично мнѣ ничего не извѣстно; онъ же многое узналъ во время своего пребыванія въ Охо-де-Агуа теперь у него масса доказательствъ; нѣсколько негодяевъ которые такъ измѣннически напали на него въ Марфильскомъ ущельѣ, попали къ нему въ руки и много чего поразсказали ему.

— Развѣ можно вѣрить словамъ подлыхъ бандитовъ?— сказалъ донъ Мануэль, пожавъ плечами.

— Конечно, нельзя, сеньоръ, но эти слова подтверждаются документами, которые хранятся у дона Порфиріо. На трупѣ Лопеса де-Карденаса нашли портфель, наполненный самыми компрометирующими бумагами.

— Какъ, донъ Лопесъ де-Карденасъ убитъ!—вскричалъ донъ Мануэль, позеленѣвъ отъ ужаса.

— Да, выстрѣломъ, когда онъ явился въ Тубакъ шпіо-

нить за донъ Порфиріо!—небрежно отвѣтилъ молодой человѣкъ, крутя папиросу.

Донъ Мануэль вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

Воцарилось молчаніе, продолжавшееся три четыре минуты; наконецъ, онъ поднялъ голову, и, бросивъ угрожающій взглядъ на молодого человѣка,—сказалъ онъ со злостью.

— Хорошо, разъ оно такъ, — зачѣмъ же вы явились сюда и какъ осмѣлились сдѣлать это?

— Сеньоръ кабаллеро,—отвѣтилъ донъ Торрибіо, нисколько не испугавшись его грубой выходки, — я бы могъ совсѣмъ не отвѣчать вамъ на подобную дерзость. Но я явился сюда съ цѣлью предложить вамъ мировую, а потому даже оскорбленіе съ вашей стороны не остановить меня на полпути.

— Предложить мнѣ помириться? — изумился донъ Мануэль.

— Да, кабалеро; иначе, чѣмъ же объяснить мое присутствіе здѣсь?

— Я не понимаю васъ, сеньоръ; ваша дружба къ дону Порфиріо, моему заклятому врагу, содѣйствіе, которое вы ему оказываете, говорятъ сами за себя.

— Вотъ здѣсь-то вы и ошибаетесь, сеньоръ донъ Мануэль. Я иностранецъ, и мнѣ нежелательно было бы вмѣшиваться въ чужія распри; донъ Порфиріо Сандосъ оказалъ мнѣ громадныя услуги. Что же касается васъ, то вы сами признаете ко мнѣ нѣкоторую признательность. И я рѣшился на слѣдующее: ставъ между вами, постараться прекратить эту ненависть, которая раздѣляетъ васъ, найти такое средство примиренія, которое оказалось бы удобнымъ и выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Это такъ просто, справедливо и честно, я убѣжденъ, что всѣ остались бы довольны.

— Вы поражаете меня: вы-то ради чего интересуетесь этимъ дѣломъ?

— По весьма важной причинѣ, сеньоръ: я хочу помирить двухъ людей, которые, хотя и при разныхъ обстоятельствахъ, были мнѣ полезны.

— Прекрасная цѣль! — проговорилъ донъ Мануэль насмѣшливо.

— Пусть между вами и дономъ Порфиріо существовала страшная, неумолимая ненависть, я не отрицаю этого, но эта ненависть, не прекращающаяся столько лѣтъ, дала слишкомъ много жертвъ съ той и съ другой стороны.

— Но что же вы хотите сказать?

— Сеньоръ донъ Мануэль де-Линаресъ, — сказалъ донъ Торрибіо съ сильнымъ удареніемъ на каждомъ словѣ,—если эта ненависть дѣйствительно существовала, теперь, слава Богу, она угасла!

— Угасла!—воскликнулъ донъ Мануэль, подпрыгнувъ на стулѣ.

— Со стороны дона Порфиріо, по крайней мѣрѣ! — спокойно отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Какъ, онъ забылъ?

— Все, кромѣ одного!

— А именно?

— Что вы оба—мексиканцы, преданные своему отечеству, что этому отечеству грозитъ опасность со стороны дикихъ язычниковъ, что вы должны соединиться и идти рука объ руку, чтобы защищать его. Повторяю вамъ сеньоръ, донъ Мануэль, ненависть дона Порфиріо навсега готова исчезнуть. Есть доказательство, которое убѣдитъ васъ, что я говорю правду.

— Доказательство! гдѣ же оно, донъ Торрибіо?

— Если бы донъ Порфиріо Сандосъ захотѣлъ уничтожить васъ, онъ давно добился бы этого. Вмѣсто того, чтобы хранить у себя бумаги, въ которыхъ заговорщики и бандиты ссылаются на васъ, какъ на своего руководителя, кто ему мѣшаетъ представить эти бумаги куда слѣдуетъ, присоединивъ къ нимъ секретные документы, въ которыхъ значится имя человѣка, претендующаго незаконно завладѣть престоломъ Инковъ, и изложены всѣ планы и средства для исполненія этого преступнаго замысла?

— Онъ не сдѣлалъ этого!—пробормоталъ донъ Мануэль дрожащимъ голосомъ.

— Не сдѣлалъ по своему благородству; онъ находитъ недостойнымъ себя, даже подлымъ доносить на васъ, своего врага!

— Онъ былъ бы гораздо великодушнѣе, еслибы принесъ эти бумаги сюда, и я уничтожилъ бы ихъ передъ вашими глазами!

— Конечно, — отвѣтилъ донъ Торрибіо съ ироніей; — но разъ эти ужасныя доказательства будутъ уничтожены, то онъ останется безоружнымъ передъ вами. Донъ Порфиріо еще не увѣренъ въ вашихъ добрыхъ намереніяхъ, чтобы сдѣлать столь непростительную глупость.

— Значитъ вы мнѣ предлагаете условія? — сказалъ донъ Мануэль дрожащимъ отъ злости голосомъ.

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ, донъ Порфиріо желаетъ мира.

— Приготовляясь вмѣстѣ съ вами къ войнѣ?

— Мы только обороняемся: вспомните о западнѣ въ Марфильскомъ ущельѣ!

— Не я устраивалъ ее!

— Не стану спорить; но все-же вы допустили ее; а гасіенда дель Пальмаръ, на которую вы пробовали напасть?

— Я не знаю, на что вы намекаете. Я, въ свою очередь, тоже буду откровененъ съ вами, сеньоръ донъ Торрибіо. Вы полагаете, что я вѣрю въ ваши добрыя намѣренія, о которыхъ вы говорите тѣкъ краснорѣчиво; вы просто выдумали предлогъ, чтобы явиться сюда; неужели вы думаете, что я не знаю вашихъ продѣлокъ?

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я знаю, что вы проживаете скрытно въ Уресѣ уже шесть дней. Ради какой цѣли? я догадываюсь. Но, смотрите, берегитесь, чтобы мои предположенія не перешли въ увѣренность.

— Вы угрожаете мнѣ, сеньоръ?

— Можетъ быть, отвѣчу и я вамъ. Но помните, что между нами всякое примиреніе невозможно: васъ и всѣхъ вашихъ друзей я всегда буду считать своими врагами. Знай-

те, что я неусыпно буду слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ и разстрою всѣ ваши проэкты, направленные какъ противъ меня, такъ и противъ извѣстныхъ особъ моего семейства, на которыхъ вы осмѣлились обратить ваше особенное вниманіе.

— Это ужъ слишкомъ, сеньоръ! подобные намеки я считаю за оскорбленіе какъ лично для себя, такъ и для той особы, которую я глубоко уважаю. Разъ вы объявляете войну, хорошо, мы принимаемъ вызовъ. Мы сдѣлали послѣднюю попытку удержать васъ на краю бездны. Теперь пеняйте сами на себя!

— Давно бы такъ; наконецъ-то мы поняли другъ друга, сеньоръ донъ Торрибіо де-Ніебласъ! Возвращайтесь-ка къ вашему другу, дону Порфиріо Сандосъ, и передайте ему нашъ разговоръ: я не желаю принимать его милостей, а равно и самъ не дамъ ему пощады. Что же касается вашего путешествія въ Уресъ, ради секретной цѣли, вы ея не добьетесь.

— Довольно, сеньоръ; я удаляюсь! — отвѣтилъ молодой человѣкъ съ язвительной улыбкой.

— Такъ прощайте-же, сеньоръ донъ Торрибіо, — сказалъ губернаторъ и добавилъ съ сарказмомъ; — повѣрьте мнѣ, самое лучшее, если вы послѣдуете моему совѣту—убраться по добру, по здорову въ двадцать четыре часа. Предупреждаю васъ, что по истеченіи этого срока ваше пребываніе здѣсь подвергается опасности лично для васъ, конечно!

— Я уѣду, когда мнѣ заблагоразсудится, сеньоръ,—гордо отвѣтилъ молодой человѣкъ; — ничто не можетъ ускорить или задержать моего отъѣзда! Прощайте, донъ Мануэль де Линаресъ! Помните, что я вамъ предлагалъ миръ, и вы сами отвергли его!

Губернаторъ пожалъ плечами.

Донъ Торрибіо вышелъ.

— Позвать сюда дона Кристоваля Паломбо! — распорядился донъ Мануэль.

— Нельзя терять ни минуты,—проговорилъ онъ, остав-

шись одинъ;—эти черти разузнали все, неизвѣстно какими путями. Выбора для меня не можетъ быть. Надо дѣйствовать рѣшительно; иначе, я погибъ! Что же касается прекраснаго юноши, влюбленнаго въ мою воспитанницу, то я услѣжу его, голубчика, Но, не лучше ли было бы...; но, нѣтъ, еще не поздно! Что бы тамъ ни было, доведемъ дѣло до конца. Слава Богу, я еще не побѣжденъ!

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ донъ Кристоваль.

— А, — сказалъ губернаторъ, повернувшись къ нему, — теперь мы одни, мнѣ много о чемъ надо переговорить съ вами!

XII. Въ которой Лука Мендесъ является въ новомъ свѣтѣ.

Донъ Мануэль де-Линаресъ со страхомъ слѣдилъ, какъ все возставало противъ него. Его разговоръ съ дономъ Торрибіо де-Ніебласомъ нанесъ ему послѣдній ударъ, убѣдивъ въ томъ, что его враги не только не считали себя побѣжденными, но, напротивъ, готовы были объявить ему открытую войну; они вывели на свѣтъ всѣ его козни, обнаружили его заговоры и, конечно, имъ были извѣстны остальныя темныя дѣла его.

Къ тому же, они должны были чувствовать за собою большую силу, разъ донъ Торрибіо позволилъ себѣ такъ нахально явиться къ нему во дворецъ.

Имъ овладѣлъ невыразимый страхъ. Только надежда на мщеніе спасла его отъ припадковъ бѣшенства, угрожавшихъ ежеминутно его жизни.

Когда донъ Мануель пришелъ въ себя и хладнокровно подумалъ о своемъ положеніи, онъ сознался, что оно оказывалось почти безвыходнымъ; но, со свойственнымъ ему упрямствомъ, составлявшимъ отличительную черту его характера, онъ рѣшилъ дѣйствовать съ новой энергіей.

Немедленно созвавъ своихъ вѣрныхъ сообщниковъ, На-

ранху, дона Кристоваля Паломбо, дона Бальтазара Турпида и проч., онъ принялся за дѣло.

Состоялся совѣтъ, на который былъ приглашенъ Лука Мендесъ, въ качествѣ секретаря. На этомъ совѣтѣ рѣшили, что губернаторъ сброситъ маску и открыто станетъ домогаться исполненія своихъ революціонныхъ проектовъ. Платеадосы разсчитывали на свои силы, благодаря своимъ обширнымъ связямъ и ловкимъ сообщникамъ, чтобы объявить войну мексиканскому правительству и принудить его войти съ ними въ соглашеніе.

Три дня спустя со всѣхъ сторонъ Соноры начали сходиться войска къ Уресу. Городъ оживился и наполнился людьми; вскорѣ собралось около четырехъ тысячъ человѣкъ, пѣхоты и артиллеріи, все прекрасно вооруженныхъ и снабженныхъ всевозможными припасами.

Между жителями распространился слухъ, что это приготовленія къ войнѣ съ индѣйцами; и всѣ радовались возможности поколотить своихъ непримиримыхъ враговъ.

Каково же было ихъ изумленіе и безпокойство, когда утромъ черезъ два дня, они увидѣли, что войска вступили къ нимъ въ городъ, переполнили всѣ кварталы и, съ барабанами и музыкой во главѣ, выстроились на главной площади, передъ дворцомъ губернатора; а артиллерія заняла всѣ входы въ улицы, съ заряженными пушками и зажженными фитилями.

Черезъ десять минутъ съ трескомъ раскрылись дворцовыя ворота и показался губернаторъ верхомъ на великолѣпной лошади, въ полной генеральской формѣ. Онъ въѣхалъ на площадь въ сопровожденіи блестящаго штаба.

Войска, повинуясь командѣ, двинулись со всѣхъ сторонъ, образовавъ огромный непроницаемый кругъ, среди котораго очутился губернаторъ со своимъ штабомъ.

Губернаторъ, послѣ громкаго привѣтствія солдатъ, подалъ знакъ къ молчанію, и, развернувъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, собрался приступить къ чтенію. Вдругъ донъ Кристоваль Паломбо, гарцовавшій недалеко отъ него въ адью-

тантскомъ костюмѣ, нагнулся къ нему и быстро сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Губернаторъ поднялъ голову и посмотрѣлъ съ безпокойствомъ вокругъ себя.

— Это правда!—проговорилъ онъ.

Потомъ, обратясь къ одному изъ командующихъ офицеровъ, прибавилъ:

— Полковникъ, кажется, здѣсь какъ будто не всѣ войска?

— Дѣйствительно, сеньоръ губернаторъ,—отвѣтилъ офицеръ, кланяясь,—не хватаетъ одного полка кавалерійцевъ, двухъ ротъ артиллерійцевъ и одного пѣхотнаго батальона. Но зато намъ удалось завербовать всѣ гражданскіе корпуса, они на лицо, всѣ, безъ исключенія.

— Да, я знаю. Но почему тѣ не явились? Кажется, вамъ отданъ былъ приказъ по этому поводу, полковникъ?

— Все, что зависѣло отъ меня, я исполнилъ по приказанію вашего превосходительства. Я явился въ казармы съ...

— Говорите короче, кабаллеро; намъ некогда выслушивать длинныя рѣчи!—рѣзко прервалъ его губернаторъ.

— Извольте! скажу въ двухъ словахъ: они не хотѣли даже выслушать меня, казарму заперли, а полковникъ отказался принять меня.

— Хорошо, кабаллеро; мы обойдемся пока безъ нихъ; а потомъ посчитаемся съ ними.

Затѣмъ губернаторъ принялся за чтеніе бумаги.

Содержаніе ея состояло въ подстрекательствѣ къ гражданской войнѣ; правительство представлялось въ ужасныхъ краскахъ: обвинялось во взяточничествѣ, деспотизмѣ и проч.; оплакивалась несчастная страна, терпѣвшая столь постыдное иго; взывалось ко всѣмъ добрымъ гражданамъ, чтобы они постояли за свою свободу; имъ обѣщались золотыя горы, если они соединятся подъ знаменами человѣка, который клялся возвратить имъ свободу и наградить ихъ всѣми благами міра. Много еще чего говорилось въ этой бумагѣ; но всѣ эти напыщенныя фразы годны были лишь для того,

чтобы ими заткнуть ротъ дуракамъ, повѣрившимъ этимъ фразамъ.

Солдаты выслушали эту многословную рѣчь съ примѣрнымъ терпѣніемъ, конечно, не понявъ ни одного слова. И какъ только чтеніе было окончено, со всѣхъ сторонъ раздались громкія восклицанія. Тутъ же, какъ было заранѣе условлено, донъ Мануэль де-Линаресъ былъ провозглашенъ президентомъ республики трехъ штатовъ, спасителемъ отечества и диктаторомъ; мексиканское же правительство поставили внѣ закона, какъ это практиковалось при каждомъ pronunciamento: мексиканцы очень опытны въ этихъ дѣлахъ.

Затѣмъ послѣдовало назначеніе офицеровъ.

Всѣхъ произвели въ слѣдующій чинъ, а солдатамъ роздали по два піастра.

Въ заключеніе церемоніи къ жителямъ обратились съ напыщенной прокламаціей, до которой имъ въ сущности было мало дѣла. Такимъ образомъ въ Уресѣ произошла революція.

Новое правительство сейчасъ же дало знать себя, ознаменовавъ свое вступленіе насильственнымъ займомъ у богатыхъ комерсантовъ и мѣстныхъ банкировъ.

Каждое правительство нуждается въ деньгахъ для устройства и весьма естественно, что достаетъ ихъ тамъ, гдѣ можетъ, т. е. беретъ у тѣхъ, кто имѣетъ ихъ. Къ тому-же, мѣстные обыватели, привыкшіе съ незапамятныхъ временъ къ pronunciamento, заранѣе знали, чѣмъ кончится эта исторія; а потому заплатили съ покорностью.

Въ общемъ, всѣ остались довольны результатомъ pronunciamento: президентъ и его сообщники были удовлетворены; народъ спокойно согласился на все; негоціанты и банкиры выдали деньги, не сказавъ ни слова. Все шло прекрасно; толчекъ былъ данъ, оставалось только слѣдовать по намѣченному пути.

Но, къ несчастью, дѣло почти тотчасъ же приняло дурной оборотъ, неизвѣстно по какой причинѣ, къ великому удивленію новыхъ правителей.

Прошло какихъ-нибудь два, три часа. Вдругъ во всѣхъ улицахъ города появились баррикады. Во всѣхъ церквахъ забили въ набатъ; послышался трескъ пальбы и выстрѣловъ изъ пушекъ. Однимъ словомъ, въ Уресѣ произошло форменное возстаніе; всюду дрались съ остервенѣніемъ.

Какъ же это случилось? Откуда внезапная перемѣна въ городѣ, обыкновенно такомъ тихомъ и безмятежномъ?

Сейчасъ объяснимъ все; но для этого заглянемъ нѣсколько назадъ.

Разставшись съ дономъ Мануэлемъ, донъ Торрибіо отправился къ своимъ спутникамъ, ожидавшимъ его на лошадяхъ, во дворѣ дворца.

Небольшое войско медленно проѣзжало черезъ главную площадь; въ тотъ моментъ, когда оно поровнялось съ однимъ изъ домиковъ, въ окнѣ послѣдняго приподнялась тюлевая занавѣска; въ образовавшееся отверстіе проскользнула маленькая ручка и пустила цвѣтокъ такъ ловко, что онъ упалъ прямо на плащъ молодого человѣка; одновременно съ этимъ послышался прелестный голосокъ, который пролепеталъ съ необыкновенною нѣжностью только одно слово, которое для влюбленнаго имѣетъ столько прелести.

— Recuerdo. (Сувениръ)!

Донъ Торрибіо прильнулъ къ цвѣтку губами и, устремивъ пылающій взглядъ на таинственное окошечко, тихо отвѣтилъ:

— Carino!—(Дорогая!)

— Siempre tuya! (Всегда твоя!)

Послѣднія слова долетѣли какъ шелестъ до очарованныхъ ушей молодого человѣка; затѣмъ ручка исчезла,—и занавѣсь снова спустилась.

Донъ Торрибіо тяжело вздохнулъ, поцѣловалъ цвѣтокъ, и, спрятавъ его на сердце, поѣхалъ дальше.

Вскорѣ маленькое войско остановилось. Донъ Торрибіо, посовѣтовавшись со своими спутниками, рѣшилъ распустить ихъ; каждый поѣхалъ въ свою сторону; начальникъ остался одинъ.

Пришпоривъ коня, онъ скоро выѣхалъ за предѣлы города.

Окрестности Уреса въ высшей степени живописны; но дону Торрибіо некогда было любоваться пейзажемъ; онъ то и дѣло подгонялъ свою лошадь; онъ упорно искалъ чего то глазами, но все не находилъ.

Онъ скакалъ галопомъ по берегу рѣки Соноры, покрытомъ роскошною растительностью около часа, и вдругъ остановился, посмотрѣвъ вокругъ себя испытующимъ взглядомъ. Убѣдившись, что не ошибся, онъ взялъ лѣвѣе и среди массы зелени, въ которой онъ утопалъ, сразу отыскалъ тропинку и рѣшительно въѣхалъ въ нее, пришпоривъ коня. Черезъ десять минутъ онъ очутился на узкомъ песчаномъ берегу. Напротивъ, на разстояніи одного выстрѣла, высился довольно большой островъ, покрытый густымъ лѣсомъ.

Молодой человѣкъ пустилъ лошадь въ воду и, отнявъ уздечку, сказалъ:

— Ищи бродъ!

Умное животное, предоставленное самому себѣ, понюхало воду, потомъ вдругъ двинулось въ сторону и увѣренно пошло впередъ. Черезъ пять минутъ оно уже подходило къ острову, не замочивъ даже подпругъ сѣдла.

Проѣхавъ нѣсколько минутъ по берегу, донъ Торрибіо направился къ грудѣ скалъ, за которыми скрылся; найдя опять тропинку, онъ углубился по ней въ чащу лѣса и вскорѣ выѣхалъ на лужайку, на краю которой виднѣлась палатка; у входа ея стоялъ человѣкъ, облокотившійся на ружье; это былъ Лука Мендесъ. Замѣтивъ дона Торрибіо, онъ улыбнулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу. Донъ Торрибіо сейчасъ же соскочилъ съ лошади, далъ ей корму и подошелъ къ Лукѣ Мендесу.

Старикъ не имѣлъ почти ничего общаго съ тѣмъ человѣкомъ, котораго мы представили читателю въ началѣ нашей исторіи. Все въ немъ измѣнилось. Хотя человѣкъ оставался тотъ же, но это не былъ больше знакомый намъ Лука Мендесъ; въ немъ появилась гордость, рѣшительность и

властность, которыхъ донъ Торрибіо раньше не замѣчалъ въ немъ и которыя очень удивили его и произвели на него сильное впечатлѣніе. Самъ не зная по чему, донъ Торрибіо волновался, видя старика совсѣмъ преобразившимся; онъ чувствовалъ къ нему и уваженіе, и дружбу, и участіе, не отдавая себѣ отчета.

Лука Мендесъ былъ въ изящномъ охотничьемъ костюмѣ, красиво облегавшемъ его станъ.

Онъ вторично улыбнулся, замѣтивъ удивленіе молодого человѣка, на лицѣ котораго читалъ, какъ въ книгѣ, каждое движеніе его души.

— Ну, пойдемъ!—сказалъ онъ ему.

Онъ вошелъ первый въ палатку. Столъ состоявшій изъ доски, положенной на два боченка, былъ покрытъ дичью, ветчиной и проч., было также нѣсколько бутылокъ французскаго вина и бутылка коньяку; два деревянныхъ обрубка замѣняли собою стулья.

— Закусимъ, — сказалъ Лука Мендесъ; — вы навѣрное проголодались послѣ такой долгой ѣзды, ваша милость!

— И очень даже!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, съ улыбкой кивнувъ головой, точно желая отогнать преслѣдовавшія его мысли.

Но и во время ѣды онъ былъ озабоченъ. Лука Мендесъ не спускалъ съ него глазъ.

— Вы удивлены?—спросилъ онъ.

— Признаюсь!—откровенно отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Перемѣнѣ, происшедшей во мнѣ?

— Вы угадали; эта перемѣна такъ велика, что я насилу узналъ васъ.

— Хорошо, — сказалъ старикъ съ загадочной улыбкой; но это еще не все: вы увидите нѣчто другое! А эта невѣроятная перемѣна? Она очень естественна, ваша милость. Скоро я достигну цѣли, которой добиваюсь многіе годы. Я сдержалъ свое обѣщаніе, исполнивъ клятву, данную двадцать лѣтъ тому назадъ; удовлетвореніе, которое я испы-

тываю, думая о желанномъ результатѣ, совершенно преображаетъ меня.

— Странная метаморфоза! — задумчиво проговорилъ молодой человѣкъ.

— Подождите еще нѣсколько дней, и она будетъ доведена до конца.

— Вы знаете, Лука Мендесъ, я до сихъ поръ все еще не могу понять васъ.

— Потерпите еще немного, и вамъ все станетъ ясно!

— Это ваше дѣло; но во всемъ этомъ меня интригуетъ одна вещь: мнѣ иногда кажется, что вы и донъ Порфиріо преслѣдуете одну и ту же цѣль.

— Почемъ знать?—сказалъ старикъ съ страннымъ выраженіемъ.

— Ну, хорошо! черезъ нѣсколько дней я, наконецъ, все узнаю.

— Вѣроятно,

— Слава Богу, меня не касается эта ненависть и месть; я счастливъ, что ничего подобнаго не испытываю; я одинъ на свѣтѣ, мнѣ не у кого спрашивать никакихъ отчетовъ.

— Почемъ знать? — снова сказалъ старикъ, пристально посмотрѣвъ на него.

— Что вы этимъ хотите сказать? — удивился молодой человѣкъ.

— Ничего, ваша милость, это я самъ съ собой говорю,

— Какъ я радъ, а то вы меня напугали; но,—проговорилъ онъ, опоражнивая бокалъ,—не пора-ли намъ позаняться дѣлами?

— Я къ вашимъ услугамъ, ваша милость! Донъ Мануэль приказалъ собрать всѣ войска, состоящія при Уресѣ, около четырехъ тысячъ человѣкъ; но изъ нихъ по крайней мѣрѣ, тысяча шестьсотъ перешли на нашу сторону; они не тронутся изъ казармъ до пріѣзда дона Порфиріо.

— Отлично! черезъ двое сутокъ донъ Порфиріо приведетъ войско въ тысячу сто человѣкъ, солдатъ и охотниковъ. Оно нагрянутъ на непріятеля, какъ снѣгъ на голову. Да,

на этотъ разъ негодяю не сдобровать! Однако, какъ онъ хитеръ!

— Да, онъ хитритъ и изворачивается двадцать лѣтъ, долженъ-бы кажется устать. А у васъ не имѣется людей?

— Извините! я набралъ двѣсти пятьдесятъ охотниковъ, храбрыхъ и преданныхъ людей, съ Касторомъ во главѣ; по одному моему знаку они всѣ готовы положить за меня головы.

— Эти луговые охотники—вѣрные люди, на нихъ смѣло можно разсчитывать. Но и изъ нихъ двое измѣнили вамъ!

— Правда, Редблудъ и Матадіесъ; но первый убитъ дономъ Руисомъ, а что сдѣлалось съ другимъ, я не знаю.

— А я знаю, потому что слѣжу за нимъ.

— Значитъ, мнѣ нечего и безпокоиться?

— Нѣтъ, это ужъ мое дѣло!

— А ваши охотники гдѣ?

— Вотъ уже шесть дней, какъ они скрываются въ самомъ Уресѣ.

— Чортъ побери; но вѣдь это слишкомъ рискованно, развѣ вы не боитесь, что ихъ накроютъ?

— Я за нихъ спокоенъ: всѣ они осторожны и не пошевелятся безъ моего приказа! Донъ Порфиріо явится черезъ два дня; надо предупредить, чтобы онъ еще не показывался; мы не можемъ ничего предпринять ранѣе четырехъ дней.

— Отчего?

— Потому что только черезъ четыре дня донъ Мануэль сброситъ съ себя маску и заставитъ солдатъ провозгласить себя президентомъ распублики трехъ штатовъ: Соноры, Синалои и Аризоны.

— Это верхъ безумія!

— Нѣтъ, это результатъ вашего визита къ нему. Онъ хочетъ попробовать окончательно раздавить дона Торрибіо, пока тотъ еще не раздавилъ его самого.

— Это ужасно!

— Донъ Мануэль дошелъ до такого состоянія, что вы-

нужденъ прибѣгать къ отчаяннымъ мѣрамъ въ надеждѣ на спасеніе.

— Неужели?

— Вы знаете, мнѣ все хорошо извѣстно.

— Меня часто удивляетъ, до какой степени донъ Мануэль довѣряетъ вамъ.

— Это мой секретъ, ваша милость. Но будемъ лучше говорить о дѣлахъ, скоро намъ надо разстаться!

— Говорите, Лука Мендесъ, теперь вы приказываете.

— Вы смѣетесь, ваша милость!

— Нисколько; я въ восторгѣ, что, въ силу обстоятельствъ, послѣ того какъ вы были моимъ слугой, вы дѣлаетесь равнымъ мнѣ, и очень возможно, что скоро сдѣлаетесь моимъ повелителемъ.

— Наша жизнь состоитъ изъ контрастовъ. Вы поймете это, ваша милость, когда будете постарше. Знайте только, что что-бы ни было, я останусь навсегда вашимъ другомъ. А пока скажите дону Порфиріо, чтобы онъ напалъ на Уресъ врасплохъ, въ этотъ четвергъ, т. е. черезъ четыре дня, въ пять часовъ вечера, за часъ до заката солнца, ни раньше, ни позже, и пусть не безпокоится о томъ, что произойдетъ въ тотъ день въ городѣ.

— Все будетъ исполнено, какъ вы сказали; черезъ два часа Пепе Ортисъ выѣдетъ на встрѣчу къ дону Порфиріо.

— Отлично; куда вы спрятали своихъ охотниковъ?

— Они теперь на шкунѣ, которую я нарочно нанялъ.

— Они не сойдутъ на землю?

— Только нѣкоторые, на которыхъ я наиболѣе полагаюсь.

— Въ какой остеріи (гостинницѣ) они остановятся?

— У Домингуэса, на набережной, почти напротивъ таможенной брантвахты.

— Я знаю ее; мѣсто удачно выбрано, и Домингуэсъ человѣкъ вѣрный; въ четвергъ, при закатѣ солнца, пусть ваши охотники высадятся, какъ можно осторожнѣе; чтобы не воз-

будить подозрѣній переодѣньте ихъ въ костюмы стрѣлковъ и ждите меня.

— Слушаю.

— Будьте осворожнѣе, а пока прощайте. Да, а если вы мнѣ понадобитесь до четверга, гдѣ я могу найти васъ?

— На моей шкунѣ! Я не выйду оттуда до послѣдней минуты.

— Итакъ, рѣшено. До свиданія, донъ Торрибіо! Скоро вы убѣдитесь, до какой степени я преданъ вамъ! — прибавилъ старикъ въ сильномъ волненіи.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, извините меня, до свиданія!

— До свиданья, Лука Мендесъ, желаю вамъ успѣха!

— Теперь наша судьба въ рукахъ Бога! — проговорилъ старикъ въ раздумьѣ.

Черезъ десять минутъ донъ Торрибіо, перейдя рѣку, въѣзжалъ въ лѣсъ.

— Четыре дня еще!—сказалъ Лука Мендесъ, провожая взглядомъ молодого человѣка,—четыре дня, и потомъ!... О, Господи! помоги мнѣ! Тебѣ одному извѣстно, что я началъ эту борьбу не изъ мести только! Справедливость должна восторжествовать, надѣливъ каждаго по заслугамъ.

Онъ вошелъ въ палатку и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда, перемѣнивъ костюмъ, а черезъ часъ уже въѣзжалъ въ Уресъ.

XIII. Въ которой донъ Порфиріо Сандосъ мститъ за себя съ мечемъ въ рукѣ.

Солнце садилось въ багровыхъ облакахъ, и почти тотчасъ же день смѣнился ночью. Въ это время изъ лѣсу выѣзжалъ всадникъ, который былъ никто иной, какъ нашъ знакомецъ Пепе Ортисъ, направлявшійся къ Урусу.

Внезапная темнота нисколько не смутила юношу: въ тропическихъ странахъ всѣ привыкли къ такому явленію. Къ

тому же его глаза скоро освоились съ темнотой и онъ видѣлъ довольно ясно, чтобы вѣрно держать путь.

Подъѣхавъ къ густой чащѣ, онъ остановился и два раза свиснулъ по совиному.

Почти тотчасъ же со всѣхъ сторонъ ему отвѣтили такими же криками, точно онъ вспугнулъ цѣлую стаю совъ; вслѣдъ за тѣмъ начали появляться всадники и молча становиться за нимъ въ ряды; всѣ въ мундирахъ стрѣлковъ; самъ же Пепе Ортисъ былъ въ капитанскомъ мундирѣ.

— Сколько насъ?—спросилъ онъ сдержаннымъ голосомъ.

— Пятьдесятъ, — отвѣтилъ ему лейтенантъ по голосу котораго можно было узнать, что это былъ донъ Руисъ Ториллась де-Торре-Асуль, — больше я не успѣлъ собрать, но зато каждый изъ нихъ стоитъ троихъ по своей храбрости и честности.

— Благодарю васъ отъ имени дона Торрибіо и дона Порфиріо!

— Не стоитъ благодарности; итакъ, сегодня ночью?

— Сію минуту, ваша милость; наши войска уже заварили кашу, а донъ Порфиріо ждетъ условнаго сигнала, чтобы нагрянуть со стороны Ариспы.

— А намъ что дѣлать?

— Мы присоединимся къ дону Торрибіо; онъ теперь сидитъ въ остеріи подлѣ рѣчки. Вы больше никого не ждете?

— Нѣтъ, всѣ мои люди здѣсь!

— Ну, въ такомъ случаѣ, — сказалъ Пепе Ортисъ, принимая тонъ командира и обнажая саблю,—направо, по четыре въ колонну и маршъ скорѣй рысью!

Лишь только маленькое войско удалилось, изъ кустовъ выпрыгнулъ человѣкъ и пустился вслѣдъ за всадниками, приговаривая съ злорадствомъ:

— Молодецъ, Маталіесъ! вотъ дураки-то: разсказываютъ громко о своихъ дѣлахъ среди дороги. Vive Cristo! если на этотъ разъ донъ Мануэль не заплатитъ мнѣ по крайней мѣрѣ ста унцій, то будетъ неблаг...

Бандитъ не успѣлъ окончить: въ воздухѣ взвилась веревка и, стянувши ему шею, поволокла его за лошадью, мчавшейся во весь духъ. Онъ всячески отбивался, стараясь освободиться отъ петли, но все напрасно; его тѣло, ежеминутно зацѣплявшееся за кусты, превратилось въ сплошную рану, и вскорѣ онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Тогда всадникъ остановился, удостовѣрился въ смерти бандита, снялъ съ него веревку и, сѣвъ па сѣдло, поѣхалъ по направленію къ городу.

— Такъ тебѣ и надо, несчастный шпіонъ,—проговорилъ онъ,—ты наказанъ по заслугамъ; упокой, Господи, его душу!

И онъ набожно перекрестился.

Этотъ всадникъ былъ Лука Мендесъ.

Пока бывшій служитель дона Торрибіо расправлялся съ шпіономъ, Пепе Ортисъ во главѣ своего войска въѣзжалъ въ городъ.

Ночь была темная, улицы пустынны; всѣ жители позаперлись у себя, ежеминутно вздрагивая отъ выстрѣловъ, доносившихся изъ центра города, гдѣ шла ожесточенная битва.

Пепе Ортисъ, прекрасно изучившій Уресъ, повелъ свое войско, по узкой и грязной улицѣ, въ тотъ кварталъ, гдѣ находились казармы и велѣлъ имъ загородить входы въ улицы. Затѣмъ, взялъ съ собою шесть человѣкъ, онъ направился къ кабачку, въ которомъ офицеры часто собирались поиграть, попить и повеселиться. Пепе Ортисъ былъ увѣренъ, что и теперь многіе изъ нихъ не утерпятъ, чтобы хоть на нѣсколько минутъ не забѣжать въ кабачокъ послѣ получки денегъ отъ дона Мануэля, которыя тотъ раздавалъ по случаю pronunciamento.

Онъ пошелъ въ кабачекъ и вызвалъ самаго хозяина, который, узнавши, что его спрашиваетъ капитанъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, не осмѣлился ослушаться и поспѣшилъ выйти къ нему.

— Что вамъ угодно, капитанъ? — спросилъ онъ, искоса поглядывая на Пепе Ортиса.

— Что ты предпочитаешь,—вдругъ сказалъ ему тотъ,—получить десять унцій, или погибнуть? Выбирай скорѣй, безъ разсужденій!

— Сагаї; конечно, лучше получить десять унцій. Что нужно для этого?

— Сколько теперь офицеровъ въ твоей конурѣ?

— Двадцать или двадцать-пять самое большее, ваша милость!

— Ты лжешь, навѣрное больше!

— Нѣтъ, ваша милость; теперь кажется дерутся, имъ и то очень трудно оставить свой постъ. Да, если вы сомнѣваетесь, провѣрьте сами!

— Ну, ладно! Сдѣлай такъ, чтобы черезъ пять минутъ они всѣ вышли!

— Это не трудно: я имъ скажу, что ихъ требуютъ во дворецъ.

— Это ужъ твое дѣло, но ты долженъ ихъ выпроводить! Понялъ?

— Слушаю, ваша милость. И я получу десять унцій?

— Вотъ онъ, бери; но берегись; если ты меня обманешь, тебя ждетъ смерть.

— Обмануть васъ, ваша милость! Не безпокойтесь! Вы слишкомъ щедры для этого! Къ тому-же я ихъ не знаю, этихъ офицеровъ; мнѣ до нихъ рѣшительно все равно!

— Имъ не сдѣлаютъ никакого зла. Иди-же, я жду здѣсь!

Намъ неизвѣстно, что именно придумалъ трактирщикъ; но офицеры стали выходить по два, по три, и всѣ попались въ ловушку.

Пепе Ортисъ, забравъ ихъ, заставилъ идти впереди войска.

— Знаете мой другъ Пепе Ортисъ,—сказалъ ему донъ Руисъ Торилласъ,—вамъ пришла блестящая идея; солдаты; лишенные начальниковъ, уже наполовину побѣждены. Жаль, что вы не забрали ихъ еще больше!

— Это не моя вина, ваша милость: я и то сдѣлалъ, что могъ!—добродушно отвѣтилъ юноша.

Донъ Руисъ засмѣялся.

— Если такъ будетъ продолжаться, я думаю, мы попируемъ!—сказалъ онъ.

— Я убѣжденъ въ этомъ, — отвѣтилъ Пепе Ортисъ. — Вотъ вы увидите!

— Разговаривая, они незамѣтно доѣхали до остеріи Домингуэса; ворота мгновенно открылись, чтобы впустить ихъ и тотчасъ же захлопнулись за ними: видно было, что ихъ давно ожидали.

Донъ Торрибіо, стоя подлѣ Домингуэса, держащаго въ рукѣ фонарь, видѣлъ всѣхъ маршировавшихъ всадниковъ.

— О! о!—сказалъ онъ Пепе, съ какой ты большой компаніей. Гдѣ ты навербовалъ столько храбрыхъ товарищей?

— Это не я набралъ, а донъ Руисъ де-Ториллась!—отвѣтилъ Пепе.

— Донъ Руисъ де-Торриллась, развѣ онъ здѣсь?

— Здѣсь, сеньоръ, и весь къ вашимъ услугамъ! —отвѣтилъ молодой человѣкъ, выступая впередъ вмѣстѣ со своимъ Негро.

— Очень радъ видѣть васъ, — искренно воскликнулъ донъ Торрибіо,—ваше присутствіе сослужитъ намъ великую службу. Я имѣю честь быть другомъ вашего отца....

— Я надѣюсь, донъ Торрибіо, что вы не откажете и мнѣ въ вашей дружбѣ. Что касается меня, то мое пламенное желаніе—сдѣлаться вашимъ другомъ!

— Я былъ уже имъ, еще не зная васъ, донъ Руисъ!

— А теперь?

— Вотъ моя рука!

— Какъ я радъ!—весело воскликнулъ донъ Руисъ.

Молодые люди крѣпко пожали другъ другу руки и поцѣловались.

Затѣмъ, предшествуемые Домингуэсомъ, донъ Руисъ, донъ Торрибіо и Пепе Ортисъ вошли въ довольно обширную комнату и размѣстились по скамейкамъ.

Снаружи доносился страшный шумъ; стрѣльба все становилась сильнѣе.

— Мнѣ думается, что намъ сейчасъ дадутъ сигналъ! — сказалъ донъ Торрибіо.

— Дай Богъ!—отвѣтилъ его новый другъ.

— Такъ мнѣ надо поторопиться!—сказалъ Пепе Ортисъ,— запрятать подальше дичь, которую я подобралъ по пути.

— Что! о какой дичи ты говоришь?

— О! пустяки, двадцать солдатъ, до двадцать-пять офицеровъ-мятежниковъ!

— Молодецъ! тебѣ часто приходятъ прекрасныя мысли!

— Я это и самъ знаю,—сказалъ онъ смѣясь,— но только признаюсь, эти господа очень стѣсняютъ меня. Куда я ихъ дѣну?

— Есть о чемъ тревожиться! Домингуэсъ, не найдется ли у васъ мѣстечка для этихъ плѣнниковъ?

— Сколько угодно, сеньоръ!—отвѣчалъ хозяинъ,—задняя стѣна моей гостинницы выходитъ прямо на рѣку. Дайте сигналъ, и сюда сейчасъ же подплыветъ лодка, въ которую мы и спустимъ голубчиковъ черезъ окошко.

— Какъ мѣшки съ пшеницей! Домингуэсъ, вы неоцѣнимы! Ты слышишь, Пепе; не теряй же времени, мой другъ.

— Пепе тотчасъ же вышелъ съ хозяиномъ остеріи. Молодые люди остались одни.

Донъ Торрибіо сильно безпокоился, думая о доннѣ Сантѣ; одна, въ миленькомъ домикѣ, на главной площади, она подвергалась большимъ опасностямъ; тамъ долженъ быть самый разгаръ сраженія.

Такъ прошло полчаса; они оба молчали, каждый думая о своемъ.

Пепе Ортисъ возвратился съ Домингуэсомъ.

— Кончено, — сказалъ онъ, — мѣшки спущены благополучно, наконецъ-то я развязался съ ними!

— Одно слово, Домингуэсъ!—сказалъ донъ Торрибіо.

— Радъ служить вашей милости! — отвѣтилъ хозяинъ кланяясь.

— Сначала возьмите себѣ вотъ это — сказалъ молодой человѣкъ, протягивая ему кошелекъ;—вѣрный счетъ дружбы

не портитъ; вѣдь мы условились за пятьдесятъ унцій, не правда-ли?

— Да, ваша милость.

— Въ этомъ кошелькѣ шестьдесятъ! итакъ, мы теперь квиты!

— Какъ вы добры, сеньоръ донъ Торрибіо; служить вамъ доставляетъ удовольствіе. Итакъ, я теперь вашъ должникъ! — добавилъ хозяинъ съ ласковой и почтительной улыбкой.

— Нисколько, вы были вѣрны, я остался доволенъ вами! Я доказываю вамъ это, награждая васъ. Вамъ извѣстенъ пароль?

— Да, ваша милость; онъ былъ сообщенъ при мнѣ полковнику Искіердо самимъ губернаторомъ.

— О! о! какой же онъ?

— Santiago, ampare la Patria!

— Гмъ! это почти испанскій возгласъ во время войны. Впрочемъ, не все ли равно?! Благодарю васъ;—и, повернувшись къ Пепе прибавилъ,—пойди, посмотри все ли оружіе въ порядкѣ и скажи отъ меня Кастору, чтобы онъ велѣлъ своимъ людямъ садиться на лошадей; торопись, намъ навѣрное сейчасъ дадутъ сигналъ.

Предчувствіе дона Торрибіо не обмануло его. Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ вышелъ Пепе Ортисъ. Вдругъ послышались удары въ ставни одного изъ оконъ той комнаты, гдѣ сидѣли молодые люди.

Донъ Торрибіо тотчасъ же всталъ и, подбѣжавъ къ окну, стукнулъ въ его ставни три раза, два раза подрядъ, и разъ, погодя немного. Снаружи послышался едва уловимый голосъ.

— Liberta, Santa!

— Ni oro, niplata! — тотчасъ же отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Ni engano!—возразилъ тотъ же голосъ.

Донъ Торрибіо подалъ знакъ Домингуэсу, который сейчасъ же вышелъ изъ залы и, открывъ калитку, пропустилъ

человѣка, проскользнувшаго въ нее, какъ змѣя; калитку тихонько заперли на задвижку.

— Вы готовы?—спросилъ этотъ человѣкъ, войдя въ залу и сбрасывая съ лица покрывало.

— Мы ждали васъ, Лука Мендесъ, съ большимъ нетерпѣніемъ!—отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Сколько у васъ всего человѣкъ?

— Триста пятьдесятъ, и все—люди вѣрные вооруженные съ головы до ногъ.

— Я не зналъ, что васъ такъ много!

— Донъ Руисъ Ториллаēъ привезъ намъ пятьдесятъ всадниковъ.

— Тѣмъ лучше, они пригодятся намъ! Бунтовщики дерутся отчаянно, и не пропади у нихъ часть офицеровъ, то неизвѣстно....

— Да, я то знаю, какъ Пепе Ортисъ поймалъ ихъ.

— Хорошо придумано! Благодаря Пепе мы можемъ выиграть сраженіе. Мятежники дерутся не на жизнь, а на смерть; зная, что имъ нечего ждать пощады, они не отступаютъ ни на шагъ, донъ Порфиріо уже недалеко отъ площади. Вотъ куда намъ надо проникнуть; раздѣлите ваше войско на два эскадрона, вы будете командовать первымъ, а донъ Руисъ—вторымъ.

— А вы?

— Я буду сопровождать васъ! Ну, скорѣй! — Только не забудьте внушить своимъ людямъ, чтобы они всѣ на сегодняшнюю ночь считали бы себя настоящими солдатами.

— А донъ Порфиріо?

— Когда мы завладѣемъ дворцомъ, я пущу ракету, послѣ которой онъ, а также генералъ Габаллосъ нагрянутъ на непріятеля.

— Итакъ, ѣдемъ, съ Божьей помощью!

Всѣ всадники сидѣли уже на сѣдлахъ, вооруженные копьями и ружьями. Образовались два эскадрона. Донъ Торрибіо сталъ во главѣ перваго съ Пепе Ортисомъ и Лукою Мендесомъ; донъ Руисъ и Касторъ впереди второго.

— Откройте ворота! — сказалъ донъ Торрибіо Домингуэсу.

Послѣдній исполнилъ приказаніе, — и всадники двинулись.

Ночь была совсѣмъ темная; не только не было луны, но даже ни одной звѣздочки не виднѣлось на небѣ. Всадники подвигались медленно, шагъ за шагомъ, боясь обратить на себя вниманіе

Но, не прошло и четверти часа, какъ при одномъ изъ поворотовъ, они замѣтили точно въ туманѣ красноватый свѣтъ и сыпавшіяся искры, среди которыхъ двигались неясныя тѣни; затѣмъ виднѣлась черная полоса, на которой показались другіе неподвижные силуэты; всадники догадались, что это—баррикада.

— Осторожнѣй!—сказалъ Лука Мендесъ сдержаннымъ голосомъ.

Охотники невольно вздрогнули, чувствуя предстоящую схватку, но продолжали подвигаться.

Когда они приблизились шаговъ на тридцать отъ баррикады, на нихъ прицѣлили ружья и раздался чей-то громкій голосъ:

— Кто, идетъ?

— Свои!—отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Кто такіе?—продолжалъ голосъ.

— Стрѣлки изъ Гвадалахары!

Произошелъ небольшой перерывъ. За баррикадой задвигались.

Въ это время человѣкъ тридцать солдатъ сошли съ лошадей, которыхъ спрятали въ аріергардѣ; сами же, пѣшіе, стали за дономъ Торрибіо.

Затѣмъ выступилъ офицеръ за паролемъ.

— Santiago, empare la Patria! — отвѣтилъ донъ Торрибіо.

— Вѣрно,—сказалъ офицеръ;—но почему вы велѣли нѣкоторымъ солдатамъ сойти съ лошадей?

Донъ Торрибіо посмотрѣлъ вокругъ себя, потомъ, нагнув-

шись къ офицеру, схватилъ его за шиворотъ, приставивъ дуло пистолета къ его груди:

— Потому что я хотѣлъ прогнать васъ съ поста,—сказалъ онъ тихимъ, но угрожающимъ голосомъ,—сто унцій и чинъ капитана, если вы будете молчать. Но за одно слово или крикъ я вамъ размозжу голову! Взгляните-ка, что дѣлается.

Офицеръ обвелъ вокругъ себя любопытнымъ взглядомъ, чтобы уяснить себѣ настоящее положеніе.

Получилось нѣчто для него неожиданное: пока онъ переговаривался съ дономъ Торрибіо, какъ того требовала военная дисциплина, охотники, подъ предводительствомъ Луки Мендеса, проскользнули въ темнотѣ къ баррикадѣ и завладѣли ею безъ выстрѣловъ и безъ боя. Сторожа, конечно, заранѣе подкупленные, не только не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, но, напротивъ, съ удовольсткіемъ присоединились къ нимъ.

— Ловко сыграно! — проговорилъ небрежно офицеръ. — Прекрасно выполнено, честное слово! я сдаюсь, сеньоръ, и съ этой минуты готовъ служить вамъ. Что я долженъ дѣлать?

— Обѣщать честно исполнять свои обязанности, Капитанъ!

— Обѣщаю, сеньоръ! Carai! сразу два чина, какое счастье! Сегодня утромъ былъ унтеръ-офицеромъ а вечеромъ сдѣлался — капитаномъ. Большаго мнѣ и желать нечего, по крайней мѣрѣ теперь!—прибавилъ онъ, смѣясь.

— Ну, и прекрасно,—сказалъ донъ Торрибіо, пряча пистолетъ; — не безпокойтесь, благодаря васъ, битва теперь скоро окончится.

Это смѣлое нападеніе было произведено съ такой ловкостью, что нигдѣ не возбудило тревоги. Донъ Мануэль не подозрѣвалъ, что дѣлалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, а потому ему нечего было заботиться о предохраненіи себя отъ страшнаго удара.

Донъ Торрибіо отвелъ въ сторону Пепе Ортиса, поручивъ ему принять нѣкоторыя мѣры относительно донны Санты, которую онъ хотѣлъ избавить отъ ужаснаго зрѣлища битвы, происходившей пока на ея глазахъ, затѣмъ, въ сопровожденіи двадцати охотниковъ, направился ко дворцу.

Лука Мендесъ, по взятіи баррикады, пустилъ ракету, чтобы возвѣстить дону Порфиріо и генералу Кабаллосу, что рѣшительная минута настала.

Четыре пушки, захваченныя при взятіи баррикады, повернули въ сторону мятежниковъ, на которыхъ какъ градъ полетѣли выстрѣлы, въ то же время донъ Руисъ, Лука Мендесъ и Касторъ напали на нихъ съ тылу, чѣмъ привели ихъ въ большое смятеніе.

Бунтовщики, очутившись среди двухъ огней и видя, что всякое отступленіе отрѣзано, дрались отчаянно. Почти всѣ были убиты, лишь немногимъ удалось спастись. Тогда донъ Порфиріо съ генераломъ Кабаллосомъ вступили на главную площадь, гдѣ ихъ встрѣтилъ донъ Руисъ со своими охотниками.

Въ эту минуту донъ Торрибіо выходилъ изъ дворца въ ярости.

— Ну, что?—спросилъ донъ Порфиріо.

— Донъ Мануэль скрылся! — вскричалъ молодой человѣкъ.

— Скрылся!

— Да! Во дворцѣ нѣтъ ни души; негодяй сбѣжалъ!

— Оставьте его, — вмѣшался въ разговоръ Лука Мендесъ;—гдѣ бы онъ ни пропадалъ, я найду его; и на этотъ разъ ужъ мы не выпустимъ его!

Донъ Порфиріо со своими друзьями тотчасъ-же отправился во дворецъ. Донъ Торрибіо не ошибся: видно было, что донъ Мануэль только что скрылся, и съ такою поспѣшностью, что не успѣлъ даже захватить съ собой самыхъ секретныхъ бумагъ.

Донъ Порфиріо не медля приступилъ къ водворенію въ городѣ порядка и спокойствія; затѣмъ разослалъ во всѣ

концы гонцовъ за бѣглецами, изъ которыхъ многихъ поймали.

Только дона Мануэля и его сообщниковъ никакъ не могли найти: они исчезли беслѣдно.

Жители Уреса были счастливы, что могли, наконецъ, спокойно вздохнуть, подъ охраной законной власти республики, и дѣятельно принялись за уборку труповъ и уничтоженіе баррикадъ, на которыхъ пролилось столько крови.

Черезъ нѣсколько часовъ городъ принялъ праздничный видъ, во всѣхъ домахъ зажгли иллюминацію, улицы наполнились ликующей толпой народа; всѣ пѣли и плясали, громко восхваляя новое мексиканское правительство и губернатора Соноры, такъ храбро отнявшаго похищенный у него постъ.

Только въ одномъ домѣ царили мракъ и уныніе; въ домѣ, въ которомъ укрывалась донна Санта послѣ своего бѣгства изъ гасіенды.

Когда Пепе Ортисъ вошелъ туда, по порученію дона Торрибіо, то нашелъ его пустымъ; выломанныя двери и опрокинутая мебель показывали, что дѣвушку похитили послѣ долгаго сопротивленія. Въ комнатѣ ея царилъ невообразимый хаосъ и безпорядокъ.

На порогѣ лежали два трупа, въ лужѣ крови, обезображенные до неузнаваемости.

Кѣмъ они убиты? Кто такіе похитители? Не было ли все это послѣдней местью дона Мануэля?

Вотъ вопросы, которые задавалъ себѣ донъ Торрибіо, блѣдный какъ полотно, съ неподвижнымъ взлядомъ и разбитымъ сердцемъ. Онъ метался какъ сумасшедшій по этимъ комнатамъ, гдѣ еще такъ недавно была его возлюбленная.

Въ первый разъ въ жизни въ душу его закралась ненависть; онъ только теперь понялъ, что месть можетъ доставить наслажденіе.

— О!—простоналъ онъ, — кто мнѣ розыщетъ мерзавца, который такъ подло разрушилъ мое счастье?!

— Я! — сказалъ Лука Мендесъ, тяжело кладя ему руку на плечо.

— Вы! — воскликнулъ онъ, поворачиваясь къ нему и пристально взглядывая на него;—но кто-же вы, наконецъ?!...

— Человѣкъ, любящій васъ и желающій вамъ счастья!— И, взявъ его подъ руку, онъ увелъ его изъ этого дома съ помощью Пепе Ортиса и дона Руиса.

Молодой человѣкъ, окончательно упавшій духомъ, позволилъ увести себя безъ всякаго сопротивленія; онъ ослабъ, какъ ребенокъ, склонилъ свою голову на плечо Пепе и горько заплакалъ.

XIII. Въ которой Искатель слѣдовъ выручаетъ влюбленнаго.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ послѣ окончательнаго паденія дона Мануэля и его сообщниковъ.

Все это время донъ Порфиріо употребилъ, чтобы смирить и успокоить краснокожихъ, недовольныхъ мексиканскимъ образомъ правленія; онъ возстановилъ порядокъ въ администраціи и облегчилъ участь настрадавшагося народа.

Задача была нелегкая и выше силъ зауряднаго человѣка. Но, хотя донъ Порфиріо и не хваталъ съ неба звѣздъ,— это былъ человѣкъ честный, любившій свое отечество; къ тому-же онъ обладалъ желѣзной волей и большой энергіей. Принявшись дѣятельно за работу, онъ выказывалъ вездѣ справедливость и награждалъ добрыхъ и злыхъ по заслугамъ. Въ силу всего этого ему удалось добиться хорошихъ результатовъ.

У дона Порфиріо имѣлось масса документовъ и писемъ, обличавшихъ Платеадосовъ. Снявши съ нихъ копію, онъ отослалъ бумаги въ Мексику. Тотчасъ-же по всей территоріи республики начались розыски этихъ страшныхъ бандитовъ, которые разоряли страну и наводили на всѣхъ ужасъ.

Большинство изъ нихъ были пойманы; но къ несчастью, главныхъ вожаковъ не могли найти. Ходили слухи, что они убѣжали въ Соединенные Штаты, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ для нихъ временъ.

Однако, донъ Бальтазаръ Турнидъ и донъ Венито де-Касональ были арестованы. При всеобщемъ негодованіи къ нимъ, ожидались важныя разоблаченія, но любопытство публики было обмануто: на слѣдующій день ихъ обоихъ нашли мертвыми въ тюрьмѣ; донъ Бальтазаръ перерѣзалъ себѣ горло; а донъ Венито де-Касональ повѣсился посредствомъ своего кушака на перекладинѣ окна.

Итакъ, прошло два мѣсяца со времени событій, о которыхъ мы разсказывали въ предыдушей главѣ. Былъ вечеръ; луна сіяла на небѣ, усѣянномъ звѣздами, и освѣщала своимъ блѣднымъ свѣтомъ величественныя еще развалины вымершаго нынѣ города Амакстлана, расположеннаго у развѣтвленія рѣки Хилы и при впаденіи въ нее Сатнаса и Пуэрко. Нѣсколько человѣкъ, казавшихся охотниками, сидѣли вокругъ огня въ большой комнатѣ, дворца Монтесума и кончали ужинать; ихъ оружіе лежало на полу, подлѣ нихъ, а тутъ же, въ отдаленномъ углу комнаты, ихъ лошади ѣли кормъ.

Охотники эти были хорошо извѣстные читателю были— Твердая-Рука, донъ Торрибіо де-Ніебласъ, Пепе Ортисъ, донъ Руисъ де-Ториллась, Касторъ и Маріано Педрозо, майордомъ гасіенды дель-Пальмаръ.

Окончивши ужинъ и утоливъ свой аппетитъ, охотники начали разговаривать о своихъ дѣлахъ.

Вдругъ раздался крикъ лѣсной совы, единственной птицы, поющей по ночамъ и повторился два раза.

— Тутъ что-то новое! — сказалъ Касторъ, хватаясь за ружье и приподнимаясь съ мѣста вмѣстѣ съ товарищами.

— Нѣтъ, сидите спокойно, господа, — сказалъ Твердая-Рука,—я знаю, что это: кто-нибудь изъ чужихъ попалъ въ одну изъ нашихъ западней.

— Бѣдняга!—проговорилъ Касторъ,—не повезло-же ему!

— Ба!—сказалъ Пепе Ортисъ, что-же дѣлать! всякъ за себя; сидѣлъ-бы лучше на своемъ мѣстѣ, чѣмъ рыскать какъ шакалъ!

Снаружи послышался шумъ шаговъ, и въ залу вошли

нѣсколько индѣйцевъ, ведя человѣка, связаннаго ими по рукамъ и ногамъ. Шапка, спустившаяся ему на глаза, мѣшала разсмотрѣть черты его лица; одѣтъ онъ былъ въ мексиканскій костюмъ.

Индѣйцы подошли къ Твердой-Рукѣ и молча остановились передъ нимъ, въ ожиданіи, пока онъ съ ними заговоритъ.

— Это добыча мого сына—Ястреба?—спросилъ Твердая-Рука, обращаясь къ вождю краснокожихъ и бросивъ вопросительный взглядъ на плѣнника.

— Ястребъ хотѣлъ угодить своему отцу!—отвѣтилъ тотъ съ легкимъ поклономъ.

— У моего сына глаза тигра и осторожность опосума! Какимъ образомъ попался этотъ человѣкъ?

— Онъ ѣхалъ галопомъ по берегу Салинаса, держа путь къ горѣ! Ястребъ, спрятавшійся въ кустахъ, забросилъ на него лассо! Блѣднолицый человѣкъ упалъ съ сѣдла и покатился по землѣ, точно яблоко сорвавшееся съ дерева. Мои воины набросились на него, отняли у него оружіе и связали, не давъ ему времени встать на ноги, Ястребъ приказалъ привести его къ отцу! Я сказалъ!

— Хорошо, начальникъ, вы поступили какъ умный и ловкій воинъ; мое сердце радуется, слушая васъ. Подвиньте этого человѣка, чтобы я могъ разсмотрѣть и распросить его. Но сначала освободите его отъ веревокъ: онѣ теперь излишни!

Ястребъ послушался, потомъ грубо толкнулъ плѣнника къ свѣту.

— Чего вамъ было нужно въ этихъ краяхъ?—спросилъ Твердая-Рука плѣнника.

— А вамъ какое дѣло?—отвѣтилъ плѣнникъ охрипшимъ голосомъ;—по пустынѣ всѣ могутъ ѣздить! Съ какой стати я буду давать вамъ отчетъ въ своемъ поведеніи?

— Какъ хотите! Кто вы такой?

Всадникъ приподнялъ шляпу и, гордо выпрямившись, сказалъ:

— Посмотрите на меня!

— Наранха!—воскликнулъ Твердая-Рука въ изумленіи.

— Проклятая душа дона Мануэля! — сказалъ Пепе Ортисъ.

Всѣ охотники встали, за исключеніемъ дона Торрибіо, который, со времени исчезновенія донны Санты, больше не жилъ, а прозябалъ.

— Да, я Наранха, замбо — повторилъ плѣнникъ, — чего вы хотите отъ меня?

— Узнать сперва, зачѣмъ вы появились въ этихъ краяхъ!

— Я-бы могъ ничего не отвѣчать вамъ; но такъ и быть! Вотъ уже два мѣсяца какъ изъ-за васъ проливается невинная кровь Мексики. Всѣ друзья моего господина и большинство его спутниковъ пали отъ вашей руки. Благодаря Богу, ему самому удалось спастись, онъ теперь въ безопасности, на той сторонѣ индѣйской границы. Такъ какъ ему больше не нужно меня, да онъ и не имѣетъ возможности оставить меня при себѣ, то онъ мнѣ приказалъ уѣхать отъ него. Мы разстались съ нимъ два дня тому назадъ; теперь я брожу одинъ по свѣту; мнѣ все равно, жить или умереть. Убейте-же меня, разъ я попалъ въ ваши руки!

— Такъ твой господинъ, донъ Мануэль де-Линаресъ спасся благодаря тебѣ, конечно?

— Да, благодаря мнѣ; и теперь вамъ не найти его. Убивайте-же меня! Чего-же вы ждете?

Донъ Торрибіо поднялъ голову; въ его глазахъ сверкнула радость; онъ всталъ, медленно подошелъ къ замбо и положа руку, на его плечо, сказалъ, устремивъ на него сверкающій взглядъ, котораго тотъ не могъ вынести—„ты лжешь“!

— Я лгу, я?—пробормоталъ онъ почти со страхомъ.

— Да, твой господинъ никуда не скрывался, ты разстался съ нимъ до заката солнца; не отрицай, а то опять солжешь!

Наранха молча опустилъ голову. Наступило минутное молчаніе. Донъ Торрибіо переглянулся съ Твердой-Рукой.

— Слушай!—сказалъ молодой человѣкъ замбо.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Я тебѣ спасъ жизнь два раза!

— Правда!--пробормоталъ тотъ.

— Теперь ты опять въ моихъ рукахъ. Но я не хочу твоей смерти: львы не ѣдятъ падали; ты только жалкій лакей, намъ твоей смерти не нужно. Тебѣ сейчасъ возвратятъ твое оружіе и лошадь. Убирайся и не оглядывайся назадъ; поѣзжай, куда хочешь, ты свободенъ!

— Вы имѣете право оставлять, но не можете помѣшать мнѣ быть преданнымъ моему господину: моя жизнь принадлежитъ также и ему; и я умру за него!

— Это насъ не касается, дѣлай что хочешь. Но помни, что если ты опять проявишься въ этихъ мѣстахъ и попадешься намъ, то тебя уже ничто не спасетъ отъ постыдной смерти, которую ты давно заслужилъ себѣ.—Отдайте этому человѣку лошадь и оружіе, онъ свободенъ! — сказалъ потомъ Твердая-Рука, обращаясь къ индѣйцамъ.

Послѣдніе молча исполнили приказанія, совершенно не понимая, ради чего такая милость.

— Отправляйся, и помни, что ты еще разъ обязанъ мнѣ жизнью!

— Я никогда не забываю ни добра, ни зла.... Буду помнить и скоро докажу вамъ это на дѣлѣ.

Съ этими словами замбо вскочилъ на сѣдло, пришпорилъ коня, помчался во весь духъ и вскорѣ скрылся въ темнотѣ.

Донъ Торрибіо остановился на порогѣ, слѣдя за быстрой ѣздой всадника. Когда же шумъ скачущей лошади исчезъ, онъ тихо вернулся въ комнату, погруженный въ задумчивость.

— Я исполнилъ ваше желаніе! — сказалъ ему Твердая-Рука.

— За что я искренно благодарю васъ, вы этимъ оказали мнѣ огромную услугу.

— Не понимаю, что вы хотите сказать!

— Вы знаете,—началъ онъ, — при какихъ обстоятельствахъ похитили донну Санту? Донъ Мануэль открылъ ея убѣжище. Видя свою неминуемую погибель, но все же же-

лая отомстить мнѣ до своего бѣгства, онъ послалъ бандитовъ съ приказаніемъ убить несчастное дитя. Наранха убилъ бандитовъ, а ее спасъ. Почему? ради какой цѣли? Я не знаю. Знаю только то, что онъ самъ похитилъ ее!

— Откуда вамъ удалось узнать, что онъ — виновникъ и что дѣвушка спасена?

— Не даромъ же я Искатель слѣдовъ. Я сразу прочиталъ всѣ подробности, осмотрѣвъ внутренность дома. Я розыскалъ его слѣды до рѣки Соноры; тамъ онъ пустился вплавь съ обѣими дѣвушками, донной Сантой и ея камеристкой; онѣ слѣдовали за нимъ по доброй волѣ. Всѣ трое были сначала на лошадяхъ; затѣмъ сѣли въ лодку, приготовленную и спрятанную заранѣе. Далѣе слѣдить за Наранхой оказалось невозможнымъ. Надо было надѣяться только на случай, который мнѣ и представился. Сегодня Наранха выѣхалъ изъ своего убѣжища; оно должно быть совсѣмъ близко отсюда, а теперь, зная прекрасно пустыню, онъ навѣрное уже нашелъ себѣ болѣе безопасное мѣсто, въ которомъ и запрятался.

— Но зачѣмъ было выѣзжать вечеромъ? — возразилъ Касторъ.

— Кто его знаетъ?! Душа этого человѣка—неизмѣримая пропасть, странное смѣшеніе добрыхъ и злыхъ инстиктовъ; у него какая-то безграничная привязанность къ своему господину, онъ любитъ его одного во всемъ свѣтѣ. По всей вѣроятности, онъ былъ не въ силахъ долѣе вынести разлуку съ нимъ и рѣшилъ повидаться съ нимъ во что бы то ни стало, разсчитывая, конечно, что въ окрестностяхъ гасіенды не встрѣтитъ ни души, или что онъ удеретъ отъ насъ, если попадется.

— Все это возможно,—сказалъ Твердая-Рука,—что же вы теперь думаете предпринять?

— Я?—сейчасъ же пуститься по его слѣдамъ. Донъ Руисъ, могу я надѣяться на васъ?

— Еще бы!—отвѣчалъ тотъ.

— Пепе Ортисъ, приготовь намъ лошадей!

— Но вѣдь это безуміе!

— Другъ, — сказалъ донъ Торрибіо съ сіяющимъ лицомъ,—мое сердце чувствуетъ, что раньше чѣмъ черезъ часъ я найду ту, которую люблю.

— Дай вамъ Богъ! Но посмотрите, луна быстро заходитъ, сейчасъ настанетъ совершенная темнота!

— Ничего не значитъ! Я вижу не только глазами, но и сердцемъ, а для послѣдняго мракъ не существуетъ. Пепе, подай факелъ!

Они вышли. Донъ Торрибіо нагнулся къ землѣ и нѣсколько минутъ внимательно разглядывалъ слѣды, оставшіеся послѣ Наранхи и его лошади.

— Прекрасно,—сказалъ онъ, поднимаясь;—теперь, будь онъ хоть въ самой пропасти, я найду его: я видѣлъ достаточно.

Охотники и индѣйцы, опытные въ подобныхъ дѣлахъ, слѣдили съ трогательнымъ восторгомъ за молодымъ человѣкомъ. Твердая-Рука высказалъ громко то, что всѣ думали про себя:

— Неужели вы надѣетесь, снявши эти слѣды, не взирая на темноту, не сбиться съ пути?

— Я увѣренъ въ себѣ; для меня это пустая забава!

— Но это превосходитъ всякое вѣроятіе, человѣческія способности не могутъ дойти до такого совершенства!

— Для насъ съ Пепе это дѣло привычное! не правда ли Пепе?

— О! Это совсѣмъ не трудно!

— Ну, такъ отправляйтесь съ Богомъ! — сказалъ Твердая-Рука.

— Благодарю, скоро мы вернемся обратно!

— Одни?—спросилъ Касторъ.

— Нѣтъ, съ тѣми, кого ѣдемъ отыскивать!

— Если вы исполните это, — воскликнулъ Касторъ,—то я признаю, что наши искатели слѣдовъ передъ вами—ослы.

— И будете неправы, — разсмѣялся донъ Торрибіо, — у насъ только своя система; и она хороша!

— Можетъ быть!—проговорилъ охотникъ.

Донъ Торрибіо, донъ Руисъ и Пепе Ортисъ вскочили на лошадей и скоро исчезли, предоставивъ охотникамъ комментировать на свободѣ ихъ рискованное предпріятіе.

Всадники мчались съ головокружительной быстротой, дѣлая всевозможные зигзаги, повертывали въ разныя стороны; временами можно было даже подумать, что они ворочаются назадъ, хотя они все удалялись и удалялись отъ товарищей безпрекословно подчиняясь, по военному, краткимъ указаніямъ дона Торрибіо, дававшаго ихъ ежеминутно, отрывистымъ голосомъ приказанія.

— Направо! Налѣво! здѣсь! тамъ! Прыгайте черезъ ровъ! сквозь кусты! Вокругъ этихъ деревьевъ! и проч. и проч.

Иногда, не замедляя ѣзды, молодой человѣкъ нагибался съ своего сѣдла почти до самой земли, вглядывался въ нее, потомъ разомъ выпрямлялся съ глазами бросающими молніи, со сжатыми губами и загадочной улыбкой.

Лошади скакали въ облакѣ пыли.

Вдругъ донъ Торрибіо крикнулъ:

— Стойте!

Всѣ остановились какъ вкопанные.

— На землю; теперь мы пойдемъ пѣшкомъ!

Ихъ отчаянная ѣзда длилась три четверти часа.

Сойдя на землю, всадники осмотрѣлись, чтобы уяснить себѣ, куда они попали.

Мѣсто это было дико и грандіозно; налѣво, серебряной полосой протекала рѣка Салинасъ, берега которой были покрыты низкими хлопчатниками, мастиковыми кустарниками и пр.; передъ ними подымался хаосъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую и образующихъ самыя затѣйливыя очертанія. Направо чернѣлъ громадный дѣвственный лѣсъ. Сзади, если бы луна продолжала свѣтить, можно было бы разглядѣть развалины вымершаго города и дворецъ Монтесумы, на разстояніи трехъ миль. Но охотники проѣхали вдвое больше, вслѣдствіе всевозможныхъ поворотовъ и без-

конечныхъ крюковъ, придерживаясь слѣдовъ, которые замбо намѣренно запуталъ.

— Пепе,—сказалъ донъ Торрибіо, — спрячь лошадей въ кусты!

— Мы приближаемся?—полюбопытствовалъ донъ Руисъ.

— Меньше чѣмъ черезъ четверть часа дойдемъ! подождите меня здѣсь минутку!—И молодой человѣкъ углубился въ темноту, въ которой вскорѣ скрылся.

— Гдѣ донъ Торрибіо?—освѣдомился Пепе Ортисъ, возвратившись.

— Онъ кажется пошелъ на открытіе; изчезъ въ скалахъ, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ на этотъ разъ нашелъ что-либо!—проговорилъ донъ Руисъ.

— Отчего же? хотя слѣдъ и запутанъ, но его все время было видно!

— Я очень радъ, если это такъ! Но, признаюсь, положительно ничего не могъ различить во время этой ѣзды, походившей скорѣе на вихрь, чѣмъ на правильное разслѣдованіе.

— Донъ Торрибіо говорилъ вамъ, что у насъ особенный способъ исканія слѣдовъ.

— Caraï! я и самъ вижу! Во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось, я счастливъ, что былъ свидѣтелемъ такого своеобразнаго зрѣлища. Вы можете ошибиться, но все же вы опасные Искатели слѣдовъ.

— За мной!—сказалъ донъ Торрибіо, вдругъ показавшись,—я нашелъ. Мѣсто замѣчательно хорошо выбрано; негодяй могъ бы спокойно прожить тамъ лѣтъ двадцать, если бы мы не напали на его слѣды.

— Это близко отсюда?

— Въ нѣсколькихъ шагахъ всего! Главное, молчите! Туда должны вести двѣ дороги, но намъ надо спѣшить, приходится взять кратчайшій путь, хотя онъ очень опасенъ, предупреждаю васъ; нужны хладнокровіе и твердая поступь; идите!

Они послѣдовали за нимъ гуськомъ.

Донъ Торрибіо направился къ скаламъ, карабкаясь за нихъ и дѣлая тысячу поворотовъ.

Черезъ пять минутъ смѣлые авантюристы очутились на краю широкой расщелины, необыкновенной глубины, изъ которой глухо раздавался шумъ невидимыхъ водъ; густой мракъ царилъ надъ этимъ своего рода колодцемъ, стѣны котораго были почти отвѣсны.

— Здѣсь,—сказалъ донъ Торрибіо шепотомъ,—намъ надо спуститься приблизительно на тридцать пять футовъ. Будьте рѣшительнѣе и ступайте тверже, паденіе повлечетъ за собой страшную смерть!

— Точно дорога, ведущая въ рай, — пошутилъ донъ Руисъ.—не сорваться-бы намъ! Все же попробуемъ!

— Постойте, дайте сюда ваши лассо; благодаря имъ мы легко спустимся.

Онъ взялъ лассо, крѣпко перекрутилъ ихъ, потомъ зацѣпилъ за скалы, оставивъ концы висячими.

— Я спущусь первый, — сказалъ Торрибіо, а ты, Пепе, послѣдній!

— Не лучше ли мнѣ спуститься первымъ?

— Нѣтъ!—властно сказалъ онъ.

Пепе молча опустилъ голову. Донъ Торрибіо обхватилъ оба конца веревки, легъ на землю и затѣмъ началъ осторожно спускаться въ пропасть, стараясь упираться ногами о всѣ выступы скалы, встрѣчающіеся на его пути.

Вскорѣ веревка зашаталась изъ стороны въ стороны.

— Онъ остановился,—сказалъ донъ Руисъ,—теперь моя очередь!

Въ пять минутъ всѣ трое очутились на довольно широкой площадкѣ, въ пропасти, на глубинѣ сорока футовъ; тутъ былъ такой мракъ, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Донъ Торрибіо потянулъ къ себѣ веревки, распустилъ ихъ и возвратилъ спутникамъ.

— Caraï,—весело сказалъ донъ Руисъ,—теперь вы намъ совсѣмъ отрѣзали отступленіе, милый другъ!

— Это чтобы заставить васъ одержать побѣду; потомъ мы возвратимся по другой дорогѣ.

— Ну, это, я думаю, будетъ не такъ-то легко. А теперь что мы станемъ дѣлать? Не застрянемъ же мы здѣсь, какъ чайки во время грозы. Или мы еще будемъ спускаться?

— Нѣтъ! Слушайте: намъ осталось самое опасное; то, что мы сдѣлали до сихъ поръ, пустяки,—въ сравненіи съ тѣмъ, что намъ предстоитъ.

— Гмъ! вы находите? Но, все равно, продолжайте, дорогой другъ!

— Тутъ растутъ лиственницы, которыя кажется пустила глубокіе и крѣпкіе корни въ щели этихъ камней. Посмотрите, какъ она согнута: она достаетъ почти до противоположнаго края расщелины, отъ котораго отдѣлена не болѣе какъ на три или на четыре фута. Напротивъ, съ той стороны, открывается входъ въ пещеру; для этого намъ надо добраться до конца дерева, ухватиться за одну изъ вѣтвей его, чтобы не потерять равновѣсія, и затѣмъ изо всей силы прыгнуть какъ можно дальше; только надо скакать прямо впередъ; а то вы понимаете....

— Еще бы! Да, я одинъ не рѣшился бы на такую прогулку. Еслибы было еще свѣтло!

— Я ужъ пробовалъ попасть туда и вернулся, чтобы доставить вамъ удовольствіе сопровождать меня до конца.

— Покорно благодарю! Ну, чтожъ, попробуемъ и мы: прыгать такъ прыгать!

— Вотъ это я понимаю! Ну, съ Богомъ!

Всѣ трое полѣзли на лиственницу, донъ Торрибіо впередъ, а Пепе Ортисъ сзади.

Было бы неправдой утверждать, что при всей своей львиной храбрости молодые люди оставались бы спокойны, пока карабкались по дереву среди непроглядной тьмы. Если бы возможно было вернуться назадъ, то они пожалуй и не отважились бы на такой рискованный шагъ; но всякое отступленіе угрожало имъ неминуемой смертью; только и

оставалось идти впередъ, на что они и рѣшились съ замирающимъ сердцемъ.

Но ими чуть па овладѣло головокруженіе, когда, добравшись до конца лиственницы, они почувствовали, что дерево закачалось съ ними надъ пропастью....

Мы забыли сказать, охотники были въ полномъ вооруженіи, что значительно затрудняло ихъ и безъ того трудное предпріятіе; но донъ Торрибіо позаботился связать вмѣстѣ всѣ ружья, топоры и проч. Пепе Ортисъ, привязавъ ихъ къ спинѣ, спустился съ ними не площадку, съ которой онъ долженъ былъ, привязавъ ихъ предварительно къ веревкѣ, бросить ихъ въ гротъ, гдѣ ихъ примутъ его спутники.

Первымъ прыгнулъ донъ Торрибіо, за нимъ донъ Руисъ; Пепе Ортисъ бросилъ сначала оружіе и, наконецъ, самъ скакпулъ въ гротъ, точно ягуаръ.

Съ какимъ облегченіемъ каждый изъ нихъ вздохнулъ, когда они опять очутились вмѣстѣ! Только чудо могло спасти ихъ.

Они снова вооружились; донъ Торрибіо пошелъ впередъ, и всѣ молча продолжали опасный путь.

Въ пещеру велъ узкій проходъ, куда они вступили рѣшительно.

Пройдя около четверти часа, охотники увидѣли передъ собою свѣтъ, сначала слабый, но по мѣрѣ ихъ приближенія становившійся яснѣе; вскорѣ имъ послышался звукъ человѣческаго голоса, и черезъ нѣсколько минутъ они могли различить слова.

Шелъ дружескій разговоръ между тремя лицами: однимъ мущиной и двумя женщинами.

Донъ Торрибіо задрожалъ отъ радости, распознавъ эти голоса.

Донна Санта была здѣсь, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; молодой человѣкъ, переживъ такія сильныя волненія, чуть было не лишился чувствъ, заслышавъ любимый голосъ.

— Стойте!—прошепталъ онъ,—послушаемъ!

— Это просто удивительно,—пробормоталъ донъ Руисъ,— вѣдь мы дошли до конца этого невѣроятнаго слѣда. Какой сверхъестественный талантъ у этихъ людей! Еслибы я самъ не участвовалъ во всей прогулкѣ, то никогда не повѣрилъ-бы, что возможенъ такой скорый и вѣрный результатъ.

Между тѣмъ разговоръ въ пещерѣ продолжался. Говорила донна Санта.

— Итакъ, вамъ не удалось; гасіенду все еще стерегутъ?

— Да, стерегутъ! — отвѣтилъ Наранха сдавленнымъ голосомъ.

— Боже! неужели же мнѣ суждено на вѣкъ остаться въ этой пещерѣ?

— Вы такъ скучаете здѣсь, не правда-ли?—сказалъ онъ съ упрекомъ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила.

— Значитъ, мое присутствіе такъ тяготитъ васъ? Я вамъ противенъ?

— Нѣтъ, я вамъ обязана жизнью; вы убили подосланныхъ ко мнѣ убійцъ. Я признательна вамъ за эту услугу и не только ради себя, но и ради человѣка, котораго я люблю больше моей жизни и который не перенесъ бы моей смерти.

— Не говорите мнѣ этого!—проговорилъ онъ мрачнымъ голосомъ.

— Отчего?

— Вы знаете, почему я васъ спасъ, сеньорита?

— Вы говорили мнѣ: чтобы освободить своего господина, отдавъ меня за него въ выкупъ.

— Да, для этого, но еще и по другой причинѣ.

— А именно? скажите!

— Нѣтъ, вы не узнаете ея. Если я вамъ скажу, вы проклянете меня, а я не хочу этого!

— О! Наранха, не смотрите на меня такъ!—воскликнула она въ ужасѣ,—я боюсь васъ!

— А! вижу, вы поняли меня!

— Несчастный!—пробормотала она.

— Да, несчастный, и очень несчастный, — проговорилъ онъ разбитымъ голосомъ — вы никогда не узнаете, сеньорита, что я выстрадалъ, и какъ я еще страдаю: у меня въ сердцѣ адъ! — Не бойтесь меня, мое уваженіе къ вамъ еще сильнѣе того безумнаго чувства, которое гложетъ мнѣ сердце!

— Бѣдный Наранха!—сказала она съ сочувствіемъ.

— Вы жалѣете меня, такого дурного человѣка! О! какъ вы добры! Благодарю и за это! Будьте счастливы!

— Счастлива, увы!

— Да, я поклялся въ этомъ часъ тому назадъ. Человѣкъ, котораго вы любите, еще разъ спасъ мнѣ жизнь!

— Торрибіо!

— Не произносите его имени, мнѣ это слишкомъ тяжело. Чтобы устроить ваше счастье, я забываю все, даже свою привязанность, которая была для меня — все въ жизни. Я измѣняю моему господину, я отдаю его на съѣденіе врагамъ! О! какой я подлецъ! Но вы будете счастливы, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Пойдемте, уйдемъ скорѣе отсюда; если я промедлю, то у меня, можетъ, не хватитъ силъ на эту жертву.

— Что вы хотите дѣлать?

— Отдать васъ тому, кого вы любите и безъ кого не можете жить!

— О! Господь вознаградитъ васъ, Наранха, этотъ поступокъ искупаетъ всѣ ваши грѣхи!

— Идите-же, идите,—проговорилъ онъ съ блуждающимъ взоромъ,—я за себя не ручаюсь....

— Хорошо, Наранха! — вдругъ проговорилъ, выступая впередъ донъ Торрибіо,—вы не обманули меня, помня свое обѣщаніе. И я, въ свою очередь, не забуду этого!

— Вы! вы здѣсь! вскричалъ въ ужасѣ замбо и добавилъ, говоря самъ себѣ: „Самъ Богъ привелъ его сюда, моя жизнь кончена!

— Что вы хотите сказать?

— О! Торрибіо, наконецъ-то вы пришли!—воскликнула

донна Санта, бросаясь въ его объятія, съ глазами, полными слезъ.

— Безцѣнная Санта! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, страстно прижимая ее къ груди.

— Уйдемъ; уйдемъ!—начала она въ избыткѣ счастья.

— Да,—вскричалъ Наранха глухимъ голосомъ;—уходите, уходите скорѣй! — и онъ при этомъ вытянулъ руку, точно указывая имъ дорогу.

Его лицо побагровѣло, глаза заблестѣли отъ внутренней лихорадки и самъ онъ конвульсивно вздрагивалъ, слѣдя дикимъ взглядомъ за движеніями дѣвушки, увлекаемой дономъ Торрибіо, который уносилъ ее на рукахъ, такъ она была слаба.

Сзади этой группы шла Лолла-Нера съ дономъ Руисомъ и Пепе Ортисомъ.

Но Наранха не видѣлъ никого, кромѣ донны Санты.

— Они уходятъ!—пробормоталъ онъ,—все кончено, я болѣе не увижу ея... Я одинъ... я—измѣнникъ моему господину!... Подлецъ!... подлецъ... Но нѣтъ, я безумецъ. Вѣдь, она будетъ счастлива, бѣдное дитя! Для меня же все кончено...

Охотники и обѣ дѣвушки уже подходили къ выходу изъ подземелья; вдругъ они всѣ вздрогнули и вскрикнули. Изъ грота раздался выстрѣлъ: то Наранха покончилъ съ собою.

XIV. Въ которой обнаруживается перстъ Божій.

Было около четырехъ часовъ утра; ночь была теплая, все небо покрыто тучами; въ воздухѣ чувствовалось удушье; вѣтеръ свистѣлъ, сгибая деревья и съ трескомъ ломая ихъ вѣтви; дождь начиналъ падать крупными каплями; раскаты грома повторялись эхомъ горныхъ пещеръ. Словомъ, все предвѣщало страшную грозу.

Гасіенда дель Энгано выступала темнымъ пятномъ съ вершины Воладеро. Казалось, ея обитатели, если тако-

вые имѣлись въ данную минуту, были погружены въ глубокій сонъ.

Однако, въ дѣйствительности было не такъ, хотя изъ оконъ гасіенды и не виднѣлось ни одного огонька.

Въ богатомъ кабинетѣ, съ роскошной обстановкой, сидѣлъ, не разгибаясь, человѣкъ передъ столомъ, заваленнымъ бумагами.

Читатель, конечно, узналъ его: это былъ донъ Мануэль де-Липаресъ, бывшій губернаторъ Соноры, низвергнутый президентъ республики трехъ штатовъ и глава страшнаго союза Платеадосовъ, все еще вѣрившій въ свое всемогущество.

Донъ Мануэль былъ блѣденъ и разстроенъ; его усталое лицо носило отпечатокъ разочарованія, глаза блестѣли и взгляды блуждали съ безпокойствомъ, стараясь проникнуть сквозь темноту въ отдаленные углы кабинета, которыхъ лампа съ абажуромъ, стоящая на столѣ, не могла освѣтить. Малѣйшій шорохъ, стукъ крыльевъ ночной птицы о стекла пугали его; онъ машинально хватался за пистолеты, устремивъ взглядъ на тѣнь, представлявшуюся его воображенію угрожающимъ призракомъ. Но, видя, что ничто не двигается, онъ горько усмѣхался, его измученная грудь вздыхала съ облегченіемъ, и онъ вновь принимался за прерванную работу.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ душу этого человѣка закрались мрачныя предчувствія; то не были угрызенія совѣсти, такъ какъ онъ не имѣлъ души. Но всѣ его злодѣянія съ поразительной ясностью вставали передъ нимъ вереницей, и этотъ человѣкъ, доселѣ не вѣдавшій страха, чувствовалъ себя способнымъ лишиться чувствъ; онъ дрожалъ, припоминая количество своихъ жертвъ, и сознавалъ, что его часъ пробилъ и возмездіе близко.

И все таки онъ вѣрилъ въ безопасность въ своей гасіендѣ.

Враги его до сихъ поръ не могли открыть его убѣжища; значитъ, они были безсильны.

И не глупо-ли такъ безпокоиться и создавать себѣ химеры, когда ему ничего не угрожаетъ?! вѣдь непріятели думали, что онъ скрылся въ Соединенныхъ-Штатахъ. Теперь нужно только переждать, пока пройдетъ гроза, а до тѣхъ поръ сидѣть спокойно и не показываться. Въ Мексикѣ все возможно! Вотъ уже прошло два мѣсяца; очень возможно, что черезъ нѣсколько дней все будетъ кончено, и онъ опять сдѣлается полновластнымъ властелиномъ.

Подобными разужденіями и еще многими другими донъ Мануэль старался успокоить себя, но напрасно. Его страхъ увеличивался и предчувствія все также преслѣдовала его.

Однако, онъ окончилъ свою долгую работу: всѣ свои бумаги, перевязанныя и понумерованныя онъ спряталъ въ секретный ящикъ письменнаго стола; затѣмъ написалъ нѣсколько писемъ и запечатывалъ послѣднее изъ нихъ, когда пробили часы.

— Четыре часа уже!—пробормоталъ онъ.

Въ эту минуту сверкнула молнія, ослѣпившая дона Мануэля своимъ зеленоватымъ блескомъ; раздались раскаты грома.

— Гроза!—сказалъ онъ съ досадой.—Все противъ насъ! Что намъ дѣлать? Не лучше-ли отложить отъѣздъ на завтра? Собственно говоря, намъ нечего спѣшить!

Онъ позвонилъ; вошелъ заспанный пеонъ, протирая себѣ глаза.

— Вы изволили позвонить, ваша милость?—спросилъ онъ.

— Да, разбудили-ли моихъ друзей?

— Они ждутъ позволенія вашей милости войти къ вамъ.

— Ахъ! уже? Они, кажется, торопятся больше, чѣмъ я!—проворчалъ онъ, потомъ громко добавилъ.— Пусть войдутъ!

Лакей вышелъ, но тотчасъ-же вернулся и пропустилъ дона Вальдомеро де-Карденаса, дона Корнеліо Кебрантадора, дона Кристоваля Паломбо и еще семь или восемь другихъ Платеадосовъ, менѣе интимныхъ друзей дона Мануэля, но которые вмѣстѣ съ нимъ скрывались въ гасіендѣ. Всѣ были въ дорожныхъ костюмахъ, но безъ оружія.

— Вы видите, какая погода, сеньоры? — сказалъ донъ Мануэль,—разражается гроза, какъ намъ быть?

— Черезъ часъ всѣ дороги размоетъ; — отвѣтилъ донъ Вальдомеро, — по моему, если ѣхать, то надо ѣхать сейчасъ!

— Развѣ этотъ отъѣздъ необходимъ непремѣнно теперь?— возразилъ донъ Кристоваль,—или предвидятся новыя опасности?

— Опасности угрожаютъ намъ въ гасіендѣ болѣе, чѣмъ внѣ ея!—сказалъ донъ Корнеліо.

— Я не понимаю васъ,—сказалъ донъ Мануэль,— о какихъ-такихъ опасностяхъ вы говорите?

— Не знаю, могу ли я объясняться передъ всѣми?

— Мы всѣ одинаково заинтересованы въ этомъ дѣлѣ!— рѣзко замѣтилъ донъ Вальдомеро.

— Говорите же и объясняйтесь короче, дорогой донъ Корнеліо!

— Ну, хорошо! — разъ вы желаете, я скажу правду, сеньоры!

— Къ дѣлу! къ дѣлу! — закричали всѣ присутствующіе.

— Извольте, сеньоры: насъ всего въ гасіендѣ двѣсти тридцать семь человѣкъ; затѣмъ двѣсти пятьдесятъ три лошади и тридцать девять муловъ; хорошо, значитъ всего пятьсотъ двадцать девять индивидумовъ.

— Сумма правильна! Дальше! — раздражительно сказалъ донъ Мануэль.

— По уставамъ нашего союза гасіенда дель Энгано должна быть снабжена съѣстными припасами, правіантомъ и фуражемъ на пять сотъ человѣкъ и столько лошадей въ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Да, или нѣтъ, Кабаллеры? Вѣдь, это было выписано крупными буквами въ параграфѣ 178 нашего статута?

— Да, дѣйствительно, это написано! — отвѣтилъ донъ Кристоваль за всѣхъ.

— Все это и было сдѣлано,—вскричалъ донъ Мануэль;— гасіенда изобилуетъ всевозможными припасами; еще четыре

мѣсяца тому задъ мы позаботились съ дономъ Кристовалемъ и дономъ Вальдомеро наполнить всѣ кладовыя и амбары.

— Мы пользовались провизіей только семнадцать дней!— сказалъ донъ Кристоваль.

— Кладовыя полны припасовъ, — сказалъ донъ Вальдомеро,—я самъ осматривалъ ихъ еще недавно.

— Позвольте, господа,—прервалъ донъ Корнеліо,—донъ Вальдомеро ходилъ въ кладовыя недѣлю тому назадъ, и онѣ были полны, не правда-ли?

— Я уже сказалъ и повторяю то-же! — гордо отозвался донъ Вальдомеро.

— Ну-съ, Кабаллеры, а я самъ только часъ тому назадъ заглянулъ въ нихъ—онѣ пусты!

— Пусты?—не можетъ этого быть! — воскликнулъ донъ Мануэль.

— Вамъ очень легко удостовѣриться: посмотрите сами пусты онѣ, или нѣтъ.

— Здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе; надо дѣйствительно удостовѣриться, не ошибся-ли донъ Корнеліо, — сказалъ донъ Мануэль,—мы еще успѣемъ уѣхать; однако, гроза усиливается!

Въ самомъ дѣлѣ молнія сверкала ежеминутно, вѣтеръ неистово ревѣлъ, потрясая гасіенду до самаго основанія.

Въ эту минуту въ кабинетъ вбѣжалъ испуганный пеонъ.

— Сеньоры!—закричалъ онъ,—лошади и мулы, запертые въ конюшняхъ... исчезли, а также и сбруи!

— Этотъ человѣкъ рехнулся!—сказалъ донъ Вальдомеро.

— Вы ошибаетесь, вовсе я не рехнулся, ваша милость! — возразилъ дрожащій отъ страха пеонъ.

— Но это немыслимо!—воскликнулъ донъ Кристоваль.

— Это еще не все, ваша милость; когда забили тревогу, ваши солдаты не нашли своего оружія.

— Какъ! и оружіе похищено?!

— Рѣшительно все!

— Странно! — проговорилъ донъ Вальдомеро,—что тутъ такое дѣлается?

— Между нами есть измѣнники! — воскликнулъ донъ Кристоваль.

— Мы окружены невидимыми врагами!

— Измѣна! измѣна!—закричали всѣ присутствующіе.

И всѣ, машинально, въ какомъ-то суевѣрномъ страхѣ, подошли къ дону Мануэлю, стоящему передъ столомъ.

— Полноте, сеньоры, — сказалъ онъ съ презрительной улыбкой,—право, можно подумать, что вы боитесь! Что это значитъ?

— Это значитъ то, — отвѣтилъ ледяной голосъ изъ самаго темнаго угла кабинета. — Это значитъ, донъ Мануэль де-Линаресъ, что небо устало отъ вашихъ преступленій, и что пробилъ часъ вашего суда!

— Кто смѣетъ разговаривать такъ со мной? — воскликнулъ донъ Мануэль дрожащимъ голосомъ, схватывая пистолетъ и прицѣливаясь по направленію послышавшагося гоголоса.

Тогда изъ тѣни медленно вышли нѣсколько человѣкъ, другъ за другомъ, дошли до середины комнаты и здѣсь остановились.

Платеадосы въ ужасѣ слѣдили за ними, съ расширенными отъ страха глазами, не смѣя пошевелиться.

Человѣкъ, шедшій во главѣ этой свиты, былъ въ плащѣ и шляпѣ, поля которой не давали разглядѣть его лица; его спутники остановились сзади него.

— Кто вы такіе? Что вамъ нужно отъ меня?—спросилъ донъ Мануэль дрожащимъ голосомъ;—говорите сейчасъ, или я стрѣляю,

— Попробуй,—холодно отвѣтилъ незнакомецъ, — одинъ разъ тебѣ это не удалось, не думаю, чтобы и теперь тебѣ посчастливилось!

— Берегись! дьяволъ, призракъ, или кто другой, послѣдній разъ, отвѣчай, или я стрѣляю!

— Говорю тебѣ, попробуй! — вторично повторилъ незнакомецъ презрительно.

— Хорошо же!—воскликнулъ донъ Мануэль,— пеняй-же

на самого себя!—Съ этими словами онъ прицѣлился и выстрѣлилъ, но незнакомецъ остался невредимъ на томъ же мѣстѣ.

Обезумѣвшіе отъ страха Платеадосы столпились вмѣстѣ.

Донъ Мануэль точно окаменѣлъ; его пальцы судорожно сжимали еще дымящійся пистолетъ а глаза безсмысленно вперились въ незнакомца, какъ будто у птицы, загипнотизированной змѣей.

— А теперь, убійца,—сказалъ послѣдній ледянымъ тономъ,—посмотри ка на меня хорошенько! Что, узнаешь меня?

Быстрымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ себя плащъ и шляпу, его спутники сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, такъ что свѣтъ упалъ прямо на нихъ.

— Донъ Порфиріо Сандосъ!—воскликнулъ донъ Мануэль скрежеща зубами,—а, сатана! чего ты отъ меня хочешь?

— Судить тебя!—спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Погоди, я еще не въ твоихъ рукахъ, — оружіе пока еще со мной!

Онъ опять поднялъ свой пистолетъ, но тотчасъ же выпустилъ его и, спрятавъ голову въ руки, въ изнеможеніи опустился въ кресло.

Донъ Порфиріо презрительно пожалъ плечами и, обратившись къ одному изъ своихъ спутниковъ, проговорилъ, указывая на платеадосовъ.

— Капитанъ донъ Діэго, захватите этихъ мерзавцевъ. Это—сальтадоры, бандиты, совершившіе массу преступленій. Заочнымъ рѣшеніемъ суда они приговорены къ смерти. Повѣсьте ихъ всѣхъ на стѣнныхъ зубцахъ гасіенды, оставьте только двоихъ!—указалъ онъ на дона Мануэля и дона Вальдомаро.

Капитанъ поднялъ шпагу,—и солдаты схватили Платеадосовъ, которые даже не сопротивлялись.

Донъ Порфиріо, казалось, на минуту забылъ, о двухъ главныхъ преступникахъ; онъ скрестилъ руки на груди и глубоко задумался.

Его товарищи смотрѣли на него съ удивленіемъ и безпокойствомъ, не смѣя заговорить, хотя это были близкіе друзья его: донъ Торрибіо де Ніебласъ, донъ Руисъ де-Ториллась, Твердая-Рука, Касторъ и Пепе Ортисъ, — все люди, усердно помогавшіе ему въ этой безпощадной борьбѣ.

Донъ Мануэль и донъ Вальдомеро, казалось, превратились въ статуи; только ихъ глаза, вращавшіеся въ орбитахъ, показывали, что они живы.

Настала минута торжественнаго молчанія.

На дворѣ дождь лилъ какъ изъ ведра; молнія сверкала почти безостановочно, сопровождаемая страшными ударами грома; вѣтеръ свистѣлъ съ яростью.

Вдругъ со двора гасіенды раздался сильный выстрѣлъ, заглушившій на секунду шумъ бури; окна гасіенды задрожали.

Донъ Порфиріо поднялъ голову и устремилъ грозный взглядъ на вождей Платеадосъ.

— Судъ произведенъ надъ второстепенными преступниками,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ;—нашъ долгъ исполненъ. А этихъ тварей предоставимъ судить тому, кто одинъ имѣетъ право на это!

Охотники посторонились и стали около стѣны кабинета, направо и налѣво.

Донъ Порфиріо хлопнулъ два раза руками.

По этому сигналу вдругъ раздвинулась стѣна кабинета, открывъ громадную залу, ярко освѣщенную и наполненную многочисленной толпой, часть которой выступила въ кабинетъ и молча размѣстилась по сторонамъ комнаты.

Зрѣлище, представившееся изумленнымъ глазамъ Платеадосовъ, заставило бы ихъ содрогнуться отъ ужаса, но у нихъ сдѣлался такой упадокъ силъ, что они не могли дать себѣ отчета въ томъ, что происходило передъ ними.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола кабинета поставили на тумбу серебряную курильницу, въ которой горѣлъ слабый огонь, испуская сильный ароматъ своимъ синеватымъ пламенемъ.

Эта драгоцѣнная курильница была та самая, которую Мантекусама передъ смертью передалъ своему родственнику Митстли-Амантсину, и которая заключала въ себѣ священный огонь.

За тумбой неподвижно стояли пять стариковъ. съ длинными сѣдыми бородами, падающими на грудь; немного впереди, два вооруженныхъ воина, оба краснокожіе индѣйцы, держали, одинъ Totem, или національное знамя, (эмблему племени) а другой—трубку мира (калюметъ) которая не должна была никогда касаться земли.

Въ глубинѣ залы, облокотившись на свои ружья, выстроились сорокъ солдатъ, все храбрые воины.

Лѣвѣе, около огня, помѣстились двадцать индѣйскихъ сашемовъ; во главѣ ихъ находился Ястребъ.

Наконецъ, въ центрѣ возвышалась на трехъ ступеняхъ огромная эстрада, вся покрытая дорогими мѣхами.

На этой эстрадѣ стояло высокое кресло съ гербами, на которомъ возсѣдалъ человѣкъ въ костюмѣ мексиканскихъ кациковъ (князей), неслыханной роскоши.

Ему можно было дать пятьдесятъ четыре, самое большое пятьдесятъ шесть лѣтъ. Его длинные русые волосы, съ просѣдью, падали ему на плечи. На открытомъ лбу виднѣлись глубокія морщины; глаза полные жизни; лицо замѣчательно правильнаго очертанія, но необыкновенно блѣдное, носило отпечатокъ грусти. Горькая улыбка, скользившая по его губамъ, придавала ему выраженіе величественности и непреклонной воли.

Твердая-Рука, донъ Порфиріо Сандосъ и другіе отличившіеся воины, окружили у подножія эстрады эту таинственную личность.

Донъ Мануэль де-Линаресъ и его сообщникъ донъ Вальдомеро де-Карданасъ остановились у стола, загроможденнаго бумагами, опустивъ головы.

Гробовое молчаніе царило въ залѣ, несмотря на такое многочисленное собраніе.

Затѣмъ донъ Порфиріо взошелъ на эстраду и, нагнув-

шись къ сидящему въ креслѣ, прошепталъ ему нѣсколько словъ; потомъ занялъ опять свое прежнее мѣсто.

Незнакомецъ поднялъ голову.

— Мануэль де-Линаресъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Кто спрашиваетъ меня?— отозвался онъ, дрожа какъ листъ.

— Я! развѣ ты не узнаешь меня? — спросилъ незнакомецъ.

Донъ Мануэль машинально приподнялъ голову;

— Графъ де-Кортесъ! — воскликнулъ онъ сдавленнымъ отъ страха голосомъ; — Боже; неужели мертвые воскресаютъ?!

По его тѣлу вдругъ пробѣжала нервная дрожь, глаза безсмысленно заворочались, руки медленно поднялись потомъ точно сами — собой скрестились, онъ повалился на колѣни и пробормоталъ нечеловѣческимъ голосомъ:

— Пощадите, ваше высочество! пощадите!....

— Тебѣ нѣтъ пощады!—строго возразилъ графъ,—измѣнниковъ, убійцъ, воровъ и бандитовъ не щадятъ: каждому воздается по заслугамъ!

— Сжальтесь! смилуйтесь! Пощадите! — бормоталъ негодяй, самъ не понимая, чего просилъ.

— Сжалиться!—возмутился графъ, — и ты смѣешь произносить это слово! А! какое нахальство!.... Слушайте же всѣ, братья и друзья мои!

— Я долженъ все сказать, чтобы, наконецъ произвести судъ.

Графъ всталъ и обведя всѣхъ открытымъ и гордымъ взглядомъ, продолжалъ:

— Я Педро Гусманъ Мистли Ксолотль, графъ де-Кортесъ-Моктекусома, грандъ Испаніи, сагаморскій князь, князь Сиболы, я—хранитель священнаго огня; потомокъ королей Чичинековъ, единственный сашемъ, признанный индѣйскими народами, я созываю сегодня генеральный совѣтъ Сиболы. Кто оспариваетъ это право и противится этому созыву?

— Никто! — воскликнули всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Итакъ, я обвиняю передъ совѣтомъ этого человѣка, моего родственника, — продолжалъ графъ, — какъ убійцу и вора!

— Мы подверждаемъ!—сказали донъ Порфиріо и Твердая-Рука, протягивая руки къ священному огню.

— Я обвиняю этого второго человѣка, какъ его сообщника; былъ еще одинъ, но тотъ самъ учинилъ надъ собой расправу, только что покончивъ самоубійствомъ.

— Мы подтверждаемъ!—повторили опять два человѣка, къ которымъ на этотъ разъ присоединились донъ Торрибіо, донъ Руисъ и Пепе Ортисъ.

— А теперь,—продолжалъ графъ,—слушайте, хранители священнаго огня! Слушайте, сашемы и воины, въ чемъ я обвиняю дона Мануэля де-Линареса, моего родственника!

— Этотъ человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ конецъ разорившійся, вслѣдствіе разврата и мерзостей своей скандальной жизни, дошелъ до ужасающей нищеты. Всѣ отворачивались отъ него съ омерзѣніемъ, онъ издыхалъ съ голоду. Тогда, пожалѣвъ его, я протянулъ ему руку помощи; я даже сдѣлалъ больше: принялъ его въ свой домъ, раздѣливъ съ нимъ все пополамъ, какъ съ роднымъ братомъ!

— Это правда, — проговорилъ донъ Мануэль разбитымъ голосомъ,—я подлецъ,—неблагодарная скотина, я забылъ всякую честь и признательность.... и я раскаиваюсь. Господи, сжалься надо мною!... Пощадите меня!

— Трусъ! — сказалъ ему съ презрѣніемъ донъ Вальдомеро,—сумѣй хоть умереть-то!

— Поручивъ ему самое драгоцѣнное изъ моихъ сокровищъ,—продолжалъ графъ,—моихъ дѣтей, я уѣхалъ изъ гасіенды, оставивъ его полновластнымъ хозяиномъ. И этотъ человѣкъ приготовилъ для меня западню, въ которую я попался: онъ подослалъ ко мнѣ убійцъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ донъ Мануэль,—я не искалъ вашей смерти, а только хотѣлъ.....

— Уничтожить меня, не такъ-ли?

— Мысль объ убійствѣ исходила не отъ меня!

— Къ чему отпираться?—вмѣшался донъ Вальдомеро съ безпощадной ироніей,—разъ уже все выведено на чистую воду, то умремъ хотя съ доистоинствомъ! Выдержимъ до конца! Да, я былъ твоимъ орудіемъ, донъ Мануэль. Ты распоряжался; я исполнялъ твою волю. Изъ за кого я отравилъ бѣдную малютку Марседесъ? Вѣдь это ты приказалъ, змѣя! А мальчика, котораго ты велѣлъ задушить и затѣмъ бросить въ бездну Приска?! Помнишь, мерзавецъ, какъ ты укорялъ меня, когда я тебѣ сознался, что, пожалѣвъ невиннаго ребенка, улыбавшагося мнѣ своими кроткими глазами, я продалъ его одному испанскому капитану? Всѣ ужасы и пакости исходили отъ тебя! А я самъ, безъ твоихъ дьявольскихъ внушеній, развѣ я сдѣлался бы тѣмъ, что изъ меня вышло? Загляни въ себя, чудовище; сознайся чистосердечно въ своихъ преступленіяъ, но не моли пощады, которой ты не заслуживаешь! Наранха и я, мы оба негодяи, но все же мы лучше тебя. Мы спасли твою воспитанницу, несчастную Санту, которую ты велѣлъ придушить! Наранха взялся укрыть ее отъ тебя. Да, ты хуже тигра, ты трусливый и злющій шакалъ! Постыдись самого себя, мерзавецъ!—И подойдя къ нему, донъ Вальдомеро плюнулъ своему сообщнику въ лицо.

Эта непредвидѣнная сцена между двумя сообщниками сильно взволновала всѣхъ.

Донъ Мануэль побагровѣлъ отъ такого невиданнаго оскорбленія; его глаза испускали молніеносные взгляды; онъ сдѣлалъ движеніе впередъ, какъ бы желая наброситься, на своего обвинителя, но вдругъ зашатался и, упавъ въ кресло, заплакалъ.

Донъ Вальдомеро пожалъ плечами, смѣривъ негодяя презрительнымъ взглядомъ, потомъ повернулъ ему спину и, отойдя на нѣсколько шаговъ, бросилъ ему напослѣдокъ одно слово „трусъ“, но такимъ тономъ, котораго не возможно передать.

— О! да! жалкій и презрѣнный трусъ! — проговорилъ графъ, — но пора кончить эту тяжелую сцену! И къ чему было послѣ всего продолжать еще проливать невинную кровь? Онъ обманулъ своего родственника и благодѣтеля, подло обокравъ его! Само провидѣніе предало его въ руки человѣка, котораго онъ хотѣлъ убить, и который судитъ его теперь! Мануэль, вотъ двѣсти дней, какъ я издали слѣжу за тобой шагъ за шагомъ, какъ я не выпускаю тебя изъ виду ни на одну секунду. Ты не сдѣлалъ ни одного шага, не сказалъ ни одного слова безъ меня: я всегда былъ подлѣ тебя. Вспомни Луку Мендеса, стараго слугу дона Торрибіо де-Ніебласа, котораго ты купилъ у него съ цѣлью вывѣдать отъ него секреты его господина, и который притворной преданностью залѣзъ въ твою душу настолько, что ты, такой осторожный хитрецъ, такой пройдоха, ты безгранично вѣрилъ ему и ничего не скрывалъ отъ него! Лука Мендесъ, бѣдный жалкій старикъ, котораго ты могъ уничтожить однимъ мановеніемъ, былъ я, жаждущій отмстить тебѣ!

— О, горе! горе мнѣ! — простоналъ донъ Мануэль.

— Да, горе тебѣ, негодяй! Ты пытался убить меня — а я сужу тебя. Ты хотѣлъ задушить моего сына, но онъ живъ и ты знаешь его!

— Онъ живъ?

— Да, онъ живъ, и ты знаешь его! При первой твоей встрѣчѣ съ нимъ, онъ спасъ тебѣ жизнь! Ты самъ чуть не узналъ его на другой день послѣ того, какъ онъ спасъ твою жену и воспитанницу отъ бѣшеныхъ ягуаровъ!

— Что я слышу? возможно-ли? воскликнулъ донъ Торрибіо, — пораженный въ самое сердце этимъ неожиданнымъ открытіемъ, и, бросаясь, какъ сумасшедшій къ эстрадѣ, — вы! вы! мой отецъ!

Графъ, не менѣе взволнованный, принялъ его въ свои объятія.

— Да, ты мой сынъ! мое дорогое дитя!

— Отецъ мой! — повторялъ молодой человѣкъ, рыдая на груди графа.

— Сознайся, негодяй,—началъ опять старикъ,—сознайся, что пути Провидѣнія справедливы и неисповѣдимы! Господу Богу было угодно, чтобы я, бродя въ одномъ испанскомъ портѣ, почти умирая съ голоду, обратился къ одному незнакомцу съ мольбою дать мнѣ возможность возвратиться въ Мексику. Этотъ незнакомецъ былъ мой сынъ! Ни онъ, ни я не знали тогда этой тайны, и кто-же мнѣ открылъ ее?—Ты самъ.

— Какъ я?—прошипѣлъ бандитъ,—неправда, никогда!

— Никогда! говоришь-ты? Развѣ ты забылъ, какъ мой сынъ, разставшись съ тобой, чуть было не умеръ съ горя, пораженный тѣмъ, что ты сообщилъ ему? Только чудо спасло его; во время его долгой болѣзни, въ гасіендѣ дель-Пальмаръ, донъ Порфиріо, мой другъ и братъ, увидѣлъ на груди несчастнаго ребенка знаки, начертанные имъ самимъ остріемъ кинжала.

— Я подтверждаю!—сказалъ донъ Порфиріо.

— О! — отчаянно зарыдалъ донъ Мануэль, — о! лучше смерть, чѣмъ такая пытка!

Счастье этихъ двухъ людей, которыхъ онъ столько времени преслѣдовалъ, приводило его въ ярость.

— Смерть!—сказалъ графъ,—о! нѣтъ, ты не умрешь, ты долженъ жить и страдать, не надѣясь найти утѣшеніе. Напрасно ты будешь призывать смерть; она долго не придетъ къ тебѣ на помощь. Ты былъ всегда безжалостенъ къ другимъ, пожинай-же теперь, что посѣялъ: ты любилъ во всемъ свѣтѣ только двухъ существъ, это твою жену и сына!

— Что-жъ! — воскликнулъ онъ, — предчувствуя ударъ, — они здѣсь, недалеко, въ безопасности.

— Они убиты бандитами, которымъ ты поручилъ отвезти ихъ въ Мексику, убиты съ цѣлью завладѣть ихъ золотомъ и драгоцѣнностями!

— Ты лжешь! о! ты лжешь, графъ, это неправда! моя жена, мой сынъ!

— Оба убиты, повторяю тебѣ; ихъ трупы, наполовину съѣденные дикими звѣрями, найдены сегодня въ саваннѣ.

— А! ты самъ видишь, что лжешь,—закричалъ несчастный съ ужаснымъ смѣхомъ,—развѣ это возможно? Напрасно стараться напугать меня, нѣтъ, нѣтъ, онѣ не могли умереть!...

Графъ сдѣлалъ тогда знакъ. Воины посторонились и пропустили индѣйцевъ съ носилками, на которыхъ лежали изуродованные трупы женщины и ребенка.

— Посмотри!—сказалъ графъ, — и преклонись передъ карою, которую тебѣ посылаетъ Богъ.

— Ахъ! — вскрикнулъ донъ Мануэль зъ неописуемомъ ужасѣ.

Онъ стремительно бросился къ носилкамъ, на которыя упалъ въ рыданiяхъ.

Но тутъ произошло что-то странное, невообразимое. Несчастный вдругъ выпрямился и поднялъ голову; его судорожное лицо приняло выраженiе безумiя; изо рта показалась бѣловатая пѣна и на губахъ отвратительная улыбка, онъ прижалъ къ груди трупъ своего бѣднаго ребенка и легкимъ шагомъ направился къ индѣйскимъ сашемамъ, стоящимъ у эстрады. Раскланявшись съ ними со странной развязностью, онъ сказалъ имъ:

— Вотъ видите, я не солгалъ! Вотъ сынъ графа Кортеса, моего родственника. Онъ поручилъ мнѣ его, теперь-же я отдаю его вамъ; онъ не умеръ, онъ спитъ, не будите его. Я вамъ покажу также и дочь его, она здѣсь. Берегите эти дорогiя созданiя отъ всего дурного. Лишить отца его дѣтей. это ужасно! Не будите-же ихъ, они спятъ!... Кто смѣлъ обвинить меня въ ихъ убiйствѣ?

Съ трупомъ, прижатымъ къ груди, онъ повалился на полъ въ страшномъ припадкѣ.

Умъ и душенка негодяя, разслабленные постоянными угрызенiями и страхомъ, не могли вынести этого послѣдняго удара: онъ сошелъ съ ума.

Свидѣтели этой катастрофы оледенѣли отъ ужаса.

— Отецъ мой,—обратился донъ Торрибiо съ просьбой,— Богъ оказался строже васъ къ этому чудовищу, пославъ ему такое возмездiе. Теперь онъ возбуждаетъ жалость.

— Богъ былъ справедливъ!—отвѣтилъ графъ, и, подойдя къ негодяю, который валялся по полу съ дикимъ ревомъ,— сказалъ ему.

— Не смотря на все зло, которое ты сдѣлалъ мнѣ, Мануэль, не смотря на все, что я выстрадалъ изъ-за тебя, я не могу ненавидѣть тебя, видя, какая кара постигла тебя. Отъ всего сердца я прощаю тебѣ, Мануэль, мою убитую дочь, мою разбитую жизнь, мое потерянное счастье, и молю Господа Бога сжалиться надъ тобой.

— О! отецъ!— воскликнулъ донъ Торрибіо, бросаясь къ нему вь объятія,—теперь мы вмѣстѣ и будемъ счастливы!

Графъ, крѣпко прижалъ своего сына къ груди, и поднявъ къ небу глаза, полные слезъ, воскликнулъ въ радостной надеждѣ:

— О! Боже! неужели для меня счастье еще возможно?

Къ утру гроза успокоилась; вдругъ изъ-за горизонта выглянуло солнце, среди пурпурныхъ и золотистыхъ облаковъ, и освѣтило своими лучами группу, состоявшую изъ отца и сына. . . . .

. . . .

Мѣсяцъ спустя, въ соборѣ Уреса происходило два бракосочетанія: свадьба дона Торрибіо де-Кортеса съ донной Сантой дель-Портилло и дона Руиса Ториллаcа де-Торре-Асуль съ донной Хезусъ Сандесъ.

Многочисленные друзья, изъ всѣхъ классовъ общества Соноры, составляли свиту новобрачныхъ.

Городъ веселился цѣлую недѣлю. Пепе Ортисъ, прельщенный шаловливымъ характеромъ прелестной Лоллы-Неры, просилъ ея руки, на что она съ радостью согласилась.

Донъ Мануэль, перевезенный въ домъ умалишенныхъ, умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не придя въ сознаніе; въ послѣднее время его помѣшательство перешло въ буйное сумасшествіе.

По усиленной просьбѣ своего сына, которому онъ ни въ чемъ не могъ отказать, графъ Кортесъ помиловалъ дона

Вальдомеро де-Карденаса и даже снабдилъ его деньгами на путешествіе въ Соединенные-Штаты.

Но этотъ завзятый мошенникъ не долго наслаждался жизнью послѣ великодушнаго прощенія графа: по возвратѣ въ Мексику, онъ былъ убитъ въ ссорѣ изъ-за карточной игры, когда выходилъ позднею ночью изъ кабачка, пользовавшагося дурной репутаціей.

Дону Порфиріо удалось окончательно уничтожить Платеадосовъ; но ихъ вскорѣ замѣнили новыя шайки, еще лучше организованныя, а потому и болѣе опасныя.

Мексика раздѣляетъ съ Италіей своеобразную привилегію: ни та, ни другая не могутъ обойтись безъ бандитовъ. Хотя въ Италіи они начинаютъ по немногу исчезать, но зато въ Мексикѣ процвѣтаютъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Говорятъ, что это зависитъ отъ исключительнаго ея устройства.

Вѣрно это, или нѣтъ, — предоставляемъ рѣшить столь важный вопросъ болѣе свѣдующимъ людямъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.